

ISSN 0132-6783

НФ

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 32

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 32

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1988**

ББК 84Р7—4
С23

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Э. А. АРАБ-ОГЛЫ
И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

(Д. А. БИЛЕНКИН)

Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ
ВЛ. ГАКОВ
Г. М. ГРЕЧКО
В. П. ДЕМЬЯНОВ
М. Б. НОВИКОВ
Е. И. ПАРНОВ

Сборник научной фантастики.— Вып. 32 / Сост.
С23 Ключева Б. Г.—М.: Знание, 1988.— 208 с.
1 р. 10 к. 100 000 экз.

Очередной выпуск сборника НФ не ограничен какой-то одной темой — в него включены произведения научной фантастики последних лет, в которых обсуждаются проблемы развития науки, человеческого общества.

В сборнике представлены произведения известных фантастов (А. и Б. Стругацких, М. Орлова) и начинающих авторов (Арк. Бегова, Д. Корецкого), рассказы зарубежных писателей (П. Андерсона, Г. Каттнера), а также публицистическая статья (Д. Биленкина).

С 4702060201—009
073[02]—88 71—87

ББК84Р7—4

© Издательство «Знание», 1988 г.

Предисловие

Фантастика создает социальные модели не просто в подобном, только уменьшенном до размеров литературного произведения виде, как это делает «обыкновенная» беллетристика. Она создает их в другом измерении, которое читателю предстоит понять и разгадать, в чем, собственно, и заключается главная привлекательность настоящей или, лучше сказать, стоящей, истинно философской фантастики.

Модели, создаваемые фантастикой, требуют, понятно, интерпретации, ведь и те загадочные факты, с которыми столкнулся в своем расследовании главный герой повести братьев Стругацких «Волны гасят ветер» Тойво Глумов, тоже допускали различные объяснения. А толкования и объяснения в художественном произведении не могут быть однозначными и одинаковыми, ведь они выводятся не по законам математических алгоритмов. Иной читатель заметит лишь верхний, событийный, нередко откровенно приключенческий слой. Но и тот, кто заглянет глубже, может понять смысл фантастической модели по-своему, может разглядеть в ней такие грани, которых не видели и сами авторы.

Такая неоднозначность пугает иных искусствоведов: а вдруг кто-нибудь что-нибудь поймет не так, как им представляется нужным или обязательным? На самом деле именно это свойство фантастики и дает читателю пищу для воображения, заставляет его думать, размышлять, спорить. Но только так и можно постигать окружающий мир, только так и нужно воспитывать в личности активность.

«Волны гасят ветер» занимают в этом выпуске НФ основное место не только по объему, поэтому и мы уделим этой повести главное внимание.

В предшествующей «Волнам...» повести Стругацких «Жук в муравейнике» перед читателями, как и перед героями произведения, вырисовывалась загадка — чего же хотели, чего добивались те неведомые силы, которые еще в эмбрионах запрограммировали развитие нескольких десятков землян и «заклеймили» их неким нероглифом. Что случилось, если бы один из отмеченных, Лев Абалкин, добрался до заветного «саркофага», где был спрятан шар с «его» знаком. Катастрофа или, напротив, Всеобщее Озарение?

В той повести авторы не дали разгадки, не дали принципиально, можно сказать, что в этом умолчании и состоит главный замысел «Жука...» — как должны действовать люди, когда необходимо принять ответственное решение при явной нехватке или полном отсутствии информации. Выбрать ли путь осторожничания — лучше ничего не делать, лучше все уничтожить, чем рисковать? Именно такое решение выбирает начальник КОМКОНа Рудольф Сикорски, о нем и его поступке упоминается в «Волнах...», когда говорят о «синдроме Сикорски».

Противоположную позицию — ничего не запрещать, а там будь что будет — занимает доктор Бромберг, тоже фигурирующий в новой повести.

Психологически наши симпатии, наверное, будут на стороне Бромберга, ведь слово «перестраховка» для большинства почти что ругательство. Но дело не в громких словах. Если призадуматься, то окажется, что все не так просто, и, может быть, мы сами приходим к выводу, что не столь уж неправ был руководитель КОМКОНа, пошедший на преступление, чтобы оградить человечество от неведомой опасности. Может быть, мы согласимся с тем, что надо было обладать очень большой мудростью, мужеством и самоотверженностью, чтобы совершить то, что совершил Сикорски, — убить Льва Абалкина.

Человечество не в фантастическом грядущем, не на сочиненных страницах, а в жизни, сейчас, сегодня овладело такими могучими силами природы, которые уже оказались способными уничтожить его. А что ждет нас впереди? Разве не надлежит каждый шаг в неизвестном направлении делать с максимальной осторожностью, ведь последствия могут быть неожиданными и непоправимыми.

Все эти проблемы не столько научные, не столько политические, сколько нравственные, они касаются совести, они упираются в ответственность людей перед той великой миссией, которую им отвела природа, — миссией жизни и разума на Земле. Примеров «из практики» можно привести множество, но достаточно одного, чтобы понять, как серьезны и сложны, казалось бы, чисто умозрительные, чуть ли не сказочные композиции, которые нарисованы в фантастической повести.

Перед первым атомным взрывом знаменитый итальянец Энрико Ферми держал с коллегами «веселенькое» пари: вся ли земная атмосфера загорится после взрыва или пожар ограничится областью Лос-Аламоса. Но если существовало хотя бы малейшее опасение, что вся, может быть, кнопку все-таки не следовало нажимать? Но она была нажата: человечество склонно бодро шествовать по направлению, пропагандируемому стариком Бромбергом, а не прислушиваться к мрачным предостережениям осмотрительных кассандр.

Это беглое возвращение к прежней повести Стругацких понадобилось для того, чтобы лучше понять идеи их нового, еще более непростого сочинения.

Итак, в «Волнах...» авторы решили раскрыть читателю старую тайну: кто же все-таки являлся причиной и тех давних, и свежих, но столь же непонятных, необъяснимых феноменов, которые скрупулезно собирает и исследует дотошный Тойво Глумов. И когда мы вместе с ним все больше и больше приходим к убеждению, что это все действительно проделки неких галактических Странников, тайком шурующих на нашей планете, то начинаем испытывать нарастающее разочарование — как, неужели ответ будет так банален. Опять эти изрядно надоевшие ино-

планетные пришельцы которыми пересыпана едва ли не каждая вторая фантастическая книжка и которые служат для многих авторов универсальной отмычкой к любым нагромождениям загадок. Прилетела летающая тарелка, и сразу все нежности стали ясностями, хотя такой ответ, в сущности, ни на что не отвечает, он давно превратился в штамп.

Впрочем, даже если бы Стругацкие остановились на этой гипотезе, необходимо заметить, что они проанализировали подозрения своего героя глубоко и всесторонне, и прежде всего опять-таки по нравственным показателям. Добро это или зло, морально это или аморально, если высшая цивилизация вмешивается в дела низшей пусть даже с самыми благородными намерениями, но, разумеется, без ведома опекаемых. Тойво Глумов категорически выступает против любого вмешательства. Вот какой примечательный диалог происходит у него с женой:

«— Никто не считает, будто Странники стремятся причинить землянам зло. Это действительно чрезвычайно маловероятно. Другого мы боимся, другого! Мы боимся, что они начнут творить здесь добро, как ОНИ его понимают!

— Добро всегда добро! — сказала Ася с напором.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так...»

Но прав ли Тойво в своем максимализме? Конечно, прав, хочется кричать, но и этот вопрос тоже не допускает однозначных ответов. Спустимся еще раз с фантастических высот на реальную землю, может быть, так будет легче увидеть хитросплетения, сведенные в повести до алгоритма. Надо или не надо вмешиваться, допустим, в жизнь индейских племен из Амазонии, отставших в своем развитии от генеральной линии земной цивилизации? Будет ли благом для них контакт с нею? Оставим в стороне те случаи, когда вмешательство происходит со злыми, корыстными намерениями, хотя трудно забыть судьбу, скажем, североамериканских индейцев. Но есть ли такая высшая, абсолютная мораль, которая дала бы благословение на разрушение привычного уклада жизни, уничтожение многовековых традиций, забвение уникального для каждого народа опыта предков? С другой стороны, справедливо ли оставлять любой живущий на Земле народ в невежестве, отлучать его от общечеловеческих культурных богатств, научных открытий и т.д. только во имя «чистоты» эксперимента? Но, придя к выводу — нет, несправедливо, мы тут же ощутим, что червячок сомнений не исчез. Станут ли эти люди счастливее, заполучив в свои вигвамы цветные телевизоры? Тут придется устанавливать, что это такое — человеческое счастье, и мы погрузимся в бездну философствования. Пожалуй, лучше вернуться к повести Стругацких.

Поставим на место отсталого, но гордого и процветающего племени все земное человечество, и мы поймем грандиозность задачи, которую взвалил себе на плечи Тойво, ненавидящий всякое насилие, а

потому сбежавший из рядов Прогрессоров. Ведь Прогрессоры и есть те самые культуртрегеры, которые призваны нести свои знания в остальные племена, живущие на иных планетах, поскольку перед нами фантастика. А также мы поймем всю степень сомнений, которые мучают его, его товарищей, его прямого начальника и духовного вдохновителя Максима Каммерера, нашего старого знакомого, которого мы знаем еще с 1971 года — года, когда вышел в свет роман Стругацких «Обитаемый остров». Мы знаем, какой это надежный и кристально чистый человек, уж он-то не допустит ни малейшей несправедливости. Хорошо бы, конечно, попутно разгадать: а чего же хотят эти самые Странники? Может, и вправду добра. Однако в состоянии ли «дикари» понять, что такое, допустим, тензорное исчисление и для чего оно нужно?

И все же если бы содержание повести сводилось только к дарам пришельцев, это действительно было разочаровывающе просто. Но со Стругацкими всегда надо держать ухо востро, чаще всего в их произведениях та или иная идея, подробнейшим образом разработанная и вполне ясная, вдруг выворачивается наизнанку, обращается в свою противоположность, и в результате открываются все новые и новые ее грани. Так происходит и здесь. (В этом месте читатели, которые не любят, чтобы им заранее раскрывали сюжетные ходы, могут прервать чтение предисловия и — при желании, конечно — вернуться к нему после окончания повести Стругацких).

Проблемы добра и зла, насильственного внедрения добра, «вертикальных прогрессов» и целей, которые ставит перед собой человечество и разум вообще, в конечном счете проблемы гуманизма и человечности приобретают в повести особо острый характер, когда выясняется, что никаких пришельцев, никакой сверхцивилизации не было и нет. Читатели, несомненно, оценят блестящий сюжетный ход, связанный с личностью самого Тойво Глумова, который оказался совсем не тем человеком, за которого сам себя принимал, но мы сейчас будем говорить об идеях.

Безудержное — по Бромбергу! — развитие человечества привело и будет приводить к появлению противоречий, без чего никакого развития и быть не может. Среди них будут и трудные, и досадные, и нежелательные. Представлять себе грядущий мир, каким бы он ни был совершенным, выкрашенным одной розовой краской, конечно, неправильно. Фантастика и призвана смотреть вперед и готовить читателя к пониманию все более усложняющегося мира. Но снова уже в третий раз приходится говорить, что было бы неверным видеть в модели Стругацких только предсказание грядущих потрясений. Она вполне приложима и к сегодняшнему дню.

Развитие любой области человеческой деятельности невозможно без появления в ней группы лидеров, без появления элиты, ушедших

намного дальше других. Но нет ничего хуже, ничего опаснее той же элиты, если она отрывается от народа, если цели, которые она перед собой ставит, превращаются в самоцели, если утрачивается первоначальное гуманистическое начало...

Несомненно, что только самые выдающиеся физики могли создать такое техническое «чудо», как атомная бомба, а потом водородная, а потом нейтронная, а потом рентгеновский лазер и т. д. Да вот только нужен ли человечеству подобный «вертикальный прогресс»?

Так кто же эти «людены», эти сверхчеловеки, наделенные фантастическими способностями и возможностями, нужны ли они человечеству, означает ли их появление рывок в его развитии? И оправдан ли тот отрицательный ответ, который дает повесть? Может быть, это тот авангард, к которому надо подтягивать все человечество? Может быть, вовсе не волны должны гасить ветер, а ветер вздымать волны как можно выше над средним «уровнем моря»?

Прибегнем еще к одной сегодняшней аналогии. Как известно, один из главных пропагандистских козырей защитников капиталистического строя таков: у «них» любой человек имеет шанс, имеет возможность стать миллионером. Не будем вдаваться в подсчеты величины этого шанса. Согласимся: имеет. Но есть же вопросы высшего порядка. А достоин ли вообще человека этот убогий мещанский идеал? А что делать тем членам общества, которые искренне не желают участвовать в «крысиных гонках» и которые считают подобные устремления аморальными?

Вот и Тойво Глумов, перед которым неожиданно-негаданно открылись, казалось бы, безграничные горизонты, начинает рассуждать: «Враг рода человеческого нашептывает мне, что только полный идиот способен отказаться от шанса обрести сверхсознание и власть над Вселенной...» «Идиот», однако, находится. Это сам Тойво. Он предпочитает лучше вообще исчезнуть, похоронить себя, чем насильно стать миллионером, превратиться из человека в нелюдя. Как поется в одной песенке Высоцкого: «Мол, принцессы мне и даром не надо», хотя испокон веков считалось, что царские дочки служат главным призом и венцом устремлений для всех добрых молодцев. А вот директор института Логовенко — тот ничуть не сомневается в своем праве принадлежать к высшей расе и формировать себе подобных без их ведома и согласия.

Разумеется, подобные параллели неизбежно упрощают авторскую мысль, это всего лишь одно из частных приложений, к тому же скорее обиходных, нежели общеполитических, мировоззренческих, которые тоже возможны. Но все же, мне кажется, ключ к ответу в фигуре любимого героя Стругацких Леонида Горбовского, точнее, в его морали, о которой Максим Каммерер говорит так: «Из всех возможных решений выбирай самое доброе». Не самое обещающее, не самое рациональное,

не самое прогрессивное и уж, конечно, не самое эффектное — самое доброе! Он никогда не говорил этих слов и очень ехидно прохаживался насчет тех своих биографов, которые приписывали ему эти слова, и он наверняка никогда не думал этими словами, однако вся суть его жизни — именно в этих словах. Вот в чем все дело-то. Прогресс человечества возможен только на высочайшей нравственной основе. Любой прогресс — научный, технический, культурный, физкультурный, генетический... Когда люди научатся безошибочно выбирать из всех возможных решений самое доброе, самое гуманное, самое человеческое, только тогда они получают гарантию не уничтожить самих себя и не превратиться в люденев-нелюдей.

Расстаемся ли мы в этой повести с тем блистающим миром будущего, который впервые возник в давнем романе «Полдень. XXII век»? Впрочем, невзирая на общность некоторых действующих лиц, это не совсем один и тот же мир, пожалуй, в последних произведениях он стал сложнее, противоречивее, но, может быть, благодаря этому и интереснее. Сами авторы заявили, что пока не собираются к нему возвращаться. Но, как сказал один французский писатель, заверения романиста равны честному слову гасконца. Так что нельзя совсем исключить возможность того, что когда-нибудь, если новый замысел потребует, в новых произведениях братьев Стругацких вновь возникнет настырный и симпатичный Тойво Глумов, раскрывающий одну из очередных загадок мироздания.

Помимо повести А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер», в сборник включены рассказы Арк. Бегова («Скакалка»), Д. Корецкого («Логика выбора»), М. Орлова («Долина голубоглазых фей»). Думаем, что читатели, познакомившись с этими произведениями, самостоятельно продолжат рассуждения о пересечении фантастических и реальных ситуаций.

Зарубежная фантастика представлена именами таких авторов, которые, можно сказать, работают с личной гарантией. Каждое новое произведение Пола Андерсона или Генри Каттнера, создателя знаменитых Хогбенов, это всегда новая ситуация, новый нравственный казус, новый и всегда оригинальный сюжет с парадоксальными, как правило, концовками, и никогда не отгадаешь, что тебя ждет. В то же время в этих двух рассказах проявилась общая для всей западной фантастики черта. Можно поражаться тому, что такие самобытные авторы боятся ступить хотя бы на шаг в сторону от этой черты. Они оказываются не в состоянии придумать общество, которое бы не повторяло один к одному то, которое окружает их и к которому лучшие, прогрессивные фантасты Запада относятся резко критически. Но все его черты автоматически переносятся в будущее. Что с того, что тред-юнионы на Венере называются таркомарами, а люди весьма далекого будущего приговаривают преступников к столь экзотическому наказанию, как ссылка

в прошлое? Важно, что это все сохраняется, остается — и профсоюзы, и крючкотворство, и тяжелые преступления, и жестокие наказания. Да и по своему морально-интеллектуальному уровню члены экипажа в рассказе Г. Каттнера «Железный стандарт» сильно смахивают на компанию грубоватых коммивояжеров. Будто так уж и нельзя представить себе общество, живущее совсем по иным, принципиально иным законам. Это, впрочем, скорее всего свидетельствует о том, что американских писателей почти не занимают инопланетяне, будущее, полеты в космос, а занимает и беспокоит окружающая действительность, они пытаются разять ее с помощью такого необычного, но действенного инструмента, как фантастика.

Цель настоящего предисловия — показать на немногих и в достаточной мере случайных примерах, что фантастика — это особый вид художественно-философского постижения мира, потому что до сих пор продолжают бытовать утверждения вроде того, что фантастика — это область чистописания, предназначенная для подбрасывания научных идей лишенным воображения академикам, или это «литература о будущем», или это «литература мечты» и т.п., определения, над которыми справедливо иронизирует автор заключающей сборник теоретической статьи Д. Биленкин.

Так уж распорядилась судьба, что статья «Реализм фантастики» стала последней сданной при жизни в печать работой талантливого писателя-фантаста Дмитрия Александровича Биленкина.

Всеволод РЕВИЧ

■ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ, БОРИС СТРУГАЦКИЙ

Волны гасят ветер

Понять — значит упростить.

Д. Строгов

ВВЕДЕНИЕ

Меня зовут Максим Каммерер. Мне восемьдесят девять лет.

Когда-то, давным-давно, я прочитал старинную повесть, которая начиналась таким вот манером. Помнится, я подумал тогда, что если придется мне в будущем писать мемуар, то начну я его именно так. Впрочем, предлагаемый текст нельзя, строго говоря, считать мемуаром, а начать его следовало бы с одного письма, которое я получил примерно год назад:

Каммерер,

Вы, разумеется, прочли пресловутые «Пять биографий века». Прошу Вас, помогите мне установить, кто именно скрывается под псевдонимами П. Сорока и Э. Браун. Полагаю, Вам это будет легче, чем мне.

М. Глумова

13 июня 125 года. Новгород.

Я не ответил на это письмо, потому что мне не удалось выяснить настоящие имена авторов «Пяти биографий века». Я установил только, что, как и следовало ожидать, П. Сорока и Э. Браун являются видными сотрудниками группы «Людены» Института исследования космической истории (ИИКИ).

Я без труда представлял себе чувства, которые испытывала Майя Тойвовна Глумова, читая биографию своего сына в изложении П. Сороки и Э. Брауна. И я понял, что обязан высказаться.

Я написал этот мемуар.

С точки зрения непредубежденного, а в особенности молодого читателя, речь в нем пойдет о событиях, которые положили конец целой эпохе в космическом самосознании человечества и, как сначала казалось, открыли совершенно новые перспективы, рассматривавшиеся ранее только теоретически. Я был свидетелем, участником, а в каком-то

смысле даже и инициатором этих событий, и поэтому не удивительно, что группа «Людены» на протяжении последних лет бомбардирует меня соответствующими запросами, официальными и неофициальными просьбами споспешествовать и напоминаниями о гражданском долге. Я изначально относился к целям и задачам группы «Людены» с пониманием и сочувствием, но никогда не скрывал от них своего скептицизма относительно их шансов на успех. Кроме того, мне было совершенно ясно, что материалы и сведения, которыми располагаю лично я, никакой пользы группе «Людены» принести не могут, а потому до сих пор я всячески уклонялся от участия в их работе.

Но вот сейчас по причинам, носящим характер скорее личный, я испытал настоятельную потребность все-таки собрать воедино и предложить вниманию каждого, кто пожелает этим заинтересоваться, все, что мне известно о первых днях Большого Откровения, о событиях, в сущности, явившихся причиной той бури дискуссий, опасений, волнений, несогласий, возмущений, главное — огромного удивления, — всего того, что принято Большим Откровением называть.

Я перечитал последний абзац и вынужден тут же поправить самого себя. Во-первых, я предлагаю, разумеется, далеко не все, что мне известно. Некоторые материалы носят слишком специальный характер, чтобы их здесь излагать. Некоторые имена я не назову по причинам чисто этического порядка. Воздержусь я и от упоминания некоторых специфических методов тогдашней своей деятельности в качестве руководителя отдела Чрезвычайных Происшествий (ЧП) Комиссии по Контролю (КОМКОН-2).

Во-вторых, события 99 года были, строго говоря, не первыми днями Большого Откровения, а, напротив, последними его днями. Именно поэтому оно осталось ныне лишь предметом чисто исторических исследований. Но именно этого, как мне кажется, не понимают, а вернее, не желают принять сотрудники группы «Людены», несмотря на все мои старания быть убедительным. Впрочем, возможно, я не был достаточно настойчив. Годы уже не те.

Личность Тойво Глумова вызывает, естественно, особый, я бы сказал, специальный интерес сотрудников группы «Людены». Я их понимаю и поэтому сделал эту фигуру центральной в своем мемуаре.

Конечно, не только поэтому и не столько поэтому. По какому бы поводу я ни вспоминал о тех днях и что бы я о тех днях ни вспомнил, в памяти моей тотчас встает Тойво Глумов, — я вижу его худощавое, всегда серьезное молодое лицо, вечно припущенные над серыми прозрачными глазами белые его, длинные ресницы, слышу его как бы нарочито медлительную речь, вновь ощущаю исходящий от него безмолвный, беспомощный, но неумолимый напор, словно беззвучный крик: «Ну что же ты? Почему бездействуешь? Приказывай!», и наоборот, стоит мне вспомнить его по какому-либо поводу, и тотчас же, словно

их разбудили грубым пинком, просыпаются «злобные псы воспоминаний» — весь ужас тех дней, все отчаяние тех дней, все бессилие тех дней ужас, отчаяние, бессилие, которые испытывал я тогда один, потому что мне не с кем было ими поделиться.

Основу предлагаемого мемуара составляют документы. Как правило, это стандартные рапорты-доклады моих инспекторов, а также кое-какая официальная переписка, которую я привожу для того главным образом, чтобы попытаться воспроизвести атмосферу того времени. Вообще-то придирчивый и компетентный исследователь без труда заметит, что целый ряд документов, имеющих отношение к делу, в мемуар не включен, в то время как без некоторых включенных документов можно было бы, казалось, и обойтись. Отвечая на такой упрек заранее, замечу, что материалы подбирались мною в соответствии с определенными принципами, в суть которых вдаваться у меня нет ни желания, ни особой необходимости.

Далее, значительную часть текста составляют главы-реконструкции. Эти главы написаны мною и на самом деле представляют собой реконструкцию сцен и событий, свидетелем которых я не был. Реконструирование производилось на основании рассказов, фонозаписей и позднейших воспоминаний людей, в этих сценах и событиях участвовавших, как-то: Ася, жена Тойво Глумова, его коллеги, его знакомые и т.д. Я сознаю, что ценность этих глав для сотрудников группы «Людены» невелика, но что делать, она велика для меня.

Наконец, я позволил себе слегка разбавить текст мемуара, несущий информацию, собственными реминисценциями, несущими информацию не столько о тогдашних событиях, сколько о тогдашнем Максиме Каммерере, пятидесяти восьми лет. Поведение этого человека в изображенных обстоятельствах даже мне представляется сейчас не лишним интереса...

Приняв окончательное решение писать этот мемуар, я оказался перед вопросом: с чего мне начинать? Когда и что положило начало Большому Откровению?

Строго говоря, все это началось два века назад, когда в недрах Марса был вдруг обнаружен пустой тоннельный город из янтарина: тогда впервые было произнесено слово «Странники».

Это верно. Но слишком общо. С тем же успехом можно было бы сказать, что Большое Откровение началось в момент Большого Взрыва.

Тогда, может быть, пятьдесят лет назад? Дело «подкидышей»? Когда впервые проблема Странников приобрела трагический привкус, когда родился и пошел гулять из уст в уста ядовитый термин-упрек «синдром Сикорски»? Комплекс неуправляемого страха перед возможным вторжением Странников? Тоже верно. И гораздо ближе к делу... Но я тогда еще не был начальником отдела ЧП, да и самого отдела ЧП тогда еще не существовало. Да и пишу я не историю проблемы Странников.

А началось это для меня в мае 93-го, когда я, как и все начальники отделов ЧП всех секторов КОМКОНа-2, получил информат о происшествии на Тиссе. (Не на реке Тисе, а на планете Тиссе у звезды ЕН 63061, незадолго до того обнаруженной ребятами из ГСП.) Информат трактовал происшествие как случай внезапного и необъяснимого помешательства всех трех членов исследовательской партии, высадившейся на плато (забыл название) за две недели до того. Всем троим вдруг почудилось, будто связь с центральной базой утрачена и вообще утрачена связь с кем бы то ни было, кроме орбитального корабля-матки, а с корабля-матки автомат ведет непрерывно повторяющееся сообщение о том, что Земля погибла в результате какого-то космического катаклизма, а все население Периферии вымерло от каких-то необъяснимых эпидемий.

Я уже не помню всех деталей. Двое из партии, кажется, пытались убить себя и в конце концов ушли в пустыню — в отчаянии от безнадёжности и абсолютной бесперспективности дальнейшего существования. Командир же партии оказался человеком твердым. Он стиснул зубы и заставил себя жить — как если бы не погибло Человечество, а просто сам он попал в аварию и отрезан навсегда от родной планеты. Впоследствии он рассказал, что на четырнадцатый день этого его безумного бытия к нему явился некто в белом и объявил, что он, командир, с честью прошел первый тур испытаний и принят кандидатом в сообщество Странников. На пятнадцатый день с корабля-матки прибыл аварийный бот, и атмосфера разрядилась. Ушедших в пустыню благополучно нашли, все остались в здравом уме, никто не пострадал. Их свидетельства совпадали даже в мелочах. Например, они совершенно одинаково воспроизводили акцент автомата, якобы передававшего роковое сообщение. Субъективно же они воспринимали происшедшее как некую яркую, необычайно достоверную театральную постановку, участниками которой они неожиданно и помимо своей воли оказались. Глубокое ментоскопирование подтвердило это их субъективное ощущение и даже показало, что в самой глубине подсознания никто из них не сомневался, что все это лишь театральное действо.

Насколько я знаю, мои коллеги в других секторах восприняли этот информат как довольно рядовое ЧП, необъясненное Чрезвычайное Происшествие, какие происходят на Периферии сплошь да рядом. Все живы и здоровы. Дальнейшая работа в районе ЧП необязательна, она и изначально не была обязательной. Желающих раскручивать загадку не нашлось. Район ЧП эвакуирован. ЧП принято к сведению. В архив.

Но я-то был выучеником покойного Сикорски! Пока он был жив, я часто спорил с ним и мысленно, и в открытую, когда речь заходила об угрозе человечеству извне. Но один его тезис мне было трудно оспаривать, да и не хотел я его оспаривать: «Мы — работники КОМКОНа-2.

Нам разрешается слыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одно не разрешается: недооценить опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах». И едва я услышал, что некто в белом вещает от имени Странников, я ощутил запах серы и вострепнулся, как старый боевой конь при звуках трубы.

Я сделал соответствующие запросы по соответствующим каналам. Без особого удивления я обнаружил, что в лексиконе инструкций, распоряжений и перспективных планов нашего КОМКОНа-2 слово «Странник» вообще отсутствует. Я побывал на приемах в самых высших инстанциях наших, и уже вовсе без всякого удивления я убедился, что в глазах наиболее ответственных наших руководителей проблема прогрессорской деятельности Странников в системе человечества как бы снята, пережита, как детская болезнь. Трагедия Льва Абалкина и Рудольфа Сикорски каким-то необъяснимым образом словно бы навсегда очистила Странников от подозрений.

Единственным человеком, у которого моя тревога вызвала некий проблеск сочувствия, оказался Атос-Сидоров, президент моего сектора и мой непосредственный начальник. Он своей властью утвердил и своей подписью скрепил предложенную мной тему «Визит старой дамы». Он разрешил мне организовать специальную группу для разработки этой темы. Собственно говоря, он дал мне карт-бланш в этом вопросе.

И начал я с того, что организовал экспертный опрос ряда наиболее компетентных специалистов по ксеносоциологии. Я задался целью создать модель (наиболее вероятную) прогрессорской деятельности Странников в системе земного человечества. Чтобы не вдаваться в подробности: все собранные материалы я послал известному историку науки и эрудиту Айзеку Бромбергу. Сейчас я уже даже и не помню, зачем я это сделал, ведь к тому моменту Бромберг уже много лет не занимался ксенологией. Должно быть, дело в том, что большинство специалистов, к которым я обращался с этими своими вопросами, просто отказывались разговаривать со мной серьезно (синдром Сикорски!), а у Бромберга, как всем известно, «всегда была в запасе пара слов», о чем бы ни заходила речь.

Так или иначе, доктор А. Бромберг прислал мне свой ответ, известный ныне специалистам как «Меморандум Бромберга».

С него все и началось.

С него начну и я.

(Конец введения).

Дата: 3 июня 94 года.

Автор: А. Бромберг, старший консультант КОМКОНа-1, доктор исторических наук, лауреат Геродотовской премии (63, 69 и 72 годов), профессор, лауреат Малой премии Яна Амоса Каменского (57 год), доктор ксенопсихологии, доктор социотопологии, действительный член Академии социологии (Европа), член-корреспондент Лабораториума (Академии наук) Великой Тагоры, магистр реализаций абстракций Парсиваля.

Тема: «Визит старой дамы».

Содержание: рабочая модель прогрессорской деятельности Странников в системе человечества Земли.

Дорогой Каммерер!

Прошу Вас, не сочтите некой старческой издевкой ту казенную «шапку», которой я снабдил это свое послание. Таким образом я просто намеревался подчеркнуть, что послание мое, хотя и вполне личное, носит в то же время совершенно официальный характер. «Шапка» же Ваших рапортов-докладов запомнилась мне еще с тех времен, когда их швырял передо мною на стол в качестве аргументов (довольно жалких) наш несчастный Сикорски.

Мое отношение к Вашей организации несколько не переменялось, я его никогда не скрывал, и оно Вам, безусловно, хорошо известно. Однако же материалы, которые Вы любезно мне переслали, я изучил с большим интересом. Благодарю Вас. Хотелось бы заверить Вас, что в этом направлении своей работы (но только в этом!) Вы найдете в моем лице самого горячего сторонника и сотрудника.

Не знаю, случайное ли это совпадение, но Вашу «Сводку моделей» я получил как раз в тот момент, когда и сам готовился приступить к подведению итогов моих многолетних размышлений о природе Странников и о неизбежности их столкновения с цивилизацией Земли. Впрочем, по моему глубокому убеждению, случайностей не бывает. Вопрос этот, видимо, созрел.

Я не имею ни времени, ни желания останавливаться на подробной критике Вашего документа. Не могу не заметить только, что модели «Спрут» и «Конкистодор» вызвали у меня приступ неудержимого хохота своей анекдотической примитивностью, а модель «Новый воздух», хотя и производит впечатление конструкции не вполне тривиальной, начисто лишена сколько-нибудь серьезной аргументации. Восемь моделей! Восемнадцать разработчиков, среди которых блистают такие звез-

ды, как Карибанов, Ясуда, Микич! Черт подери, можно было ожидать чего-нибудь позначительнее! Как хотите, Каммерер, а совершенно естественным образом возникает предположение, что Вам не удалось внушить этим гроссмейстерам свою «тревогу по поводу нашей общей неподготовленности в этом вопросе». Они просто отписались.

Настоящим я подвергаю к пьедесталу Вашего внимания, по сути дела, краткую аннотацию моей будущей книги, которую я намереваюсь назвать «Монокосм: вершина или первый шаг? Заметки об эволюции эволюции». Опять же я не располагаю ни временем, ни желанием снабжать основные свои положения сколько-нибудь подробной аргументацией. Могу заверить Вас только, что каждое из этих положений может быть уже сегодня аргументировано самым исчерпывающим образом, так что если у Вас возникнут ко мне какие-то вопросы, буду рад Вам ответить. (Кстати, не могу удержаться и не заметить, что Ваше обращение за консультацией ко мне было, может быть, первым и единственным пока общественно полезным актом Вашей организации за все время ее существования.)

Итак, МОНОКОСМ.

Любой Разум — технологический ли, или руссоистский, или даже героический — в процессе эволюции первого порядка проходит путь от состояния максимального разъединения (дикость, взаимная озлобленность, убогость эмоций, недоверие) к состоянию максимально возможного при сохранении индивидуальностей объединения (дружелюбие, высокая культура отношений, альтруизм, пренебрежение достижимым). Этот процесс управляется законами биологическими, биосоциальными и специфически социальными. Он хорошо изучен и представляет здесь для нас интерес лишь постольку, поскольку приводит нас к вопросу: а что дальше? Оставив в стороне романтические трели теории вертикального прогресса, мы обнаруживаем для Разума лишь две реальные, принципиально различающиеся возможности. Либо остановка, самоуспокоение, замыкание на себя, потери интереса к физическому миру. Либо вступление на путь эволюции второго порядка, на путь эволюции планируемой и управляемой, на путь к Монокосму.

Синтез Разумов неизбежен. Он дарует неисчислимое количество новых граней восприятия мира, а это ведет к неимоверному увеличению количества и, главное, качества доступной к поглощению информации, что, в свою очередь, приводит к уменьшению страданий до минимума и к увеличению радости до максимума. Понятие «дом» расширяется до масштабов Вселенной. (Наверное, именно поэтому возникло в обиходе это безответственное и поверхностное понятие — «Странники».) Возникает новый метаболизм и, как следствие его, жизнь и здоровье становятся практически вечными. Возраст индивида становится сравнимым с возрастом космических объектов — при полном

отсутствии накопления психической усталости. Индивид Монокосма не нуждается в творцах. Он сам себе и творец, и потребитель культуры. По капле воды он способен воссоздать не только образ океана, но и весь мир населяющих его существ, в том числе и разумных. И все это при непрерывном, неутолимом сенсорном голоде.

Каждый новый индивид возникает как произведение синкретического искусства: его творят и физиологи, и генетики, и инженеры, и психологи, эстетика, педагоги и философы Монокосма. Процесс этот занимает, безусловно, несколько десятков земных лет и, конечно же, является увлекательнейшим и почетнейшим родом занятий Странников. Современное человечество не знает аналогов такого рода искусства, если не считать, может быть, столь редких в истории случаев Великой Любви.

«СОЗИДАЙ, НЕ РАЗРУШАЯ!» — вот лозунг Монокосма.

Монокосм не может не считать свой путь развития и свой модус вивенди единственно верными. Боль и отчаяние вызывают у него картины разобщенных Разумов, не дозревших до приобщения к нему. Он вынужден ждать, пока Разум в рамках эволюции первого порядка разовьется до состояния всепланетного социума. Ибо только после этого можно начинать вмешательство в биоструктуру с целью подготовки носителя Разума к переходу в монокосмический организм Странника. Ибо вмешательство Странников в судьбы разъединенных цивилизаций ничего путного дать не может.

Многозначительная ситуация: прогрессоры Земли стремятся в конечном счете ускорить исторический процесс создания у бедствующих цивилизаций более совершенных социальных структур. Таким образом они как бы готовят резервы материала для будущей работы Монокосма.

Мы знаем сейчас три цивилизации, полагающие себя благополучными.

Леонидяне. Цивилизация чрезвычайно древняя (возраст не менее трехсот тысяч лет, что бы там ни утверждал покойный Пак Хин). Это образец «медленной» цивилизации, они застыли в единении с природой.

Тагоряне. Цивилизация гипертрофированной предусмотрительности. Три четверти всех мощностей направлены у них на изучение вредных последствий, каковые могут произойти из открытия, изобретения, нового технологического процесса и так далее. Эта цивилизация кажется нам странной только потому, что мы не способны понять, насколько это интересно — предотвращать вредные последствия, какую массу интеллектуального и эмоционального наслаждения это дает. Тормозить прогресс так же увлекательно, как и творить его, — все зависит от исходной установки и от воспитания. В результате транспорт у них только общественный, авиации никакой, прекрасно развита проводная связь.

Третья цивилизация — наша, и мы теперь понимаем, почему Странники должны вмешаться прежде всего и именно в нашу жизнь. Мы ДВИЖЕМСЯ. Мы движемся, а следовательно, мы можем ошибиться в выборе направления движения.

Сейчас уже никто не помнит «подмикитчиков», которые с фанатическим энтузиазмом пытались форсировать прогресс тагорян и леонидян. Сейчас уже давно поняли, что расталкивать под микитки такие в своем роде совершенные цивилизации — занятие столь же бессмысленное и бесперспективное, как пытаться ускорить рост дерева, скажем дуба, таща его вверх за ветки. Странники — не «подмикитчики», у них нет и не может быть такой задачи: форсирование прогресса. Их цель — поиск, выделение, подготовка к приобщению и, наконец, приобщение к Монокосму созревших для этого индивидов. Я не знаю, по какому принципу производят Странники этот отбор, и это очень жаль, потому что, хотим мы этого или не хотим, но если говорить прямо, без охолощений и без наукообразной терминологии, то речь идет вот о чем.

Первое: вступление человечества на путь эволюции второго порядка означает практически превращение гомо сапиенса в Странника.

Второе: скорее всего далеко не каждый гомо сапиенс пригоден для такого превращения.

Резюме:

человечество будет разделено на две неравные части;

человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру;

человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую;

человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, меньшая часть его форсированно и навсегда обгонит большую, и свершится это волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой.

Дорогой Каммерер! В качестве социопсихологического упражнения предлагаю Вам для анализа эту не лишенную новизны ситуацию.

Теперь, когда основы прогрессорской стратегии Монокосма стали Вам более или менее ясны, Вы, наверное, лучше меня сумеете определить основные направления контрстратегии и тактики выявления моментов деятельности Странников. Понятно, что поиск, выделение и подготовка к приобщению созревших индивидов не могут не сопровождаться явлениями и событиями, доступными внимательному наблюдателю. Можно ожидать, например, возникновения массовых фобий, новых учений месснянского толка, появления людей с необычными способностями, необъяснимых исчезновений людей, внезапного, как бы по волшебству, появления у людей новых талантов и т. д. Я бы настоя-

тельно рекомендовал Вам также не спускать глаз с тагорян и голованов, аккредитованных на Земле,— их чувствительность к инородному и неизвестному значительно выше нашей. (В этом смысле надлежит следить за поведением и земных животных, особенно стадных и обладающих зачатками интеллекта.)

Разумеется, в сфере Вашего внимания должна быть не только Земля, но и Солнечная система в целом, Периферия, и в первую очередь молодая Периферия.

Желаю успеха. Ваш А. Б р о м б е р г.

(Конец Документа 1)

ДОКУМЕНТ 2

Президенту сектора «Урал — Север».

Дата: 13 июня 94 года.

Автор: М. Каммерер, начальник отдела ЧП.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: Смерть А. Бромберга.

Президент!

Профессор Айзек Бромберг скоропостижно скончался санаториуме «Бежин луг» утром 11 июня с. г.

Никаких заметок по поводу модели «Монокосм» и вообще никаких заметок по поводу Странников в его личном архиве не обнаружено. Поиски продолжаем.

Медицинское заключение о смерти прилагается.

М. Каммерер

(Конец Документа 2)

Именно в таком порядке прочитал эти документы мой молодой стажер Тойво Глумов в начале 95 года, и разумеется, эти документы не могли не произвести на него вполне определенного впечатления, не могли не настроить его на вполне определенные предположения, тем более что они оправдывали самые мрачные его ожидания. Семя пало на благодатную почву. Немедленно разыскал он медицинское заключение и, не обнаружив в нем ровно ничего такого, что подтвердило бы его подозрения, казавшиеся такими естественными, потребовал разрешения обратиться ко мне.

Я хорошо помню это утро: серое, снежное, с настоящей вьюгой за окнами кабинета. Может быть, именно из-за контраста, потому что телом я был здесь, на зимнем Урале, и глаза мои бессмысленно следили за струйками талой воды на стеклах, а перед мысленным взором моим стояла тропическая ночь над теплым океаном, и обнаженное

мертвое тело покачивалось в фосфоресцирующей пене, накатывающейся на пологий песчаный берег. Я только что получил информацию из Центра о третьем смертном случае на острове Матуку.

В этот момент передо мною возник Тойво Глумов, и я, отогнав видение, пригласил его сесть и говорить.

Без всяких предисловий он спросил меня, считается ли расследование обстоятельств смерти доктора Бромберга законченным.

Я с некоторым удивлением ответил, что никакого расследования, собственно, и не было, равно как не было и никаких особенных обстоятельств смерти полуторавекового старца.

Где же в таком случае заметки доктора Бромберга по теме «Монокосм»?

Я объяснил, что таких заметок скорее всего никогда не существовало. Письмо доктора Бромберга — это, надо полагать, импровизация. Доктор Бромберг был блестящим импровизатором.

Следует ли понимать тогда, что письмо доктора Бромберга и сообщение о его смерти, посланное Максимом Каммерером Президенту, оказались рядом случайно?

Я смотрел на него, на тонкие губы его, поджатые очень решительно, на его набыченный лоб с упавшей прядью белых волос, и мне было совершенно ясно, что ему хотелось бы от меня сейчас услышать. «Да, Тойво, мой мальчик, — хотелось бы ему услышать. — И я думаю так же, как ты, Бромберг догадывался о многом, и Странники убрали его, а бесценные бумаги похитили». Но ничего подобного я, конечно, не думал и ничего подобного я моему мальчику Тойво, конечно, не сказал. Почему документы оказались рядом, я и сам не знал. Скорее всего действительно случайно. Так я ему и объяснил.

Тогда он спросил меня, пошли ли идеи Бромберга в практическую разработку.

Я ответил, что этот вопрос рассматривается. Все восемь моделей, предложенных экспертами, весьма уязвимы для критики. Что же до идей Бромберга, то обстоятельства не очень-то способствуют серьезному к нему отношению.

Тогда он собрался с духом и спросил меня в лоб, намерен ли я, Максим Каммерер, начальник отдела, заняться разработкой бромберговских идей. И вот тут, наконец, я получил возможность его порадовать. Он услышал от меня именно то, что ему хотелось услышать.

— Да, мой мальчик, — сказал я ему. — Именно для этого я и взял тебя к себе в отдел.

Он ушел ошесчастливленный. Ни он, ни я не подозревали тогда, конечно, что именно в эту минуту он сделал свой первый шаг к Большому Откровению.

Я — психолог-практик. Когда я имею дело с каким-нибудь человеком, я, говоря без ложной скромности, в каждый момент очень точно

чувствую душевное состояние его, направление его мыслей и очень неплохо предсказываю его поступки. Однако если бы меня попросили объяснить, как это мне удастся, а паче того, попросили бы меня нарисовать, изложить словами, что за образ творится в моем сознании, я бы оказался в весьма затруднительном положении. Как всякий психолог-практик, я был бы вынужден прибегнуть к аналогиям из мира искусства или литературы. Сослался бы на героев Шекспира или Достоевского, или Строгова, или Микеланджело, или Иоганна Сурда.

Так вот, Тойво Глумов напоминал мне мексиканца Риверу. Я имею в виду хрестоматийный рассказ Джека Лондона. XX век. Или даже XIX, не помню точно.

По профессии Тойво Глумов был Прогрессором. Специалисты говорили мне, что из него мог бы получиться Прогрессор высочайшего класса, Прогрессор-ас. У него были блестящие данные. Он великолепно владел собой, он обладал исключительным хладнокровием, редкостной быстротой реакции, и он был прирожденным актером и мастером имперсонации. И вот, проработав Прогрессором чуть больше трех лет, он без всяких на то видимых причин подал в отставку и вернулся на Землю. Едва закончив рекондиционирование, он сел на БВИ и без особого труда выяснил, что единственной организацией на нашей планете, могущей иметь отношение к его новым целям, является КОМКОН-2.

Он возник передо мною в декабре 94 года, исполненный ледяной готовности вновь и вновь отвечать на вопросы, почему он, такой многообещающий, абсолютно здоровый, всячески поощряемый, бросает вдруг свою работу, своих наставников, своих товарищей, разрушает тщательно разработанные планы, гасит возлагавшиеся на него надежды... Ничего подобного я, разумеется, спрашивать у него не стал. Меня вообще не интересовало, почему он не хочет более быть Прогрессором. Меня интересовало, почему он вдруг захотел стать Контр-прогрессором, если можно так выразиться.

Ответ его запомнился. Он испытывает неприязнь к самой идее Прогрессорства. Если можно, он не станет углубляться в подробности. Просто он, Прогрессор, относится к Прогрессорству отрицательно. И там (он показал большим пальцем через плечо) ему пришла в голову очень тривиальная мысль: пока он, потрясая гильфиком и размахивая шпагой, топчется по булыжнику арканарских площадей, здесь (он показал указательным пальцем себе под ноги) какой-нибудь ловкач в модном радужном плащике и с метавизиркой через плечо прохаживается по площадям Свердловска. Насколько он, Тойво Глумов, знает, эта простенькая мысль мало кому приходит в голову, а если и приходит, то в нелепом юмористическом или романтическом обличи. Ему же, Тойво Глумову, эта мысль не дает покоя: никаким богам нельзя позволить вступаться в наши дела, богам нечего делать у нас на Земле, ибо «блага богов — это ветер, он надувает паруса, он и подымает бурю».

(Потом я с большим трудом отыскал эту цитату — оказалось, она из Верблибена.)

Невооруженным глазом было видно, что передо мной католик, в католичестве своем далеко превосходящий самого папу римского, то есть меня. И я без дальнейших разговоров взял его к себе и сразу посадил на тему «Визит старой дамы».

Тойво Глумов оказался работником. Он был энергичен, он был инициативен, он не знал усталости. И — очень редкое качество в его возрасте — его не разочаровывали неудачи. Для него не существовало отрицательных результатов. Более того, отрицательные результаты расследований радовали его точно так же, как и редкие положительные. Он словно бы изначально настроился на то, что при жизни его ничего определенного не обнаружится, и умел черпать удовольствие из самой (зачастую достаточно нудной) процедуры анализа маломальски подозрительных ЧП. Замечательно, что мои старые работники — Гриша Серосовин, Сандро Мтбевари, Андрюша Кикин и другие — при нем как бы подтянулись, перестали лоботрясничать, стали гораздо менее ироничны и гораздо более деловиты, и не то что чтобы они брали пример с него, об этом не могло быть и речи, он был для них слишком молод, слишком зелен, но он словно заразил их своей серьезностью, сосредоточенностью на деле, а больше всего поражала их, я думаю, та тяжелая ненависть к объекту работы, которая угадывалась в нем и которой сами они были лишены начисто. Как-то случайно я упомянул при Грише Серосовине о смуглом мальчишке Ривере и вскоре обнаружил, что все они отыскивали и перечитали этот рассказ Джека Лондона.

Как и у Риверы, у Тойво не было друзей. Его окружали верные и надежные коллеги, и сам он был верным и надежным партнером в любом деле, но друзьями он так и не обзавелся. Полагаю, потому, что слишком трудно было быть его другом, — он никогда и ни в чем не был доволен собой, а потому никогда и ни в чем не давал спуску окружающим. Была в нем такая беспощадная сосредоточенность на цели, которую я замечал разве что только у крупных ученых и спортсменов. Какая уж тут дружба...

Впрочем, один-то друг у него был. Я имею в виду его жену, Асю Стасову, Анастасию Павловну. Когда я познакомился с нею, это была прелестная маленькая женщина, живая, как ртуть, острая на язык и в высшей степени склонная к скоропалительным мнениям и опрометчивым суждениям. Поэтому обстановка у них в доме была всегда приближена к боевой, и одно удовольствие было наблюдать (со стороны) их постоянно вспыхивающие словесные баталии.

Это было тем более удивительное зрелище, что в обычной, то есть в рабочей, обстановке Тойво производил впечатление человека, скорее, медлительного и немногословного. Он был словно бы постоянно заторможен на какой-то важной, тщательно обдумываемой идее.

Но не с Асей... С нею он был Демосфен, Цицерон, апостол Павел, он вещал, он строил максимы, он, черт меня побери, даже иронизировал!.. Трудно даже представить себе, насколько разными были эти два человека: молчаливый и медлительный Тойво-Глумов-На-Работе и оживленный, болтливый, философствующий, постоянно заблуждающийся и азартно свои заблуждения отстаивающий Тойво-Глумов-Дома. Дома он даже ел со вкусом. Даже капризничал по поводу еды. Ася работала гастрономом-дегустатором и готовила всегда сама. Так было принято в доме ее матери, так было принято в доме ее бабушки. Это восхищавшая Тойво Глумова традиция уходила в семье Стасовых в глубину веков, в те невообразимые времена, когда еще не существовала молекулярная кулинария, и обыкновенную котлету приходилось изготавливать посредством сложнейших и не очень аппетитных процедур...

И еще у Тойво была мама. Каждый день, чем бы он ни был занят и где бы он ни был, он обязательно выбирал минутку, чтобы связаться с нею по видеоканалу и обменяться хотя бы несколькими словами. У них это называлось «контрольным звонком». Много лет назад я познакомился с Майей Тойвовной Глумовой, но обстоятельства нашего знакомства были настолько печальны, что впоследствии мы с нею никогда больше не встречались. Не по моей вине. И вообще ни по чьей вине. Короче говоря, она было обо мне крайне дурного мнения, и Тойво это знал. Он никогда не говорил о ней со мною. Но с нею обо мне говорил неоднократно — я узнал об этом много позже...

Эта раздвоенность, без сомнения, раздражала и угнетала его. Не думаю, чтобы Майя Тойвовна говорила ему обо мне дурно. И уже совершенно невероятно, чтобы она рассказала сыну страшную историю гибели Льва Абалкина. Скорее всего, когда Тойво заводил речь о своем непосредственном начальнике, она просто холодно уклонялась от этой темы. Но и этого с лихвой хватало.

Ведь я для Тойво был не просто начальник. Ведь я, по сути, был единственным его единомышленником, единственным человеком во всем необъятном КОМКОНе-2, который с абсолютной серьезностью, безо всяких скидок относился к проблеме, которая захватила его целиком. Кроме того, он относился ко мне с огромным пиететом. Как никак, а его начальником был легендарный Мак Сим! Тойво еще на свете не было, а Мак Сим уже на Саракше подрывал лучевые башни и дрался с фашистами... Непреодоленный Белый Ферзь! Организатор операции «Вирус», после которой сам Супер-президент дал ему прозвище Биг-Баг! Тойво был еще школьником, а Биг-Баг проник в Островную Империю, в самую Столицу... первый из землян, да и последний, кстати... Конечно, все это были подвиги Прогрессора, но ведь сказано же: Прогрессора может одолеть только Прогрессор! А Тойво истово исповедовал эту простую идею.

И потом вот еще что. Тойво представления не имел, как он станет

действовать, когда, наконец, вмешательство Странников в земные дела будет установлено и доказано с совершенной достоверностью. Никакие исторические аналогии из вековой деятельности земных Прогрессоров здесь не годились. Для герцога Ируканского разоблаченный Прогрессор-землянин был демоном или практикующим чародеем. Для контрразведчика Островной Империи тот же Прогрессор был ловким шпионом с материка. А что такое разоблаченный Прогрессор-Странник с точки зрения сотрудника КОМКОНа-2?

Разоблаченный чародей подлежал сожжению; неплохо было также засадить его в каменный мешок и заставить изготавливать золото из собственного дерьма. Ловкий шпион с материка подлежал перевербовке или уничтожению. А как следовало поступить с разоблаченным Странником?

Тойво не знал ответов на эти и подобные им вопросы. И никто из его знакомых не знал ответов на эти вопросы. Большинство вообще считало эти вопросы некорректными. «Как быть, если на винт твоей моторки намотало бороду водяного? Распутывать? Беспощадно резать? Хватать водяного за щеки?» Со мной Тойво на эти темы не говорил. А не говорил потому, как мне кажется, что изначально убедил себя, будто бы Биг-Баг, легендарный Белый Ферзь, хитроумный Мак Сим давным-давно уже все это продумал, проанализировал все возможные варианты, составил детальные разработки и утвердил их в высшем руководстве.

Я его не разочаровывал. До поры до времени.

Надо сказать, Тойво Глумов вообще был человеком предвзятых мнений. (Да и как могло быть иначе при его фанатизме?) Например, он никак не желал признавать связи между своей темой «Визит старой дамы» и давно разрабатывавшейся у нас темой «Рип Ван Винкль». Случаи внезапных и совершенно необъяснимых исчезновений людей в семидесятых-восемидесятых годах и столь же внезапных и необъяснимых их возвращений были единственным моментом «Меморандума Бромберга», который Тойво решительно отказался рассматривать и вообще принять во внимание. «Здесь у него какая-то описка,— утверждал он.— Или мы неправильно его понимаем. Зачем это нужно Странникам — чтобы люди необъяснимо исчезали?» И это при том, что «Меморандум Бромберга» стал его катехизисом, программой его работы на всю жизнь вперед... Видимо, он не мог, не желал признать за Странниками могущества почти сверхъестественного. Такое признание обесценило бы его работу полностью. В самом деле, какой смысл выслеживать, искать, ловить существо, которое в любой момент способно рассыпаться в воздухе и собрать себя потом в любом другом месте?..

Но при всей своей склонности к предвзятым суждениям он никогда не пытался бороться против установленных фактов. Я помню, как он,

совсем еще зеленый неофит, убедил меня подключиться к расследованию трагедии на острове Матуку.

Делом этим, естественно, занимался сектор «Океания», где ни о каких Странниках и слышать не хотели. Но дело было уникальное, не имевшее никаких прецедентов в прошлом (надеюсь искренне, что и в будущем ничего подобного более не случится), и нас с Тойво приняли в него без возражений.

На острове Матуку с незапамятных времен торчал старинный полуразвалившийся радиотелескоп. Кто его построил и зачем — установить так и не удалось.

Остров числился необитаемым, его посещали только случайные группы дельфинов да еще случайные парочки, искавшие жемчуг в прозрачных заливах на северном берегу. Однако, как скоро стало известно, там на протяжении нескольких последних лет постоянно жила вдвоенная семья голованов. (Нынешнее поколение уже стало забывать, кто такие голованы. Я напоминаю: это раса разумных киноидов с планеты Саракш, одно время находившаяся в очень тесном контакте с землянами. Эти большеголовые говорящие собаки охотно сопровождали нас по всему Космосу и даже имели на нашей планете нечто вроде дипломатического представительства. Лет тридцать назад они ушли от нас и в контакты с людьми больше не вступали.)

На юге острова была округлая вулканическая бухта. Она была неопишимо грязна, берега ее обросли какой-то мерзкой пеной. Похоже, вся эта дрянь имела органическое происхождение, потому что привлекала к себе неисчислимые стаи морских птиц. Впрочем, в остальном воды бухты были безжизненны. Там даже водоросли размножались неохотно.

И на этом острове происходили убийства. Одни люди убивали других, и это было до такой степени страшно, что в течение нескольких месяцев ни у кого рука не поднималась сообщить об этих событиях средствам массовой информации.

Довольно скоро выяснилось, что виною, а точнее причиной, всему был исполинский силурийский моллюск, чудовищное первобытное головоногое, некоторое время назад поселившееся на дне вулканической бухты. Должно быть, его закинуло туда тайфуном. Биопле этого монстра, время от времени всплывавшего на поверхность, оказывало угнетающее действие на психику высших животных. В частности, у человека оно вызывало катастрофическое снижение уровня мотивации, в этом биопле человек становился асоциален, он мог убить приятеля, случайно уронившего в воду его рубашку. И убивал.

Так вот, Тойво Глумов вбил себе в голову, будто этот моллюск и есть предсказанный Бромбергом индивид Монокосма в процессе сотворения. Надо признаться, что вначале, когда фактов не было еще совсем, рассуждения его выглядели довольно убедительно (если вообще можно

говорить об убедительности логики, построенной на фантастической предпосылке). И надо было видеть, как шаг за шагом отступал он под давлением все новых данных, которые ежедневно добывали потрясенные специалисты по головоногим и палеонтологи...

Добил его один студент-биолог, раскопавший в Токио японский манускрипт тринадцатого века, где приводилось описание этого или такого же чудовища (цитирую по своему дневнику): «В Восточных морях видят катапуморидако пурпурного цвета с множеством длинных тонких рук, высовывается из круглой раковины размером в тридцать футов с остриями и гребнями, глаза как бы гнилые, весь оброс полипами. Когда всплывает, лежит на воде плоско наподобие острова, распространяя зловоние и испражняясь белым, чтобы приманить рыб и птиц. Когда они собираются, хватает их руками без разбора и питается ими. В лунные ночи лежит, колыхаясь на волнах, устремив глаза в поднебесье, и размышляет о лучине вод, откуда извергнут. Размышления эти столь мрачны, что ужасают людей, и они улодобляются тиграм».

Помню, как, прочитавши это, Тойво несколько минут молчал в глубокой задумчивости, а затем вздохнул — как мне показалось, с облегчением — и сказал: «Да. Это не то. И хорошо, потому что слишком уж мерзко». По его представлениям, Монокосм должен быть существом вполне отаратительным, но все же не до такой степени. Монокосм в обличье силурийского спрута не влезал в его представления. (Точно так же, к слову, как не влезал этот моллюск ни в какие представления специалистов — со своим ядоносным биополем, со своим раздвижным панцирем и со своим личным возрастом, превышающим четыреста миллионов лет).

Таким образом, первое серьезное дело, за которое взялся Тойво Глумов, закончилось ничем. Таких пустышек в дальнейшем было у него немало, и вот в середине 98 года он попросил у меня разрешения взяться за обработку материалов по массовым фобиям. Я разрешил.

ДОКУМЕНТ 3

РАПОРТ-ДОКЛАД
№ 011/99
КОМКОН-2
«Урал — Север»

Дата: 20 марта 99 года.

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: космофобия, «синдром пингвина».

Анализируя случаи возникновения космических фобий за последние сто лет, я пришел к заключению, что в рамках темы 009 для нас могут представлять интерес материалы по так называемому «синдрому пингвина».

Источники:

А. Мебиус, Доклад на XIV конференции космопсихологов, Рига, 84.

А Мебиус, «Синдром пингвина», ПКП («Проблемы космической психологии»), 42, 84.

А. Мебиус, «Снова о природе «синдрома пингвина», ПКП, 44, 85.

Справка:

Мебиус Асмодей-Матвей, доктор медицины, чл.-корр. АМН Европы, директор филиала Всемирного института космической психопатологии (Вена). Род. 26. 04. 36, Инсбрук. Образование: факультет психопатологии, Сорбонна; Второй институт космической медицины, Москва; Высшие курсы бесприборной акванавтики, Гонолулу. Основные области научных интересов: внепроизводственные космо- и аквафобии. С 81 по 91 — заместитель председателя Главной медицинской комиссии Управления космического флота. Ныне общепризнанный основатель и глава школы так называемой «полиморфной космопсихопатологии».

7 октября 84 года на конференции космопсихологов в Риге доктор Асмодей Мебиус сделал сообщение о новом виде космофобии, который он назвал «синдромом пингвина». Фобия эта представляла собой неопасное психическое отклонение, выражающееся в навязчивых кошмарах, поражающих больного во время сна. Стоит больному задремать, как он обнаруживает себя висющим в безвоздушном пространстве, абсолютно беспомощным и бессильным, одиноким и всеми забытым, отданным на волю бездушных и неодолимых сил. Он физически ощущает мучительное удушье, чувствует, как тело его прожигают насквозь разрушительные жесткие излучения, как истончаются и тают его кости, как закипает и начинает испаряться мозг, неслыханное, невероятное по интенсивности отчаяние охватывает его, и он просыпается.

Доктор Мебиус не считал эту болезнь опасной потому, во-первых, что она не сопровождалась какими бы то ни было уязвлениями психики и сомы, а во-вторых, успешно поддавалась амбулаторной психотерапии. «Синдром пингвина» привлек внимание доктора Мебиуса прежде всего потому, что являлся совершенно новым явлением, не описанным ранее никем и никогда. Удивительно было, что болезнь эта поражает людей без различия пола, возраста и профессии, не менее удивительным было и то, что не усматривалось никакой связи синдрома с ген-индексом заболевшего.

Заинтересовавшись этнологией явления, доктор Мебиус подверг собранный материал (около тысячи двухсот случаев) многофакторному анализу по восемнадцати параметрам и с удовлетворением обнаружил, что в 78 процентах случаев синдром возникал у людей, совершавших дальние космические перелеты на кораблях типа «Призрак-17-пингвин». «Я ожидал чего-либо подобного,— объявил доктор Мебиус.— На моей памяти это не первый случай, когда конструкторы

предлагают нам недостаточно апробированную технику. Именно поэтому я назвал открытый мною синдром названием типа корабля, и пусть это послужит назиданием».

На основании доклада доктора Мебиуса конференция в Риге вынесла решение временно запретить к эксплуатации корабля типа «Призрак-17-пингвин» впредь до полного устранения конструктивных недостатков, вызывающих фобию.

Я установил, что тип «Призрак-17-пингвин» был подвергнут самому тщательному обследованию, в ходе которого никаких сколько-нибудь существенных конструкторских просчетов обнаружено не было, так что непосредственная причина возникновения «синдрома пингвина» так и осталась сокрытой мглой и туманом. (Впрочем, желая свести риск к нулю, Управление космического флота сняло «пингины» с пассажирских линий и переоборудовало их под автопилоты.) Случаи «синдрома пингвина» резко пошли на убыль, и, насколько мне теперь известно, последний был зарегистрирован 13 лет назад.

Однако я не был удовлетворен. Меня беспокоили те 22 процента обследованных, отношение которых к кораблям типа «Призрак-17-пингвин» оставалось неясным. Из этих 22 процентов, по данным доктора Мебиуса, 7 процентов заведомо не имели никакого дела с «пингвинами», а остальные 15 процентов не могли сказать по этому поводу ничего путного: они либо не помнили, либо никогда не интересовались типами кораблей, на которых ходили в космос.

Конечно, статистическая значимость гипотезы о причастности «пингинов» к возникновению фобии не вызывает никаких сомнений. Однако же 22 процента — это немало. И я вновь подверг материалы Мебиуса многофакторному анализу по двадцати дополнительным параметрам, причем параметры эти я выбирал, признаюсь, уже в значительной степени случайно, не имея в запасе никакой, даже самой сомнительной гипотезы. Например, у меня были такие параметры: даты стартов с точностью до месяца; место рождения с точностью до региона, хобби с точностью до класса... и так далее.

Дело, однако, оказалось совершенно простым, и только извечная убежденность человечества в изотропности Вселенной помешала доктору Мебиусу обнаружить то, что удалось нащупать мне. Выяснилось же следующее: «синдром пингвина» поражал людей, совершавших космические перелеты по маршрутам на Саулу, Редут и Кассандру, иначе говоря, через подпространственный сектор входа 41/02.

«Призрак-17-пингвин» был ни в чем не виноват. Просто подавляющее большинство этих кораблей в те времена (начало восьмидесятых годов) прямо со ступеней направлялось на маршруты Земля — Кассандра — Зефир и Земля — Редут — ЕН 2105. 80 процентов кораблей на этих маршрутах были тогда «пингвинами». Так объясняются 78 процентов доктора Мебиуса. Что же касается остальных 22 процентов

заболевших, то 20 из них летали по этим маршрутам на кораблях других типов, и оставались только 2 процента, которые не летали никуда и никогда, но это уже не играло принципиальной роли.

2. Данные доктора Мебнуса, безусловно, неполны. Воспользовавшись анамнезами, им собранными, а также данными архивов Управления космофлота, мне удалось установить, что за рассматриваемый период по рассматриваемым маршрутам переместились в обе стороны 4512 человек, из которых 183 человека (главным образом члены экипажей) совершали полные рейсы неоднократно. Более двух третей членов реферируемой группы в поле зрения доктора Мебнуса не попали. Напрашивается вывод, что они либо оказались иммунными к «синдрому пингвина», либо по каким-то причинам не сочли необходимым обращаться к врачам. В связи с этим мне представилось крайне важным установить:

были ли среди членов реферируемой группы лица, оказавшиеся иммунными к синдрому;

если таковые были, то нельзя ли установить причины иммунности или хотя бы биосоциопсихологические параметры, по которым эти лица отличаются от пострадавших.

С этими вопросами я обратился к самому доктору Мебнусу. Он ответил мне, что эта проблема его никогда не интересовала, но интуитивно он склонен полагать, что существование такого рода биосоциопсихологических параметров представляется ему крайне маловероятным. В ответ на мою просьбу он согласился поручить исследование этой проблемы одной из своих лабораторий, предупредив, что результатов следует ожидать не ранее, чем через два-три месяца.

Чтобы не терять времени, я обратился к архивам медцентра Управления космофлота и попытался проанализировать данные по всем 124 пилотам, совершавшим регулярные полные рейсы по рассматриваемым маршрутам за рассматриваемый период времени.

Элементарный анализ показал, что по крайней мере для пилотов вероятность подвергнуться поражению «синдромом пингвина» составляет примерно $\frac{1}{3}$ и НЕ ЗАВИСИТ от числа рейсов, проделанных ими через «опасный» сектор. Таким образом, представляется весьма вероятным, что: а) две трети людей иммунны к поражению «синдромом пингвина» и б) человек, лишенный иммунитета, поражается синдромом с вероятностью, близкой к единице. Именно поэтому вопрос об отличии иммунного человека от неиммунного представляет особый интерес.

3. Считаю необходимым привести полностью примечание доктора Мебнуса к его статье «Снова о природе «синдрома пингвина». Доктор Мебнус пишет:

«Любопытное сообщение я получил от коллеги Кривоклыкова (Крымский филиал Второго ИКМ). После опубликования моего доклада в Риге он написал мне, что вот уже на протяжении многих месяцев

видит сны, по сюжету необычайно похожие на кошмары страдающих «синдромом пингвина», — он ощущает себя висящим в безвоздушном пространстве, вдали от планет и звезд, он не чувствует своего тела, но видит его, равно как и многочисленные космические объекты, реальные и фантастические. Но в отличие от страдающих «синдромом пингвина» он не испытывает при этом никаких отрицательных эмоций. Напротив, происходящее кажется ему интересным и приятным. Ему представляется, будто он самостоятельное небесное тело, движущееся по избранной им траектории. Само движение доставляет ему удовольствие, ибо движется он к некой цели, обещающей массу интересного. Сам вид звездных скоплений, мерцающих в бездне, вызывает у него ощущения неизъяснимого восторга и прочее. Мне пришло было в голову, что в лице коллеги Кривоклыкова я имею случай некой инверсии «синдрома пингвина», каковая представила бы большой теоретический интерес в свете изложенных мною в статье соображений. Однако я был разочарован: оказалось, что коллега Кривоклыков никогда в жизни не летал на звездолетах типа «Призрак-17-пингвин». Впрочем, я не оставляю надежды на то, что инверсия «синдрома пингвина» реально существует как психическое явление, и буду благодарен любому врачу, который соизволит сообщить мне новые данные по этому поводу.

Справка:

Кривоклыков Иван Григорьевич, сменный врач-психиатр базы «Лембой» (ЕН 2105), в рассматриваемый период неоднократно проходил по маршруту Земля — Редут — ЕН 2105 на звездолетах разных типов. Согласно данным БВИ в настоящее время находится на базе «Лембой».

В ходе личной беседы с доктором Мебиусом я выяснил, что за последние годы он обнаружил «положительную» инверсию «синдрома пингвина» еще у двух человек. Имена их он назвать отказался по соображениям врачебной этики.

Я не берусь комментировать явление инверсии «синдрома пингвина» сколько-нибудь подробно, однако мне кажется очевидным, что носителей такой инверсии должно быть заметно больше, чем это известно сейчас.

Т. Глумов

(Конец Документа 3)

Документ 3 я привел здесь не только потому, что это был один из наиболее обещающих рапортов, представленных Тойво Глумовым. Читая и перечитывая его, я почувствовал, что мы, кажется, впервые напали на настоящий след, хотя тогда мне и в голову не приходило, что с него начнется та цепочка событий, которая сыграет решающую роль в моем приобщении к Большому Откровению.

21 марта я прочитал доклад Тойво относительно «синдрома пингвина».

25 марта Колдун устроил свою демонстрацию в Институте Чудаков (узнал я об этом лишь несколько дней спустя).

А 27 марта Тойво представил мне рапорт-доклад относительно фукамифобии.

ДОКУМЕНТ 4

РАПОРТ-ДОКЛАД

№ 013/99

КОМКОН-2

«Урал — Север»

Дата: 26 марта 99 года.

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: фукамифобия, история поправки к «Закону об обязательной биоблокаде».

Анализируя случаи возникновения массовых фобий за последние сто лет, я пришел к выводу, что в рамках темы 009 для нас могут представить интерес события, которые предшествовали принятию 2.02.85 г. Всемирным Советом известной поправки к «Закону о биоблокаде».

Надлежит принять во внимание:

1. Биоблокада, она же Токийская процедура, систематически применяется на Земле и на Периферии около ста пятидесяти лет. Биоблокада — термин непрофессиональный, принятый главным образом у журналистов. Специалисты-медики называют эту процедуру фукамизацией в честь сестер Натальи и Хосико Фуками, впервые теоретически обосновавших и применивших ее на практике. Целью фукамизации является повышение естественного уровня приспособляемости человеческого организма к внешним условиям (биоадаптация). В классической своей форме процедура фукамизации применяется исключительно к младенцам, начиная с последнего периода внутриутробного развития. Несколько мне удалось установить и понять, процедура эта состоит из двух этапов.

Введение сыворотки УНБЛАФ (культура «бактерии жизни») на несколько порядков увеличивает сопротивляемость организма ко всем известным инфекциям, вирусным, бактериальным и споровым, а также ко всем органическим ядам (это и есть собственно биоблокада).

Растормаживание гипоталамуса микроволновыми излучениями многократно повышает способность организма адаптироваться к таким физическим агентам внешней среды, как жесткая радиация, неблагоприятный газовый состав атмосферы, высокая температура. Кроме того, многократно повышается способность организма к регенерации поврежденных внутренних органов, увеличивается диапазон спектра,

воспринимаемого сетчаткой повышается способность к психотерапии и т. д.

Полный текст инструкции по фукамизации приводится ниже.

2. Процедура фукамизации применялась до 85 года в обязательном порядке согласно «Закону об обязательной биоблокаде». В 82 году на рассмотрение Всемирного Совета был вынесен проект поправки, предусматривающей отмену обязательности фукамизации для младенцев, появляющихся на свет на Земле. Поправка предусматривала замену процедуры фукамизации так называемой «прививкой зрелости», предназначенной для лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста. В 85 году Всемирный Совет (большинством всего в 12 голосов) принял поправку к «Закону об обязательной биоблокаде». Согласно этой поправке обязательная фукамизация отменялась, применение ее оставлялось полностью на усмотрение родителей. Лица, не прошедшие фукамизацию в младенческом возрасте, получили право отказаться впоследствии и от «прививки зрелости», однако в этом случае они теряли возможность работать в профессиональных областях, связанных с большими физическими и психическими нагрузками. По данным БВИ, к настоящему моменту на Земле живет около миллиона подростков, не прошедших фукамизацию, и около двадцати тысяч лиц, отказавшихся от «прививки зрелости».

Инструкция

по проведению поэтапной антенатальной и постнатальной фукамизации новорожденного;

1. Определить точный срок начала родовой деятельности по методу целого четного. (Рекомендуемые диагностики: радиоиммунный анализатор НИМБ, наборы ФДХ-4 и ФДХ-8.)

2. Не менее чем за 18 часов до начала первичной контракции мускулатуры матки определить объем плода и объем околоплодных вод раздельно.

Примечание: поправку Лазаревича вводить обязательно! Расчет проводить только по номограммам Института биоадаптации, учитывающим расовые различия.

3. Определить необходимую дозу сыворотки УНБЛАФ. Полная, стабильная, долговременная иммунизация к белковым агентам и органическим соединениям белковоподобной и гаптоидной структур достигается в дозе 6,8094 гамма-молей на грамм лимфоидной ткани.

Примечание: А) При индексе объемов меньше 3,5 доза увеличивается на 16 процентов. Б) При многоплодии общая доза вводимой сыворотки уменьшается на 8 процентов на каждый плод (двойня — 8 процентов, тройня — 16 процентов и т.д.)

4. За 6 часов до начала первичной контракции мускулатуры матки ввести нуль-инжектором через переднюю брюшную стенку в амниоти-

ческую полость рассчитанную дозу сыворотки УНБЛАФ. Введение производить со стороны, противоположной спинке плода.

5. Через 15 минут после рождения произвести сцинтиграфию тимуса новорожденного. При индексе тимуса меньше 3,8 ввести дополнительно в пупочную вену 2,6750 гамма-молей сыворотки УНБЛАФ-11.

6. При повышении температуры немедленно поместить новорожденного в стерильный бокс. Первое естественное кормление разрешается не ранее чем через 12 часов нормальной температуры.

7. Через 72 часа после рождения производится микроволновое растормаживание гипоталамических зон адаптогенеза. Топографическое определение зон рассчитывается по программе БИНАР-1. Объемы гипоталамических зон должны соответствовать:

I зона: 36—42 нейрона,

II зона: 178—194 нейрона,

III зона: 125—139 нейронов,

IV зона: 460—510 нейронов,

V зона: 460—510 нейронов.

Примечание: при проведении обмеров убедиться в полном рассасывании родовой гематомы.

Полученные данные вводятся в БИОФАК-ИМПУЛЬС.

Ручная коррекция импульсов категорически запрещается!

8. Поместить новорожденного в операционную камеру БИОФАК-ИМПУЛЬС. При ориентации головки особо следить, чтобы отклонение по шкале «стереотаксис» составляло не более 0,0014.

9. Микроволновое растормаживание гипоталамических зон адаптогенеза производится при достижении второго уровня глубины сна, что соответствует 1,8 — 2,1 мв альфа-ритма энцефалограммы.

10. Все расчеты вносятся в индивидуальную карту новорожденного обязательно.

По существу событий, которые привели в феврале 85 года к принятию поправки к «Закону о биоблокаде», мною установлено следующее.

1. За полтора десятилетия глобальной практики фукамизации не известно ни единого случая, чтобы эта процедура причинила фукамизированному хоть какой-нибудь вред. Не удивительно поэтому, что случаи отказа матерей от фукамизации были до весны 81 года чрезвычайно редки. Подавляющее большинство врачей, с которыми я консультировался, до указанного времени о таких случаях не слышали никогда. Выступления же против фукамизации, носящие теоретический и пропагандистский характер, имели место неоднократно. Вот наиболее характерные публикации нашего века.

Дебук Ш. «Построить человека?». Лион, 32.

Посмертное издание последней книги крупного (ныне забытого) антиевгениста. Вторая часть книги целиком посвящена критике фука-

мизации как «беззащитно-вкрадчивого вторжения в естественное состояние человеческого организма». Подчеркивается необратимый характер изменений, вызываемый фукамизацией («...никогда и никому еще не удавалось вновь затормозить расторможенный гипоталамус...»), но главный упор делается на то обстоятельство, что эта типично евгеническая процедура, освященная авторитетом мирового закона, вот уже на протяжении многих лет служит дурным и соблазнительным прецедентом для новых евгенических экспериментов.

Пумивур К. «Ридер: права и обязанности». Бангкок, 15.

Автор, вице-президент Всемирной ассоциации ридеров — сторонник и пропагандист максимально активного участия ридеров в деятельности человечества. Выступает против фукамизации, основываясь на данных личной статистики. Утверждает, что фукамизация якобы неблагоприятна для возникновения у человека ридер-потенции, и хотя относительная численность ридеров за эпоху фукамизации не уменьшилась, однако за это время не появилось ни одного ридера, по мощи сравнимого с теми, что действовали в конце ХХI и в начале ХХII века. Призывает к отмене обязательности фукамизации — вначале хотя бы для детей и внуков ридеров. (Все материалы книги безнадежно устарели: в тридцатых годах появилась блистательная плеада ридеров невероятной мощи — Александр Солемба, Петер Дзомны и другие).

Август Ксесис, «Камень преткновенения». Афины, 37.

Известный теоретик и проповедник ноофилизма посвятил свою брошюру резкой критике фукамизации, впрочем, критике скорее поэтической, нежели рациональной. В рамках представлений ноофилизма, как своеобразной вульгаризации теории Яковица, Вселенная есть вместилище ноокосмоса, в который вливается после смерти ментально-эмоциональный код человеческой личности. Судя по всему, Ксесис абсолютно ничего не понимает в фукамизации, представляет ее себе чем-то вроде аппендэктомии и страстно призывает отказаться от столь грубой процедуры, калечащей и искажающей ментально-эмоциональный код. (По данным БВИ, после принятия поправки ни один из членов конгрегации ноофилистов не согласился на фукамизацию своих детей.)

Тосивилл Дж. «Человек Дерзкий». Бирмингем, 51.

Эта монография представляет собой достаточно типичный образец целой библиотеки книг и брошюр, посвященных пропаганде свертывания технологического прогресса. Для всех книг такого рода характерна апологетика застывших цивилизаций типа тагорской или биоцивилизации Леониды. Технологический прогресс Земли объявляется сыгравшим свою роль. Экспансия человечества в Космос изображается как своего рода социальное мотовство, обещающее в перспективе жесточайшее разочарование. Человек Разумный превращается в Человека Дерзкого, который в погоне за количеством рациональной и эмо-

циональной информации теряет в качестве ее. (Подразумевается, что информация о психокосме обладает неизмеримо более высоким качеством, нежели информация о Внешнем Космосе в самом широком смысле слова.) Фукамизация оказывает человечеству дурную услугу именно потому, что способствует перерождению Человека Разумного в Человека Дерзкого, расширяя и фактически стимулируя его экспансионистские потенции. Предлагается на первом этапе отказаться хотя бы от растормаживания гипоталамуса.

Оксовью К. «Движение по вертикали». Калькутта, 61.

К. Оксовью — псевдоним ученого или группы ученых, сформулировавших и пустивших в обращение небезызвестную идею так называемого вертикального прогресса человечества. Раскрыть псевдоним мне не удалось. Имею основания полагать, что К. Оксовью — это либо председатель КОМКОНа-1 Г. Комов, либо кто-нибудь из его единомышленников в Академии социального прогнозирования. Данное издание является первой монографией «вертикалистов». Шестая глава посвящена подробному рассмотрению всех аспектов фукамизации — биологических, социальных и этических — с точки зрения установок вертикального прогресса. Основная опасность фукамизации усматривается в возможности неконтролируемого влияния ее на генотип.

В подтверждение этой идеи впервые, насколько мне удалось выяснить, приводятся данные о многочисленных случаях передачи по наследству свойств фукамизированного организма. Объясняются более ста случаев, когда механизм плода еще в утробе матери начал вырабатывать антитела, характерные для воздействия сыворотки УНБЛАФ, и более двухсот случаев, когда новорожденные обладали врожденно расторможенным гипоталамусом. Более того, зарегистрировано более тридцати случаев передачи такого рода свойств уже в третье поколение. Подчеркивается, что хотя такого рода явления и не представляют непосредственной опасности для подавляющего большинства людей, они являются красноречивой иллюстрацией того факта, что фукамизация далеко не так хорошо исследована, как утверждают ее адепты.

Нельзя не отметить, что материал подобран с необычайной тщательностью и подан весьма эффектно. Например, несколько впечатляющих абзацев посвящены так называемым Г-аллергикам, которым расторможение гипоталамуса противопоказано. Г-аллергия есть чрезвычайно редкое состояние организма, легко обнаруживаемое у плода еще в материнской утробе и потому никакой опасности не представляющее, — такого младенца просто не подвергают второму этапу фукамизации. Если же расторможенный гипоталамус будет передан Г-аллергику по наследству, медицина окажется бессильной — на свет появится неизлечимо больной человек. К. Оксовью удалось обнаружить один такой случай, и он не жалеет красок для его описания. Еще более

апокалипсическую картину рисует автор, изображая мир будущего, в котором человечество под воздействием фукамизации раскалывается на два генотипа.

Эта монография издавалась неоднократно и сыграла, по-видимому, не последнюю роль в обсуждении поправки. Любопытно, однако же, отметить, что последнее издание этой книги (Лос-Анджелес, 99) не содержит ни слова о фукамизации: надо понимать, автор полностью удовлетворен поправкой, и судьба 99,9... процента человечества, продолжающего подвергать своих детей фукамизации, его не интересует.

Примечание. Заклячая этот раздел, считаю необходимым подчеркнуть, что подбор и аннотирование материалов для него я осуществлял по принципу его нетривиальности, с моей личной точки зрения. Заранее приношу свои извинения, если невысокий уровень моей эрудиции вызовет неудовольствие.

2. По-видимому, первый отказ от фукамизации, открывший целую эпидемию отказов, зарегистрирован в родильном покое поселка Ксава (Экваториальная Африка). 17. 04. 81 года все три роженицы, поступившие в покой на протяжении суток, независимо друг от друга, в разной форме, но совершенно категорически запретили персоналу производить им процедуру фукамизации. Роженица А. (первые роды) мотивировала отказ желанием мужа, недавно погибшего в результате несчастного случая. Роженица Б. (первые роды) мотивировать отказ даже не пыталась, малейшие попытки разубедить ее вызвали у нее истерическое состояние. «Не хочу, и все!» — повторяла она. Роженица В. (третьи роды, протестовала впервые) была очень рассудительна, спокойна и мотивировала отказ нежеланием решать судьбу ребенка без его ведома и согласия. «Вырастет, пусть сам решает», — объявила она.

(Я привожу здесь эти мотивации потому, что они совершенно типичны. С легкими вариациями «отказчицы» прибегали к ним в 95 процентах случаев. В литературе принята следующая классификация. Отказ типа А: вполне рациональная, но в принципе непроверяемая мотивировка, 25 процентов. Отказ типа Б: фобия в чистом виде, истерическое, иррациональное поведение, 65 процентов. Отказ типа В: этические соображения, 10 процентов.)

18 апреля в той же больнице произошло еще два отказа, и новые отказы были зарегистрированы в других родильных покоях региона. В конце месяца случаи отказов насчитывались уже сотнями и были зарегистрированы во всех регионах земного шара, а 5 мая пришло первое сообщение о случае отказа вне Земли (Марс, Большой Сырт). Эпидемия отказов, то вспыхивая, то угасая, продолжалась вплоть до 85 года, так что на момент принятия поправки общее число «отказчиц» составило около 50 тысяч (0,01 процента всех рожениц).

Закономерности эпидемии феноменологически исследованы очень

хорошо и с высокой степенью достоверности, однако сколько-нибудь убедительного объяснения они так и не получили.

Например, было отмечено, что эпидемия имела как бы два географических центра распространения: один — в Экваториальной Африке, второй — в Северо-Восточной Сибири. Напрашивается аналогия с вероятными центрами распространения человечества, но аналогия эта, разумеется, ничего не объясняет.

Второй пример. Отказы были всегда индивидуальны, однако в пределах каждого родильного покоя каждый отказ как бы порождал следующий. Отсюда термин «цепь отказов из N звеньев». Число N могло быть весьма велико: в родильном покое Говекайской гинеκлиники «цепь отказов» началась 11. 09. 83 года и тянулась до 21. 09, вовлекая всех рожениц, последовательно поступивших в покой, так что общая длина «цепи» составила 19 рожениц.

В некоторых больницах эпидемии отказов возникали и затухали неоднократно. Скажем, в Бернском дворце младенца эпидемия повторилась двенадцать раз.

При всем при том в подавляющем большинстве родильных покоев Земли об эпидемиях отказов и не слыхивали. Точно так же ничего не слыхивали об отказах и в большинстве внеземных поселений. Однако в тех местах, где эпидемии возникали (Большой Сырт, база Саула, Курорт), они развивались по законам, типичным для Земли.

3. Причинам возникновения фукамифобии посвящена большая литература. Я познакомился с наиболее солидными работами, которые порекомендовал мне профессор Деруйод из Лхасского психологического центра. Я недостаточно подготовлен для того, чтобы сделать компетентный обзор этих работ, но у меня сложилось впечатление, что сколько-нибудь общепринятой теории фукамифобии не существует. Поэтому я ограничусь здесь тем, что дословно приведу фрагмент моей беседы с профессором Деруйодом.

Вопрос. Считаете ли Вы возможным возникновение фобии у здорового и благополучного человека?

Ответ. Строго говоря, это невозможно. Фобия у здорового человека возникает всегда как следствие чрезмерного физического или психического перенапряжения. Вряд ли такого человека можно назвать благополучным. Другое дело, что человек, особенно в наше бурное время, не всегда отдает себе отчет в том, что он надорвался... Субъективно он может считать себя вполне благополучным и даже довольным, и возникновение фобии у него, с точки зрения дилетанта, может выглядеть явлением необъяснимым...

Вопрос. И применительно к фукамифобии?

Ответ. Вы знаете, с определенной точки зрения беременность и сегодня еще остается таинством... Достаточно сказать, что мы только совсем недавно поняли, что психика беременной женщины есть пси-

хика бинарная, результат дьявольски сложного взаимодействия вполне сформировавшейся психики взрослого человека и антенатальной психики плода, о законах которой мы сегодня практически ничего не знаем. А если добавить сюда неизбежные физические стрессы, неизбежные невротические явления... Все это, вообще говоря, образует благоприятную почву для фобий. Однако делать из этого вывод, будто с помощью такого рода рассуждений мы хоть что-то объяснили в этой поразительной истории... Это было бы опрометчиво. Это было бы крайне опрометчиво и несерьезно.

Вопрос. Существуют ли какие-либо отличия у «отказниц» по сравнению с обычными роженицами? Физиологические, психические... Такого рода исследования проводились?

Ответ. Во множестве. Но ничего конкретного установить не удалось. Лично я всегда считал и сейчас считаю, что фукамифобия — это фобия универсальная, как, например, фобия к нуль-транспортировке. Только нуль-Т-фобия есть очень распространенное явление, страх перед первым нуль-Т-переходом испытывает практически каждый человек независимо от пола и профессии, потом этот страх проходит бесследно... а фукамифобия — явление, к счастью, чрезвычайно редкое. Я говорю «к счастью» потому, что излечивать фукамифобию мы так и не научились.

Вопрос. Правильно ли я вас понял, профессор, что неизвестна ни одна конкретная причина, вызывающая фукамифобию?

Ответ. Достоверно — нет. Разнообразных же гипотез предлагалось множество, десятки.

Вопрос. Например?

Ответ. Например, пропаганда противников фукамизации. На впечатлительную натуру, да еще в состоянии беременности такая пропаганда могла оказать определенное влияние. Или, скажем, гипертрофия материнского инстинкта, инстинктивная потребность оградить свое дитя от любых внешних воздействий, хотя бы и полезных... Вы собираетесь возразить? Не надо. Я с вами совершенно согласен. Все эти гипотезы в лучшем случае объясняют только очень узкий круг фактов. Никто не смог объяснить ни явление «цепи отказов», ни географических особенностей явления... И уж совсем никто не понимает, почему все это началось именно весной 81 года, причем не только на Земле, но и очень далеко от Земли...

Вопрос. А почему это кончилось в 85 году — это объяснить можно?

Ответ. Представьте себе, да. Представьте себе, сам факт принятия поправки вполне мог сыграть решающую роль в прекращении эпидемии. Разумеется, и здесь остается много неясного, но это уже частности.

Вопрос. Как вы считаете, не могла ли эпидемия возникнуть в результате каких-то неосторожных экспериментов?

Ответ. Теоретически это возможно. Но мы в свое время провери-

ли эту гипотезу. Никаких экспериментов, способных вызвать массовые фобии, на Земле не производится. Кроме того, не забывают, что одновременно фукамифобия возникла и вне Земли...

Вопрос. А какого рода эксперименты могли бы вызвать фобии?

Ответ. Вероятно, я выразился не совсем точно. Я могу назвать вам целый ряд, так сказать, технических приемов, с помощью которых у вас, здорового человека, можно было бы вызвать какую-нибудь фобию. Обратите внимание: именно какую-нибудь. Например, я стану облучать вас в определенном режиме нейтринным концентратом, и у вас возникнет фобия. Но что это будет за фобия? Страх пустоты? Страх высоты? Страх страха? Я не могу сказать этого заранее. А о том, чтобы вызвать у человека такую специфическую фобию, как фукамифобия, страх фукамизации... Нет, об этом не может быть и речи. Разве что в сочетании с гипнозом? Но как реализовать такое сочетание практически?.. Нет-нет, это несерьезно.

4. При всей своей географической (и космографической) распространенности случаи фукамифобии оставались все-таки явлением чрезвычайно редким в медицинской практике, и сами по себе они вряд ли привели бы к каким-либо изменениям в законодательстве. Однако эпидемия фукамифобии очень быстро из проблемы медицинской превратилась в событие, носящее социальный характер.

Август 81-го. Первые зарегистрированные протесты отцов, пока еще носящие частный характер (жалобы в местные и региональные медицинские управления, отдельные обращения в местные Советы).

Октябрь 81-го. Первая коллективная петиция 129 отцов и двух врачей-акушеров в Комиссию по охране материнства и младенчества при Всемирном Совете.

Декабрь 81-го. На XVII Всемирном конгрессе Ассоциации акушеров впервые выступает против обязательной фукамизации группа врачей и психологов.

Январь 82-го. Создается инициативная группа ВЭПИ (названная по инициалам учредителей), объединяющая врачей, психологов, социологов, философов и юристов. Именно группа ВЭПИ начала и довела до конца борьбу за принятие поправки.

Февраль 82-го. Первый митинг противников фукамизации перед зданием Всемирного Совета.

Июнь 82-го. Формальное образование оппозиции к закону в составе Комиссии по охране материнства и младенчества.

Дальнейшая хронология событий, на мой взгляд, особого интереса не представляет. Время (три с половиной года), потребовавшееся Всемирному Совету для всестороннего изучения и принятия поправки, является достаточно типичным. Зато нетипичным представляется мне соотношение между численностью массовых сторонников поправки и численностью профессионального корпуса. Обычно массовые

сторонники нового закона — это как минимум десяток миллионов человек, профессиональный же корпус, квалифицированно представляющий их интересы (юристы, социологи, специалисты по данному вопросу), — это всего несколько десятков человек. В нашем же случае массовый сторонник поправки («отказчицы», их мужья и родственники, друзья, сочувствующие, лица, примкнувшие к движению по религиозным или философским соображениям) никогда не был по-настоящему массовым. Общая численность участников движения не превышала полумиллиона. Что же касается профессионального корпуса, то одна только группа ВЭПИ к моменту принятия поправки включала в себя 536 специалистов.

5. После принятия поправки отказы не прекратились, хотя число их заметно уменьшилось. Самое же главное — на протяжении 85 года изменился сам характер эпидемии. Собственно, это явление уже нельзя называть эпидемией. Какие бы то ни было закономерности («цепочки отказов», географические концентрации) исчезли. Теперь отказы носят совершенно случайный, единичный характер, причем мотивировки типа А и Б вообще не встречаются, а преобладают ссылки на поправку. Видимо, поэтому нынешние врачи вообще не рассматривают отказы от фукамизации как проявления фукамифобии. Замечательно, что многие женщины, в свое время категорически отказывавшиеся от фукамизации и принимавшие активное участие в движении за поправку, ныне совершенно потеряли интерес к этому вопросу и при родах даже не пользуются правом ссылаться на поправку. Из женщин, отказавшихся от фукамизации в период 81—85 годов, при следующих родах отказались едва 12 процентов. Третий отказ от фукамизации — это и вообще большая редкость: за 15 лет зарегистрировано всего несколько случаев.

6. Считаю необходимым особенно подчеркнуть два обстоятельства.

А. Почти полное исчезновение фукамифобии после принятия поправки обычно объясняется хорошо известными психосоциальными факторами. Современный человек приемлет только те ограничения и обязательства, которые вытекают из морально-этических установок общества. Любое ограничение или обязательство иного рода воспринимается им с ощущением (неосознанной) неприязни и (инстинктивного) внутреннего протеста. И естественно, что, добившись добровольности в вопросе о фукамизации, человек утрачивает основание для неприязни и начинает относиться к фукамизации нейтрально, как к любой обычной медицинской процедуре.

Полностью принимая и понимая эти соображения, я тем не менее подчеркиваю и возможность иной интерпретации, представляющей интерес в рамках темы 009. А именно: вся изложенная выше история возникновения и исчезновения фукамифобии прекрасно истолковывается как результат целенаправленного, хорошо рассчитанного воздействия некой разумной воли.

Б. Эпидемия фукамифобии хорошо совпадает по времени с появлением «синдрома пингвина» (см. мой рапорт-доклад № 011/99).

Салпинти сат.

Т. Г л у м о в

(Конец Документа 4)

Сейчас я могу с полной определенностью утверждать, что именно этот рапорт-доклад Тойво Глумова произвел в моем сознании ту подвижку, которая и привела меня в конце концов к Большому Откровению. Причем, как это ни забавно звучит сейчас, сдвиг этот начался с того непроизвольного раздражения, которое вызвали у меня грубые и недвусмысленные намеки Тойво на якобы зловещую роль «вертикалистов» в истории поправки. В оригинале рапорта этот абзац украшен мною жирными подчеркиваниями; я прекрасно помню, что собирался тогда устроить Тойво взбучку за неумеренное фантазирование. Но тут до меня дошли сведения о визите Колдуна в Институт Чудаков, меня наконец осенило, и мне стало не до взбучек.

Я оказался в жесточайшем кризисе, потому что мне не с кем было поговорить. Во-первых, у меня не было никаких предложений. А во-вторых, я не знал, с кем мне теперь можно поговорить, а с кем уже нельзя. Много позже я спрашивал своих ребят: не показалось ли им что-нибудь странным в моем поведении в те жуткие (для меня) апрельские дни 99 года. Сандро тогда был погружен в тему «Рип Ван Винкль» и сам пребывал в состоянии ошеломления, а потому ничего не заметил. Гриша Серосовин утверждал, будто я тогда был особенно склонен отмалчиваться и на все инициативы с его стороны отвечал загадочной улыбкой. А Кикин есть Кикин: ему уже тогда было «все ясно». Тойво же Глумова мое тогдашнее поведение, безусловно, должно было бесить. И бесило. Однако я и в самом деле не знал, что мне делать! Одного за другим я гнал своих сотрудников в Институт Чудаков и каждый раз ждал, что из этого получится, и ничего не получалось, и я гнал следующего и снова ждал.

В это время Горбовский умирал у себя в Краславе.

В это время Атос-Сидоров готовился снова лечь в больницу, и не было уверенности, что он вернется.

В это время Даня Логовенко впервые после многолетнего перерыва напросился ко мне на чашку чая и целый вечер занимался воспоминаниями, болтая сущие пустяки.

В это время я ничего еще не решил.

И тут разразились события в Малой Пеше.

В ночь с 5 на 6 мая меня подняла с постели аварийная служба. В Малой Пеше (на реке Пеше, впадающей в Чешскую губу Баренцева моря) появились какие-то чудовища, вызвавшие взрыв паники среди населения поселка. Аварийная группа направлена, расследование проводится.

Согласно существующему порядку я обязан был отправить на место происшествия кого-нибудь из своих инспекторов. Я послал Тойво.

К сожалению, рапорт-доклад инспектора Глумова о событиях и о его действиях в Малой Пеше утрачен. Во всяком случае, мне не удалось его обнаружить. Между тем мне очень хотелось бы показать по возможности подробно, как Тойво проводил это расследование, и потому придется мне прибегнуть к реконструкции событий, основываясь на собственной памяти и на беседах с участниками этого происшествия.

Нетрудно видеть, что предлагаемая реконструкция (а также и все последующие) содержит, кроме совершенно достоверных фактов, еще и кое-какие описания, метафоры, эпитеты, диалоги и прочие элементы художественной литературы. Все-таки мне надо, чтобы читатель увидел перед собою живого Тойво, каким я его помню. Тут одних документов недостаточно. Если угодно, впрочем, можно рассматривать мои реконструкции как свидетельские показания особого рода.

* * *

МАЛАЯ ПЕША. 6 МАЯ 99 ГОДА. РАННЕЕ УТРО.

Сверху поселок Малая Пеша выглядел так, как и должно было выглядеть этому поселку в четвертом часу утра. Сонно. Мирно. Пусто. Десяток разноцветных крыш полукругом, заросшая травой площадь, несколько стоящих вразброс глайдеров, желтый павильон клуба у обрыва над рекой. Река казалась неподвижной, очень холодной и неприветливой, ключья белесого тумана висели над камышами на той стороне.

На крыльце клуба, задравши голову, стоял человек и следил за глайдером. Лицо его показалось Тойво знакомым, и ничего удивительного в этом не было: Тойво знал многих аварийщиков — наверное, каждого второго.

Он посадил машину рядом с крыльцом и выпрыгнул на сырую траву. Утро здесь было холодное. На аварийщике была уютная куртка с множеством специальных карманов, с гнездами для всяких их баллонов, регуляторов, гасителей, воспламенителей и прочих предметов, необходимых для исправного несения аварийной службы.

— Здравствуйте, — сказал Тойво. — Базиль, кажется?

— Здравствуйте, Глумов, — отозвался тот, протягивая руку. — Правильно, Базиль. Что это вы так долго?

Тойво объяснил ему, что нуль-Т здесь, в Малой Пеше, почему-то не принимает, его выбросило в Нижней Пеше, и пришлось ему взять там глайдер и лететь лишних сорок минут по-над рекой.

— Понятно, — сказал Базиль и оглянулся на павильон. — Я так и думал. Понимаете, они в ланке эту нуль-кабину свою до такой степени изуродовали...

— Значит, никто до сих пор так и не вернулся?

— Никто.

— И больше ничего не происходило?

— Ничего. Наши закончили осмотр полтора часа назад, ничего существенного не нашли и отбыли домой делать анализы. Меня оставили, чтобы я никого не пускал, и я все это время чинил нуль-кабину.

— Починили?

— Скорее да, чем нет.

Коттеджи Малой Пешы были старинные, постройки прошлого века, утилитарная архитектура, натурализованная органика, ядовито-яркие краски — от старости. Вокруг каждого коттеджа — непроглядные кусты смородины, сирени, заполярной клубники, а сразу же за полукольцом домов — лес, желтые стволы гигантских сосен, серо-зеленые от тумана хвойные кроны, а над ними, уже довольно высоко, — багровый диск солнца на северо-востоке...

— Что за анализы? — спросил Тойво.

— Ну, здесь осталось довольно много следов... Эта пакость вылезла, видимо, вон из того коттеджа и поползла во все стороны... — Базиль стал показывать руками. — На кустах, на траве, кое-где на верандах осталась подсохшая слизь, какая-то чешуя, комья чего-то такого...

— Что вы видели сами?

— Ничего. Когда мы прибыли, здесь все было вот как сейчас, только туман над рекой стоял.

— Значит, свидетелей не осталось?

— Сначала мы думали, что удрали все поголовно. А потом оказалось: нет, вон в том домике, крайнем, на берегу, благополучно процветает в высшей степени пожилая особа, которая и не подумала удирать...

— Почему? — спросил Тойво.

— Понятия не имею! — ответил Базиль, подняв брови и разведя руки. — Представляете? Кругом паника, все мечется в ужасе, дверцу нуль-кабины выворотили с корнем, а ей хоть бы хны... Прилетаем мы, разворачиваем свои боевые порядки, шашки наголо, багинеты прикинута, и вдруг она выходит на крыльцо и этак строго просит нас вести себя потише, потому что, видите ли, своим галдежом мы мешаем ей спать!..

— А была ли паника? — спросил Тойво.

— Ну-ну-ну! — сказал Базиль, предупреждающе подняв ладонь. — Здесь было восемнадцать человек, когда все началось. Девять человек драпанули на глайдерах. Пятеро бежали через кабину. А трое без памяти кинулись в лес, заблудились там, и мы их еле нашли. Так что не сомневайтесь, была паника, была... Паника была, чудовища какие-то были, и следы остались. А вот почему старушка не напугалась, этого мы не знаем. Она вообще какая-то странная, эта старушка. Я своими

ушами слышал, как она объявила командиру: «Слишком поздно вы сюда прибыли, голубчики. Ничем вы им теперь не поможете. Все они уже погибли...»

Тойво спросил:

— Что она имела в виду?

— Не знаю,— произнес Базиль недовольно.— Я же вам говорю: странная старушка.

Тойво посмотрел на ядовито-розовый коттедж, содержащий в себе странную старушку. Садик у этого коттеджа выглядел заметно более ухоженным. Рядом с коттеджем стоял глайдер.

— Я вам не советую ее беспокоить,— сказал Базиль.— Пусть лучше сама проснется, и уж тогда...

В этот момент Тойво почудилось за спиной движение, и он резко повернулся. Из дверей клуба выглядывало бледное лицо с широко раскрытыми испуганными глазами. Несколько секунд незнакомец молчал, затем бескровные его губы шевельнулись, и он проговорил сипловатым голосом:

— Глулейшая история, правда?

— Стоп-стоп-стоп! — добродушно заговорил Базиль, двинувшись на него выставленными вперед ладонями.— Прошу прощения, но сюда нельзя. Аварийная служба.

Незнакомец тем не менее переступил через порог и сразу же остановился.

— Я, собственно, и не претендую,— сказал он и откашлялся.— Но обстоятельства... Скажите, Григорий с Элей уже вернулись?

Выглядел он достаточно необычно. На нем была меховая доха, под лапами которой виднелись богато расшитые меховые сапоги. Доха была расстегнута на груди и открывала пеструю летнюю рубашку из микро-сетки, какие тогда предпочитали жители стелной полосы. На вид ему было сорок — сорок пять, лицо простоватое и славное, только слишком уж бледное — то ли от испуга, то ли от смущения.

— Нет-нет,— отвечал Базиль, навалившись на него вплотную.— Никто сюда не возвращался, здесь идет расследование, и мы никого сюда не пускаем...

— Подождите, Базиль,— сказал Тойво.— Кто это — Григорий с Элей? — спросил он у незнакомца.

— Кажется, я опять не туда попал...— проговорил незнакомец с каким-то даже отчаянием и оглянулся через плечо, где в глубине павильона отсвечивала полированными поверхностями кабина нуль-Т.— Простите, это... м-м-м... Ах ты, господи, я опять забыл... Малая Пеша? Или нет?

— Это Малая Пеша,— сказал Тойво.

— Ну тогда вы же должны знать... Григорий Александрович Ярыгин... Как я понял, он живет здесь каждое лето...— Он вдруг обрадован-

но закричал, тыча рукой: — Вон же, вон тот коттедж! Вон на веранде мой плащ висит!..

Все тут же разъяснилось. Незнакомец оказался свидетелем. Звали его Анатолий Сергеевич Крыленко, и был он зоотехником, и работал он действительно в степной полосе — в Азгирском агрокомплексе. Вчера на ежегодной выставке новинок в Архангельске он совершенно случайно носом к носу столкнулся со своим школьным другом Григорием Ярыгиным, с которым не виделся вот уже лет десять. Естественно, Ярыгин потащил его к себе, сюда, в эту... эх, опять вылетело... ну да, в Малую Пешу. Они провели прекрасный вечер втроем — он, Ярыгин и жена Ярыгина Эля, катались на лодке, гуляли по лесу, часам к десяти вернулись домой, вон в тот коттедж, поужинали и расположились пить чай на веранде. Было совсем светло, с речки доносились детские голоса, и тепло было, и удивительно пахла заполярная клубника. А потом Анатолий Сергеевич Крыленко вдруг увидел глаза...

В этой, самой важной для дела части своего рассказа Анатолий Сергеевич стал, мягко выражаясь, невнятен. Он словно бы тщился пересказать некий жуткий, запутанный сон.

Глаза глядели из сада... они надвигались, но все время оставались в саду... Два огромных, тошнотворных на вид глаза... По ним все время что-то текло... А слева, сбоку, был еще третий... или три?... И что-то валилось, валилось, валилось через перила веранды и уже подтекало к ступням... Причем двинуться было совершенно невозможно. Григорий пропал куда-то, Григория не видно. Эля где-то здесь, но ее тоже не видно, только слышно, как она истерически визжит... или хохочет... Тут дверь в комнату распахнулась. Комната по пояс примерно была заполнена шевелящимися студенистыми тушами, а глаза этих туш были там, снаружи, за кустами...

Анатолий Сергеевич понял, что начинается самое страшное. Он выдернул ноги из приклеивавшихся к полу сандалий, перескочил через стол, вывалился в лес и, оббежав дом... Нет, дом он не обегал, он выскочил в лес, но оказался почему-то на площади... Он бежал куда глаза глядят и вдруг увидел павильон клуба, и из раскрытых дверей мелькнула в глаза ему сиреневая вспышка нуль-Т, и он понял, что спасен. Бомбой ворвался он в кабину и стал наугад тыкать пальцем в клавиши, пока не сработал автомат...

На этом трагедия кончилась, и началась скорее уж комедия. Нуль-транспортёр выбросил Анатолия Сергеевича в поселок Рузвельт на острове Петра Первого. Это в море Беллинсгаузена, на градуснике минус сорок девять, скорость ветра 18 метров в секунду, поселок по тамошнему зимнему времени пуст.

Впрочем, в клубе полярников автоматика задействована, тепло, уютно... Анатолий Сергеевич в своей пестренькой рубашечке и шортах, еще мокрый после чая и пережитого ужаса, получает необходимую

передышку и помаленьку приходит в себя. И когда он приходит в себя, его прежде всего, как и следовало ожидать, охватывает непереносимый стыд. Он понимает, что бежал в панике как последний трус — о таких трусах ему приходилось разве что читать в исторических романах. Он вспоминает, что бросил Элю и, по крайней мере, еще одну женщину, которую заметил мельком в соседнем коттедже. Он вспоминает детские голоса на реке и понимает, что детей этих он тоже бросил. Отчаянный позыв к действию овладевает им, но вот что замечательно: позыв этот возникает далеко не сразу, а во-вторых, возникнув уже, он довольно долго сосуществует с непереносимым ужасом при мысли о том, что надо вернуться туда, на веранду, в поле зрения кошмарных текущих глаз, к отвратительным студенистым тушам...

Ввалившаяся с мороза в клуб шумная компания гляциологов застала Анатолия Сергеевича тоскливо ломающим руки: он все еще не мог ни на что решиться. Гляциологи выслушали его рассказ вполне сочувственно и с энтузиазмом приняли решение вернуться на страшную веранду вместе с ним. Однако тут же выяснилось, что Анатолий Сергеевич не знает не только нуль-индекса поселка, но забыл и само название его. Он мог сказать только, что это недалеко от Баренцева моря, на берегу небольшой реки, в полосе заполярных сосняков. Тогда гляциологи спешно обрядили Анатолия Сергеевича в соответствии с местным климатом и сквозь свистящую пургу поволокли в штаб поселка напролом через чудовищные сугробы в компании гигантских звероподобных псов... И вот в штабе, перед терминалом БВИ, кому-то из полярников пришла в голову весьма здравая мысль о том, что дело-то тут не шуточное. Чудовища эти, безусловно, либо вырвались из какого-нибудь зверинца, либо — страшно подумать! — из какой-нибудь лаборатории, конструирующей биомеханизмы. В любом случае самостоятельность, ребята, тут просто неуместна, надо сообщить в аварийную службу.

И они сообщили в Центральную Аварийную. В Центральной Аварийной их поблагодарили и сказали, что принимают сообщение к сведению. Через полчаса дежурный Аварийной сам позвонил в штаб, сказал, что сообщение подтверждается, и попросил на связь Анатолия Сергеевича. Анатолий Сергеевич в самых общих чертах описал, что с ним произошло и как он оказался у берегов Антарктиды. Дежурный успокоил его в том смысле, что пострадавших нет, супруги Ярыгины живы и здоровы и что утром, вероятно, в Малую Пешу можно будет вернуться, а сейчас ему, Анатолию Сергеевичу, лучше всего принять чего-нибудь успокоительное и лечь отдохнуть.

И Анатолий Сергеевич принял успокоительное и тут же в штабе прикорнул на диване, но не проспал и часу, как снова увидел текущие глаза над перилами веранды, услышал истерический хохот Эли и проснулся от невыносимого стыда.

— Нет,— сказал Анатолий Сергеевич,— они не удерживали меня.

Видимо, поняли мое состояние... Никогда не думал, что со мной может такое случиться. Я, конечно, не Следопыт и не Прогрессор... но и у меня в жизни были острые ситуации, и я всегда вел себя вполне прилично... Я не понимаю, что со мной произошло. Пытаюсь объяснить это самому себе, и у меня ничего не получается... словно наваждение какое-то... — Он вдруг заметался глазами. — Вот сейчас говорю с вами, а внутри все ледяное... Может, мы все здесь чем-нибудь отравились?

— Вы не допускаете, что это была галлюцинация? — спросил Тойво.

Анатолий Сергеевич зябко передернул плечами и посмотрел в сторону ярыгинского коттеджа.

— Н-не знаю... — проговорил он. — Нет, ничего не могу сказать.

Ладно, пойдете посмотрим, — предложил Тойво.

— Мне с вами? — спросил Базиль.

— Не обязательно, — сказал Тойво. — Я тут буду долго ходить туда-сюда. А вы держите крепость.

— Пленных брать? — спросил Базиль деловито.

— Обязательно, — сказал Тойво. — Пленные мне нужны. Все, кто хоть что-нибудь видел своими глазами.

И они с Анатолием Сергеевичем двинулись через площадь. Анатолий Сергеевич вид имел решительный и деловой, но чем ближе он подходил к дому, тем напряженнее становилось его лицо, явственнее выступали желваки на скулах, а нижнюю губу он закусил, словно бы преодолевая сильную боль. И Тойво счел за благо дать ему передышку. Шагах в пятидесяти от живой изгороди он остановился — будто бы для того чтобы еще раз осмотреть окрестности, и принялся задавать вопросы. «А был ли кто-нибудь вон в том коттедже, справа?» «Ах, там было темно?» «А слева?» Женщина... Да-да, помню, вы говорили... «Одна только женщина и больше никого?» «А глайдера тут поблизости не было?»

Тойво задавал вопросы, Анатолий Сергеевич отвечал, а Тойво кивал с важным видом и всячески показывал, как существенно для расследования все то, что он слышит. И постепенно Анатолий Сергеевич приободрился, расслабился внутренне, и они вступили на веранду уже почти как коллеги.

На веранде был беспорядок. Стол стоял косо, один из стульев опрокинут, сахарница закатилась в угол, оставив за собой дорожку сахарного песка. Тойво потрогал чашечку — она была еще горячая. Он искоса глянул на Анатолия Сергеевича. Тот опять был бледен и играл желваками. Он смотрел на пару сандалий, сиротливо прижавшихся друг к другу под дальним стулом. По-видимому, это были его сандалии. Они были застегнуты, и непонятным казалось, как это Анатолию Сергеевичу удалось выдрать из них ноги. Впрочем, никаких потехов ни на них, ни под ними, ни где-нибудь рядом Тойво не видел.

— Домашних киберов здесь, видимо, не признают, — произнес Тойво деловито, чтобы вернуть Анатолия Сергеевича из мира пережитого ужаса в мир будничного быта.

— Да... — пробормотал тот. — То есть... Да кто их сейчас признает?.. Видите, мои сандалии...

— Вижу, — отозвался Тойво равнодушно. — Рамы здесь так и были все подняты?

— Не помню. Вон та была поднята, я там выпрыгивал.

— Понятно, — сказал Тойво и выглянул в садик.

— Да, следы здесь были. Следов было много: помятые и поломанные кусты, изуродованная клумба, а трава под перилами выглядела так, словно на ней кони валялись. Если здесь побывали животные, то животные неуклюжие, громоздкие, и к дому они не подкрадывались, а перли напролом. С площади, через кустарник нанскосок и через раскрытые окна прямо в комнаты...

Тойво пересек веранду и толкнул дверь в дом. Никакого беспорядка там не обнаруживалось. Точнее, беспорядка, какой должны были бы вызвать тяжелые неповоротливые туши.

Диван. Три кресла. Столика не видно — надо полагать, встроенный. Пульт только один — в подлокотнике хозяйского кресла. Сервисы — системы «поликристалл» — в остальных креслах и в диване. На передней стене — левитановский пейзаж, старинная хромофотоновая копия с трогательным треугольничком в левом нижнем углу, чтобы, упаси бог, какой-нибудь знаток не принял за оригинал. А на стене слева — рисунок пером в самодельной деревянной рамке, сердитое женское лицо. Красивое, впрочем...

При более внимательном осмотре Тойво обнаружил отпечатки подошв на полу: видимо, кто-то из аварийщиков осторожно прошел через гостиную в спальню. Обратных следов не было видно, аварийщик вылез наружу через окно в спальне. Так вот, пол в гостиной был покрыт довольно толстым слоем тончайшей коричневатой пыли. И не только пол. Сиденья кресел. Подоконники. Диван. А на стенах этой пыли не было.

Тойво вернулся на веранду. Анатолий Сергеевич сидел на ступеньках крыльца. Полярную доху он сбросил, а меховые сапоги сбросить, видимо, забыл и потому являл собою вид довольно нелепый. К сандалиям своим он даже не прикоснулся, они так и остались под стулом. Потехов никаких вблизи них не было, но и сами они, и пол рядом — все было припудрено той же коричневатой пылью.

— Ну, как вы тут? — спросил Тойво еще с порога.

Все равно Анатолий Сергеевич вздрогнул и резко обернулся.

— Да вот... понемножку прихожу в себя...

— Вот и прекрасно. Забирайте свой плащ и отправляйтесь-ка вы домой. Или хотите дожидаться Ярыгиных?

— Не знаю даже,— сказал Анатолий Сергеевич нерешительно.

— Как угодно,— сказал Тойво.— Во всяком случае, никаких опасностей здесь нет и не будет.

— Вы поняли что-нибудь? — спросил Анатолий Сергеевич, поднимаясь.

— Кое-что. Чудовища здесь действительно были, но на самом деле они не опасны. Напугать могут, и не более того.

— То есть вы хотите сказать, это искусственное?

— Похоже на то.

— Но зачем? Кто?

— Будем выяснять,— сказал Тойво.

— Вы будете выяснять, а они тем временем еще кого-нибудь... напугают.

Анатолий Сергеевич взял с перил плащ и постоял, разглядывая свои меховые сапоги. Казалось, сейчас он снова сядет и примется их с себя яростно сдирать. Но он, наверное, и не видел их даже.

— Вы говорите, напугать могут...— процедил он, не поднимая глаз.— Если бы напугать! Они, знаете ли, сломать могут!

Он быстро глянул на Тойво и, отведя глаза, не оборачиваясь более, пошел спускаться по ступенькам и дальше, по измятой траве, через изуродованную изгородь, наискосок через площадь, сгорбленный, нелепый в длинных меховых сапогах полярника и веселенькой пестрой рубашечке скотовода, пошел, все убыстряя шаги, к желтому павильону клуба, но на полдороге круто свернул влево, вскочил в глайдер, стоявший перед соседним коттеджем, и свечой взлетел в бледно-синее небо.

Шел пятый час утра.

* * *

Это первый мой опыт реконструкции. Я очень старался. Работа моя осложнялась тем, что я никогда не бывал в Малой Пеше в те давние времена, однако же в моем распоряжении осталось достаточное количество видеозаписей, сделанных Тойво Глумовым, аварийщиками и командой Флеминга. Так что за топографическую точность я, во всяком случае, ручаюсь. Считаю возможным для себя поручиться и за точность диалогов.

Помимо прочего, мне хотелось здесь продемонстрировать, как выглядело тогда типичное начало типичного расследования. Происшествие. Аварийщики. Выезд инспектора из отдела ЧП. Первое впечатление (чаще всего оно правильное): чье-то разгильдяйство либо неумная шутка. И нарастающее разочарование: опять не то, опять пустышка, хорошо бы махнуть на все это рукой и отправиться домой

досыпать. Впрочем, этого в моей реконструкции нет. Это предлагается домыслить.

Теперь несколько слов о Флеминге.

Это имя несколько раз появится в моем мемуаре, но я спешу предупредить, что никакого отношения к Большому Откровению этот человек не имел. В то время имя Александра Джонатана Флеминга было притчей во языцех в КОМКОНе-2. Он был крупнейшим специалистом по конструированию искусственных организмов. В своем базовом институте в Сиднее, а также в многочисленных филиалах этого института он с неописуемым трудолюбием и дерзостью выпекал великое множество диковеннейших существ, на создание которых не хватило фантазии и умения у матушки-природы. Его сотрудники в равении своем постоянно нарушали существующие законы и ограничения Всемирного Совета в области пограничного эксперимента. При всем нашем невольном чисто человеческом восхищении гением Флеминга мы его терпеть не могли за беспардонность, бессовестность и напористость, удивительно сочетающиеся с увертливостью. Ныне каждый школьник знает, что такое биоконплексы Флеминга, или, скажем, живые колодцы Флеминга. А в те времена его известность у широкой публики носила характер скорее скандальный.

Для моего изложения важно, что один из внучатых филиалов Сиднейского института Флеминга располагался как раз в устье Пешы, в научном поселке Нижняя Пеша, всего в сорока километрах от Пешы Малой. И узнав об этом, мой Тойво, насколько я его понимал, не мог не насторожиться и не сказать себе мысленно: «Ага, вот чья это работа!..»

Да, кстати. Упомянувшиеся ниже крабораки — это одно из полезных созданий Флеминга, которые впервые появились у него на свет, когда он был еще молодым работником на рыбоферме на Онежском озере. Крабораки эти оказались существами, поразительными по своим вкусовым качествам, но на всем Севере прижились почему-то только в маленьких ручьях — притоках Пешы.

* * *

МАЛАЯ ПЕША. 6 МАЯ 99 ГОДА. 6 ЧАСОВ УТРА.

5 мая около 11 вечера в дачном поселке Малая Пеша (тринадцать коттеджей, восемнадцать жителей) возникла паника. Причиной паники послужило появление в поселке некоторого (неизвестного) числа квазибиологических существ чрезвычайно отталкивающего и даже страшного вида. Существа эти двинулись на поселок из коттеджа № 7 по девяти четко обнаруживаемым направлениям. Прослеживаются эти направления по смятой траве, поврежденным кустарникам, по пятнам высохшей слизи на листьях, на плитах облицовки, на наружных стенах

домов и на подоконниках. Все девять маршрутов заканчиваются внутри жилых помещений, а именно: в коттеджах № 1, 4, 10 (на верандах), 2, 3, 9, 12 (в гостиных), 6, 11 и 13 (в спальнях). Коттеджи № 4 и 9, судя по всему, необитаемы...

Что же касается коттеджа № 7, откуда началось нашествие, то там явно кто-то жил, и оставалось установить только, что он такое — дурацкий шутник или безответственный растяпа? Нарочно он запустил эмбриофоры или прозевал самозапуск? Если прозевал, то по преступной небрежности или по невежеству?

Две вещи, однако же, смущали. Тойво не нашел никаких следов оболочек эмбриофор. Это раз. А во-вторых, ему поначалу никак не удавалось обнаружить данные о личности обитателя коттеджа № 7.

К счастью, Ойкумена наша устроена, в общем, вполне справедливо. На площади вдруг послышались громкие негодующие голоса, и через минуту выяснилось, что искомый обитатель появился в центре событий сам, собственной персоной, и вдобавок не один, а с гостем.

Это оказался коренастый, весь какой-то чугунный на вид мужчина в походном комбинезоне и с брезентовым мешком, из которого доносились странные шуршащие и скрипящие звуки. Гость же его очень живо напомнил Тойво старого доброго Дуремара только что из пруда тетки Тортиллы — длинный, длинноволосый, длинноносый, тощий, в неопределенной хламиде, облепленной подсыхающей тиной. Немедленно выяснилось, что чугунного обитателя зовут Эрнст Юрген, работает он оператором-ортомастером на Титане, на Земле в отпуске... Каждый год два месяца он на Земле в отпуске, один месяц зимой, один — летом, и летом всегда здесь, на Пеше, вот в этом самом коттедже... Какие еще чудовища? Кого вы, собственно, имеете в виду, молодой человек? Какие могут быть чудовища в Малой Пеше, сами подумайте, а еще аварийщик называется, делать вам нечего, что ли?..

Дуремар же, напротив, оказался существом вполне земным. Мало того, существом почти местным. Фамилия его была Толстов, а звали его Лев Николаевич. Но замечательным было в нем другое. Он, оказывается, постоянно живет и работает всего в сорока километрах отсюда, в Нижней Пеше, где, оказывается, вот уже несколько лет функционирует филиальчик фирмы небезызвестного Флеминга!..

Еще оказалось, что этот Эрнст Юрген и старинный его друг Лева Толстов — страстные гурманы. Ежегодно они встречаются здесь, в Малой Пеше, потому что в пяти километрах выше по течению в Пешу впадает маленький приток, где водятся какие-то крабораки. Именно поэтому он, Эрнст Юрген, проводит свой отпуск в Малой Пеше, именно поэтому он с другом своим, Левой Толстовым, отбыл вчера ранним вечером на лодке ловить крабораков и именно поэтому они с Левой были бы очень признательны аварийной службе, если бы сейчас их оставили в покое, ибо крабораки (Эрик Юрген потряс тяжелым

мешком, издающим странные звуки) бывают только одной свежести, а именно самой первой...

Этот забавный шумный человек никак не мог представить себе, что на Земле — не у них там на Титане, не на Пандоре где-нибудь, не на Яйле, нет, на Земле! в Малой Пеше! — случаются события, способные вызвать страх и панику. Любопытнейший тип космопроходца-профессионала! Видит же, что поселок пуст, видит перед собой аварийщика, представителя КОМКОНа-2, видит и авторитета их не отрицает, но объяснения всему этому готов искать в чем угодно, лишь бы не признавать, что на родной его, теплой Земле не все может оказаться в порядке...

Затем, когда его все-таки удалось убедить, что ЧП и в самом деле имело место, он обиделся — расстроился, как ребенок, надул губы, ушел от всех, волоча по земле мешок с драгоценными краборакками, и уселся боком на своем крыльце, отвернувшись от всех, не желая больше никого видеть, не желая больше ничего слышать, время от времени пожимая плечами и взрыкивая: «Отдохнул, называется... Раз в год приедешь, и то... Это же придумать такое надо!..»

Тойво, впрочем, интересовала больше реакция друга его, Льва Николаевича Толстова, работника Флеминга, специалиста по конструированию и запуску в существование искусственных организмов. А реакция у специалиста была такая. Сначала — полное непонимание, беспорядочное лупанье глазами и неуверенная улыбка человека, подозревающего, что его разыгрывают, да еще и не слишком умно. Далее: озадаченно сдвинутые брови, взор пустой и обращенный будто бы внутрь себя и задумчивые движения нижней челюстью. И наконец, вспышка профессионального негодования. Да вы понимаете, о чем говорите? Вы имеете хоть какое-то представление о предмете? Вы вообще видели когда-нибудь искусственное существо? Ах, только в хронике? Так вот, нет и быть не может искусственных существ, которые способны забираться через окна в спальни людей. Прежде всего, они медлительны и неуклюжи и если уж двигаются, то не к людям, а от людей, ибо естественное биополе им противопоказано, даже кошачье биополе... Далее, что значит «размером примерно с корову»? Вы бы хоть попытались прикинуть, какая энергия нужна эмбриофору, чтобы развиться в такую массу хотя бы и за час? Да здесь бы ничего не осталось, никаких коров бы не осталось, это выглядело бы просто как взрыв!..

Допускает ли он, что здесь были задействованы эмбриофоры неизвестного ему типа?

Ни в коем случае. Таких эмбриофоров в природе не существует.

Что же здесь произошло, по его мнению?

Лев Толстов не понимал, что здесь произошло. Ему надо было осмотреться, чтобы прийти к каким-нибудь выводам.

Тойво оставил его осматриваться, а сам вместе с Базилем отправился в клуб, чтобы перекусить.

Они съели по бутерброду с холодным мясом, и Тойво принялся варить кофе. И тут.

— В-в-в! — произнес вдруг Базиль с набитым ртом.

Он сделал мощный глоток и, глядя мимо Тойво, рывкнул свежим голосом:

— Стоп, машина! Ты куда это нацелился, сынок?

Тойво обернулся. Это был мальчишка лет двенадцати, лопухий и загорелый, в шортиках и курточке-распашонке. Зычный оклик Базиля остановил его у самого выхода из павильона.

— Домой, — сказал он с вызовом.

— А подойди-ка сюда, пожалуйста! — сказал Базиль.

Мальчик приблизился и остановился, заложив руки за спину.

— Ты здесь живешь? — спросил Базиль вкрадчиво.

— Мы здесь жили, — ответил мальчик. — В шестерке. Теперь больше жить не будем.

— Кто это — мы? — спросил Тойво.

— Я, мама и отец. Вернее, мы здесь были на даче, а живем мы в Петрозаводске.

— А где же мама и отец?

— Спят. Дома.

— Спят, — повторил Тойво. — Как тебя зовут?

— Кир.

— Твои родители знают, что ты здесь?

Кир помялся, переступил с ноги на ногу и сказал:

— Я сюда только на минутку вернулся. Мне надо забрать галеру, я ее целый месяц мастерил.

— Галеру... — повторил Тойво, рассматривая его.

Лицо мальчика ничего не выражало, кроме терпения и скуки. По всему было видно, что озабочен он только одним: поскорее забрать свою галеру и вернуться домой, пока родители не проснулись.

— Когда вы уехали отсюда?

— Нынче ночью. Все отсюда уезжали, и мы тоже. А галеру забыли.

— Почему же уехали?

— Была паника. Вы что, не знаете? Тут такое было! И мама напугалась, а отец сказал: «Ну, знаете ли, поехали отсюда домой». Сели в глайдер и улетели... Так я пойду? Или нельзя?

— погоди минутку. Почему была паника, как ты считаешь?

— Потому что появились эти животные. Вышли из леса... или из реки. Все почему-то их испугались, забегали... Я спал, меня мама разбудила.

— А ты не испугался?

Он дернул плечом.

— Ну и я испугался сначала... со сна... Все вопят, все орут, все бегают, ничего не понять...

— А потом?

— Я же говорю: мы сели в глайдер и улетели.

— Животных этих ты видел?

Он вдруг засмеялся.

— Видел, конечно... Одно прямо в окошко влезло, рогатое такое, только рога не твердые, а как у улитки... очень потешное...

— То есть ты сам не испугался?

— Нет, я же вам говорю: испугался, конечно, что я вам врать буду? Мама вбежала вся белая, я думал, несчастье какое-нибудь... Думал, с папой что-нибудь?..

— Понятно, понятно. Но животных-то ты не испугался?

Кир сказал с досадой:

— Да почему их надо бояться? Они же добрые, смешные... они же мягкие, шелковистые такие, как мангусты, только без шерсти... А то, что они большие, так что же? Тигр тоже большой, так что же, я его бояться должен, что ли? Слон большой, кит большой... дельфины большие бывают... А эти животные ну никак не больше дельфина, и ласковые они такие же...

Тойво посмотрел на Базиль. Базиль, отведя челюсть, слушал странного мальчика, держа на весу надкушенный бутерброд.

— И пахнут они хорошо! — продолжал Кир горячо. — Они ягодами пахнут! Я думаю, они ягодами и питаются... Их бы надо приручить, а бегать от них... чего ради? — Он вздохнул. — Теперь они ушли, наверное. Ищи их теперь в тайге... Еще бы! Так на них все орали, топали, махали руками! Конечно, они испугались! А теперь попробуй их примани...

Он опустил голову и предался горестным размышлениям. Тойво сказал:

— Понятно. Однако родители с тобой не согласны? Так?

Кир махнул рукой.

— Да уж... Отец еще ничего, а мама категорически: ни ногой, никогда, ни за что! И мы теперь улетаем на Курорт. А они ведь там не водятся... Или водятся? Как они называются, вы не знаете?

— Не знаю, Кир, — сказал Тойво.

— Но здесь ни одного не осталось?

— Ни одного.

— Так я и думал, — сказал Кир. Он вздохнул и спросил: — Можно мне взять свою галеру?

Базиль наконец пришел в себя. Он шумно поднялся и произнес:

— Пойдем, я тебя провожу. Так? — спросил он Тойво.

— Конечно, — ответил тот.

— Зачем это меня провожать? — возмущенно осведомился Кир, но Базиль уже возложил длань свою на его плечо.

— Пойдем, пойдем, — сказал он. — Всю жизнь я мечтал посмотреть настоящую галерею.

— Она не настоящая же, она модель...

— Тем более. Всю жизнь мечтал посмотреть модель настоящей галереи...

Они ушли. Тойво выпил чашечку кофе и тоже вышел из павильона.

Солнце уже заметно припекало, на небе не было ни облачка. Над пышной травой площади мерцали синие стрекозы. И сквозь это металлическое мерцание, подобно диковинному дневному привидению, плыла к павильону величественная старуха с выражением абсолютной неприступности на коричневом узком лице.

Придерживая (дьявольски элегантно) коричневой птичьей лапой подол глухого снежно-белого платья, она, словно бы и не касаясь травы, подплыла к Тойво и остановилась, возвышаясь над ним по крайней мере на голову. Тойво почтительно поклонился, и она кивнула в ответ, вполне, впрочем, благосклонно.

— Вы можете звать меня Альбиной, — милостиво произнесла она приятным баритоном.

Тойво поспешно представился. Она наморщила коричневый лоб под пышной шапкой белых волос.

— КОМКОН? Ну что ж, пусть КОМКОН. Будьте любезны, Тойво, скажите мне, пожалуйста, как вы у себя в этом самом КОМКОНе все это объясняете?

— Что именно вы имеете в виду? — спросил Тойво.

Этот вопрос несколько раздражил ее.

— Я имею в виду, мой дорогой, вот что, — сказала она. — Как могло случиться, что в наше время, в конце нашего века, у нас на Земле живые существа, воззавшие к человеку о помощи и милосердии, не только не обрели ни милосердия, ни помощи, но сделались объектом травли, запугивания и даже активного физического воздействия самого варварского толка. Я не хочу называть имен, но они били их граблями, они дико кричали на них, они даже пытались давить их глайдерами. Я никогда не поверила бы этому, если бы не видела своими глазами. Вам знакомо такое понятие — дикость? Так вот, это была дикость! Мне стыдно.

Она замолчала, не сводя с Тойво пронзительного взгляда свирепых угольно-черных очень молодых глаз. Она ждала ответа, и Тойво пробормотал:

— Вы позволите мне вынести для вас кресло?

— Не позволю, — сказала она. — Я не собираюсь здесь с вами расскидываться. Я желала бы услышать ваше мнение о том, что произошло с людьми в этом поселке. Ваше профессиональное мнение. Вы кто? Социолог? Педагог? Психолог? Так вот, изложите объяснить! Поймите, речь идет не о каких-то там санкциях. Но мы должны понять,

как это могло случиться, что люди, еще вчера цивилизованные, воспитанные... я бы даже сказала, прекрасные люди... сегодня вдруг теряют человеческий облик! Вы знаете, чем отличается человек от всех других существ в мире?

— Э...разумностью? — предположил Тойво.

— Нет, мой дорогой! Милосердием! Ми-ло-сер-дием!

— Ну безусловно, — сказал Тойво. — Но откуда же следует, что давешние эти существа нуждались именно в милосердии?

Она посмотрела на него с отвращением.

— Вы сами-то видели их? — спросила она.

— Нет.

— Так как же вы беретесь об этом судить?

— Я не берусь судить, — сказал Тойво. — Я как раз хочу установить, чего они хотели...

— По моему, я вам довольно ясно сказала, что эти животные существа, эти бедняги искали у нас помощи. Они находились на краю гибели! Они должны были вот-вот погибнуть! Они же ведь погибли, вы что же, не знаете этого? На моих глазах они умирали и превращались в ничто, в прах, и я ничего не могла поделать — я балерина, а не биолог, не врач. Я звала, но разве кто-нибудь мог меня услышать в этом шабаше, в этом разгуле дикости и жестокости? А потом, когда помощь наконец прибыла, было уже поздно, никого уже не осталось в живых. Никого! А эти дикари... Я не знаю, как объяснить их поведение... Может быть, это был массовый психоз... отравление... Я всегда была против употребления в пищу грибов... Наверное, придя в себя, они устыдились и разбежались кто куда! Вы нашли их?

— Да, — сказал Тойво.

— Вы говорили с ними?

— Да. С некоторыми. Не со всеми.

— Так скажите же мне, что с ними произошло? Каковы ваши выводы, хотя бы предварительные?..

— Видите ли... сударыня...

— Вы можете называть меня Альбиной.

— Благодарю вас. Видите ли, в чем дело... Дело в том, что, насколько мы можем судить, большинство ваших соседей восприняли это нашествие... это событие несколько иначе, чем вы.

— Естественной! — высокомерно произнесла Альбина. — Я это видела своими глазами!

— Нет-нет. Я хочу сказать: они испугались. Они до смерти испугались. Они себя не помнили от ужаса. Они даже боятся сюда вернуться. Некоторые вообще хотят бежать с Земли после пережитого. И насколько я понимаю, вы — единственный человек, услышавший мольбы о помощи...

Она слушала величественно, но невнимательно.

— Что же,— проговорила она.— По-видимому, им так стыдно, что приходится ссылаться на страх... Не верьте им, мой дорогой, не верьте! Это самая примитивная, самая постыдная ксенофобия... Наподобие расовых предрассудков. Я помню, в детстве я истерически боялась пауков и змей... Здесь то же самое.

— Очень может быть. Но вот что мне хотелось бы все-таки уточнить. Они просили о помощи, эти существа. Они нуждались в милосердии. Но в чем это выражалось? Ведь, насколько я понимаю, они не говорили, не стонали даже...

— Дорогой мой! Они были больны, они умирали! Ну и что же, что они умирали молча? Выброшенный на сушу дельфинчик тоже ведь не издает ни звука... во всяком случае, мы его не слышим... но ведь нам понятно, что он нуждается в помощи, и мы спешим на помощь... Вот идет мальчик, вы отсюда не слышите, что он говорит, но вам понятно, что он бодр, весел, счастлив...

От коттеджа № 6 к ним приближался Кир, и он действительно был бодр, весел и счастлив. Базиль, шагавший рядом с ним, почтительно нес в руках большую черную модель античной галеры и, кажется, задавал соответствующие вопросы, а Кир отвечал ему, показывая руками какие-то размеры, какие-то формы, какие-то сложные взаимодействия. Похоже, Базиль и сам был большим любителем-моделистом античных галер.

— Позвольте,— произнесла Альбина, приглядевшись.— Но это же Кир!

— Да,— сказал Тойво.— Он вернулся за своей моделью.

— Кир добрый мальчик,— заявила Альбина.— Но отец его вел себя омерзительно... Здравствуй, Кир!

Увлеченный Кир только теперь заметил ее, остановился и робко сказал: «Доброе утро...» Оживление исчезло с его лица, как, впрочем, и с лица Базилья.

— Как себя чувствует твоя мама? — осведомилась Альбина.

— Спасибо. Она спит.

— А папа? Где твой отец, Кир? Он где-нибудь здесь?

Кир молча pokrutil головой и насупился.

— А ты все время оставался здесь? — с восхищением воскликнула Альбина и победоносно посмотрела на Тойво.

— Он вернулся за своей моделью,— напомнил тот.

— Это все равно. Ты ведь не побоялся сюда вернуться, Кир?

— Да чего их бояться-то, бабушка Альбина? — сердито проворчал Кир, бочком-бочком целясь обойти ее стороной.

— Не знаю, не знаю,— сказала Альбина сварливо.— Вот папа твой, например...

— Папа не испугался ничуть. Вернее, он испугался, но только за маму и за меня. Просто в этой суматохе он не понял, какие они добрые...

— Не добрые, а несчастные! — поправила его Альбина.

— Да какие несчастные, бабушка Альбина? — возмутился Кир, смешно разводя руки жестом неумелого трагика. — Они же веселые, они же играть хотели! Они же так и ластились!

Бабушка Альбина снисходительно улыбалась.

* * *

Не могу удержаться от того, чтобы не подчеркнуть сейчас же обстоятельство, очень точно характеризующее Тойво Глумова как работника. Будь на его месте зеленый стажер, он после беседы с Дуремаром решил бы, что тот темнит и путает и что картина в общем и целом совершенно ясна: Флеминг создал эмбриофор нового типа, чудовища его вырвались на волю, можно благополучно отправляться досыпать, а поутру доложить начальству.

Опытный работник, например Сандро Мтбевари, тоже не стал бы распивать с Базилем кофе: эмбриофор нового типа — это не шутка, он бы немедленно разослал двадцать пять запросов во все мыслимые инстанции, а сам бы кинулся в Нижнюю Пешу брать за хрип флеминговских хулиганов и разгильдяев, пока они не приготовились там строить из себя оскорбленную невинность.

Тойво Глумов не двинулся с места. Почему? Он почуял запах серы. Не запах даже — так, легкий запахок. Небывалый эмбриофор? Да, конечно, это серьезно. Но это не запах серы. Истерическая паника? Ближе. Существенно теплее. Но самое главное — странная старушка из коттеджа № 1. Вот! Паника, истерика, бегство, аварийщики, а она просит не галдеть и не мешать ей спать. Вот это уже не поддавалось традиционным объяснениям. Тойво и не пытался это объяснить. Он просто остался дожидаться, пока она встанет, чтобы задать ей несколько вопросов. Он остался и был вознагражден. «Если бы не вздумалось мне позавтракать с Базилем, — рассказывал он мне потом, — если бы я отправился к вам на доклад сразу же после интервью с этим Толстовым, я бы так и остался под впечатлением, будто в Малой Пеше не произошло ничего загадочного, кроме дикой паники, вызванной нашествием искусственных животных. И тут появились мальчик Кир и бабушка Альбина и внесли существенный диссонанс в эту стройную, но примитивную схему...»

«Вздумалось позавтракать» — так он выразился. Скорее всего для того, чтобы не тратить время на попытки выразить словами те смутные и тревожные ощущения, которые и заставили его задержаться.

МАЛАЯ ПЕША. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. В ЧАСОВ УТРА.

Кир с галерой на руках кое-как втиснулся в кабину нуль-Т и исчез в свой Петрозаводск. Базиль снял свою чудовищную куртку, появился на траву в тенечке и, кажется, задремал. Бабушка Альбина уплыла к себе в коттедж № 1.

Тойво не стал заходить в павильон, он просто сел на траву, скрестивши ноги, и стал ждать.

В Малой Пеше ничего особенного не происходило. Чугунный Юрген время от времени взрывал из недр своего коттеджа № 7 — что-то насчет погоды, что-то насчет реки и что-то насчет отпуска. Альбина, по-прежнему вся в белом, появилась у себя на веранде и уселась под тентом. Донесся ее голос, мелодичный и негромкий, — видимо, она разговаривала по видеофону. Несколько раз в поле зрения появлялся Дуремар Толстов. Он сновал между коттеджами, то и дело приседая на корточки, разглядывая землю, зарывался в кусты, иногда даже перемещался на четвереньках.

В половине восьмого Тойво поднялся, вошел в клуб и связался по видео с мамой. Обычный контрольный звонок. Он опасался, что день будет очень занят и другого времени позвонить не найдется. Они поговорили о том о сем... Тойво рассказал, что встретил здесь престарелую балерину по имени Альбина. Не та ли это Альбина Великая, о которой ему все уши прожужжали в детстве? Они обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что это вполне возможно, а вообще-то была еще одна великая балерина Альбина, лет на пятьдесят старше Альбины Великой... Потом они распрощались до завтра.

Снаружи донесся зычный рев: «А раки? Лева, раки же!..»

Лева Толстов быстрым шагом приближался к клубу, раздраженно отмахиваясь левой рукой, правой он прижимал к груди какой-то объемистый пакет. У входа в павильон он приостановился и визгливым фальцетом провозгласил в сторону коттеджа № 7: «Да вернусь я! Скоро!» Тут он заметил, что Тойво смотрит на него, и объяснил, словно бы извиняясь:

— На редкость странная история. Надо все-таки разобраться.

Он скрылся в кабине нуль-Т, и еще некоторое время не происходило совсем ничего. Тойво решил ждать до восьми часов.

Без пяти восемь из-за леса вынырнул глайдер, сделал несколько кругов над Малой Пешей, постепенно снижаясь, и мягко сел перед коттеджем № 10, тем самым, где, судя по обстановке, обитала семья живописца. Из глайдера выпрыгнул рослый мужчина, легко взбежал по ступенькам на веранду и крикнул, обернувшись: «Все в порядке! Никого и ничего!». Пока Тойво шел к ним через площадь, из глайдера вышла молоденькая женщина с коротко остриженными волосами, в фиолетовой хламидке выше колен. Она не стала подниматься

на крыльцо, она осталась стоять возле глайдера, держась рукой за дверцу.

Как выяснилось, живописцем в этой семье была как раз женщина, ее звали Зося Лядова, и это ее автопортрет, оказывается, Тойво видел в коттедже у Ярыгиных. Было ей лет 25 — 26, она училась в Академии, в студии Комовского-Корсакова, и ничего значительного пока еще не создала. Она была красива, гораздо красивее своего автопортрета. Чем-то она напомнила Тойво его Асю, правда, никогда в жизни не видел он свою Асю такой напуганной.

А мужчину звали Олег Олегович Панкратов, и был он лектором Сыктывкарского учебного округа, а до того, на протяжении почти тридцати лет, был астроархеологом, работал в группе Фокина, участвовал в экспедиции на Кала-и-Муг (она же «парадоксальная планета Морохаси») и вообще повидал белый свет, а равно и черный, серый и всяких иных цветов. Очень спокойный, даже несколько флегматичный мужчина, руки, как лопаты, надежный, прочный, основательный, бульдозером не сдвинешь, и лицом при этом бел и румян, синие глаза, нос картофелиной и русая борода, как у Ильи Муромца...

И ничего удивительного не было в том, что во время ночных событий супруги вели себя совершенно по-разному. Олег Олегович при виде живых мешков, лезущих в окно спальни, удивился, конечно, но никакого испуга не испытал. Может быть, потому, что сразу вспомнил о филиальчике в Нижней Пеше, куда он в свое время несколько раз наведывался, да и сам вид чудовищ не вызвал в нем ощущения опасности. Гадливость — вот что он испытал главным образом. Гадливость и отвращение, но никак не страх. Улещись ладонями, он не впустил эти мешки в спальню, выпихнул их обратно в сад, и это было противно, скользко, липко, они были неприятно податливо-упруги под ладонями, эти мешки, больше всего они напоминали внутренности какого-то огромного животного. Он тогда заметался по спальне, пытаясь сообразить, чем вытереть руки, но тут на веранде закричала Зося, и ему стало не до брезгливости...

Да, все мы вели себя не лучшим образом, но все-таки распускаться так, как некоторые, нельзя. Ведь до сих пор кое-кто не может в себя прийти. Фролова нам пришлось уложить в больницу прямо в Суле, его отдирали от глайдера по частям, совершенно потерял себя... А Григоряны с детьми в Суле и задерживаться не стали, бросились в нуль-кабину все вчетвером и отправились прямо в Мирза-Чарле. Григорян крикнул на прощание: «Куда угодно, только бы подальше и навсегда!..»

А Зося вот Григорянов понимала очень хорошо. Ей лично такого ужаса никогда испытывать не приходилось. И совсем не в том было дело, опасны эти животные или нет. «Если нас всех гнал ужас... Не вменяйся, Олег, я говорю о нас, простых, неподготовленных людях, а не

о таких громобоях, как ты... Если нас всех гнал ужас, то вовсе не потому, что мы боялись быть съеденными, задушенными, заживо переваренными и все такое прочее... Нет, это было совсем другое ощущение!» Зоя затруднялась охарактеризовать это ощущение сколько-нибудь точно. Наиболее удобопонятной оказалась такая ее формулировка: это был не ужас, это было ощущение полной несовместимости, невозможности пребывания в одном объеме пространства с этими тварями. Но самым интересным в ее рассказе было совсем другое.

Оказывается, они были еще и прекрасны, эти чудовища! Они были настолько страшны и отвратны, что представлялись своего рода совершенством. Совершенством безобразия. Эстетический стык идеально безобразного и идеально прекрасного. Где-то когда-то было сказано, что идеальное безобразие якобы должно вызывать в нас те же эстетические ощущения, что и идеальная красота. До вчерашней ночи это всегда казалось ей парадоксом. А это не парадокс! Либо она такой уж испорченный человек?..

Она показала Тойво свои зарисовки, сделанные по памяти спустя два часа после паники. Они с Олегом заехали какой-то пустующий домик в Суле, и сначала Олег отпаивал ее тоником и пытался привести в чувство психомассажем, но это все не помогало, и тогда она схватила лист бумаги, какое-то отвратительное стило, жесткое и корявое, и стала торопливо, линия за линией, тень за тенью, переносить на бумагу то, что кошмаром маячило перед глазами, заслоняя реальный мир...

Ничего особенного на рисунках не обнаруживалось. Паутина линий, угадываются знакомые предметы: перила веранды, стол, кусты, а поверх всего — размытые тени неопределенных очертаний. Впрочем, рисунки эти вызывали какое-то ощущение тревоги, неустроенности, неудобства... Олег Олегович находил, что в них что-то есть, хотя, на его взгляд, все было гораздо проще и противнее. Впрочем, он далек от искусства. Так, неквалифицированный потребитель, не более...

Он спросил Тойво, что удалось обнаружить. Тойво изложил ему свои предположения: Флеминг, Нижняя Пеша, эмбриофор нового типа и так далее. Панкратов покивал, соглашаясь, а потом сообщил с некоторой грустью, что во всей этой истории его более всего огорчает... как бы это выразиться? Ну, чрезмерная нервность нынешнего землежителя. Ведь все же удрали, ну как один! Хоть кто-нибудь бы заинтересовался, полюбопытствовал бы... Тойво вступился за честь нынешнего землежителя и рассказал про бабушку Альбину и про мальчика Кира.

Олег Олегович оживился необычайно. Он хлопал своими лопатообразными ладонями по подлокотникам кресла и по столу, он победоносно взглядывал то на Тойво, то на свою Зою и, похохатывая, восклицал: «Ай да Кирюха! Ай да молодец! Я всегда говорил, что из него будет толк... Но какова Альбина-то наша! Вот вам и цирлих-манирлих!..» На это Зоя запальчиво объявила, что ничего удивительного здесь нет,

старые и малые всегда были одного поля ягоды... «И космопроходцы! — восклицал Олег Олегович. — Не забудь про космопроходцев, любимка моя!..» Они препирались полусерьезно-полушутливо, как вдруг произошел маленький инцидент.

Олег Олегович, слушавший свою любимку с улыбкой от уха до уха, улыбаться вдруг перестал, и выражение веселья на лице его сменилось выражением озадаченности, словно что-то потрясло его до глубины души. Тойво проследил направление его взгляда и увидел: в дверях своего коттеджа № 7 стоит, прислонившись плечом к косяку, безутешный и разочарованный Эрнст Юрген, уже не в крабораковом скафандре своем, а в просторном бежевом костюме, и в одной руке у него плоская банка с пивом, а в другой — колоссальный бутерброд с чем-то красно-белым, и он подносит ко рту то одну руку, то другую, и жует, и глотает, и неотрывно глядит при этом через площадь на вход в клуб.

— А вот и Эрнст! — воскликнула Зося. — А ты говоришь!

— С ума сойти! — медленно произнес Олег Олегович все с тем же крайне озадаченным видом.

— Эрнст, как видишь, тоже не испугался, — сказала ему Зося не без яда.

— Вижу, — согласился Олег Олегович.

Что-то он знал про этого Эрнста Юргена, никак он не ожидал его увидеть здесь после вчерашнего. Нечего было Эрнсту Юргену здесь делать сейчас, нечего было ему стоять у себя на веранде в Малой Пеше, пить пиво и закусывать вареными крабораками, а надлежало сейчас Эрнсту Юргену, наверное, драпать без оглядки куда-нибудь к себе на Титан или даже дальше.

И Тойво поспешил рассеять это недоразумение и рассказал, что Эрнста Юргена вчера ночью в поселке не было, а был Эрнст Юрген вчера ночью на ловле крабораков в нескольких километрах выше по течению. Зося очень огорчилась, а Олег Олегович, как показалось Тойво Глумову, даже дух с облегчением перевал. «Так это же другое дело! — сказал он. — Так бы сразу и сказали...» И хотя никаких вопросов по поводу его озадаченности никто, разумеется, не задавал, он вдруг пустился в объяснения: его-де смутило то, что ночью во время паники он своими глазами видел, как Эрнст Юрген, всех раскидывая локтями, самым постыдным образом рвался в павильон к нуль-кабине. Теперь-то он понимает, что ошибся, не было этого и быть, оказывается, не могло, но в первый момент, когда он увидел Эрнста Юргена с банкой пива...

Неизвестно, поверила ли ему Зося, а Тойво не поверил ни единому его слову. Не было этого ничего, никакой Эрнст Юрген вчера Олery Олеговичу во время паники не мерещился, а знал он, Олег Олегович, про этого Юргена что-то совсем другое, что-то гораздо более занимательное, но, видимо, нехорошее что-то, раз постеснялся об этом рассказать...

И тут тень пала на Малую Пешу, и пространство вокруг наполнилось бархатистым курлыканьем, и бомбой вылетел из-за угла павильона растрепанный Базиль, на ходу натягивая свою куртку, а солнце вновь уже воссияло над Малой Пешей, и на площадь величественно, не пригнув собой ни единой травинки, опустился, весь золотистый и лоснящийся, словно гигантский каравай, псевдограв класса «пума» из самых новых, суперсовременных, и тотчас же лопнули по обводу его многочисленные овальные люки, и высыпали из них на площадь длинноногие, загорелые, деловитые, громкоголосые люди, высыпали и потащили какие-то ящики с раструбами, потянули шланги с причудливыми накопечниками, засверкали блиц-контакторами, засуетились, забегали, замахали руками, и больше всех среди них суетился, бегал, размахивал руками, тащил ящики и тянул шланги Лев — Дуремар Толстов, все еще в одеждах, облепленных засохшей зеленой тинной.

КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ЧП. 6 МАЯ 99 ГОДА. ОКОЛО ЧАСА ДНЯ.

— И чего же они добились со всей своей техникой? — спросил я.

Тойво скучно смотрел в окно, следя взглядом за Облачным Селением, неторопливо плывшем где-то над южными окраинами Свердловска.

— Ничего существенно нового, — ответил он. — Восстановили наиболее вероятный вид животных. Анализы получились такие же, как у аварийщиков. Удивлялись, что не сохранились оболочки эмбриофоров. Поражались энергетике, твердили, что это невозможно.

— Ты запросы послал? — спросил я через силу.

Я хочу здесь еще раз подчеркнуть, что к тому времени я уже все видел, все знал, все понимал, но представления не имел, что мне делать с этим моим видением, знанием и пониманием. Я ничего не мог придумать, а сотрудники мои и коллеги только мешали мне. В особенности Тойво Глумов.

Больше всего на свете мне хотелось вот тут же, не сходя с места, отправить его в отпуск. Всех их отправить в отпуск, до последнего стажера, а самому отключить все линии связи, заэкранироваться, закрыть глаза и на сутки хотя бы остаться в полном одиночестве. Чтобы не надо было следить за своим лицом. Чтобы не надо было думать, какие мои слова прозвучат естественно, а какие — странно. Чтобы вообще ни о чем не надо было думать, чтобы в голове возникла зияющая пустота, и тогда в этой пустоте искомое решение возникнет само собой. Это было что-то вроде галлюцинации — из тех, что бывают, когда приходится терпеть нудную боль. Я терпел уже более пяти недель, душевные силы мои были на исходе, но пока еще мне удавалось владеть своим лицом, управлять своим поведением и задавать вполне уместные вопросы.

— Ты послал запросы? — спросил я Тойво Глумова.

— Запросы я послал, — ответил он монотонно. — Бюргермайеру в ПО «Эмбриомеханика», Горбачкову. Лично. И Флемингу. На всякий случай. Все — от вашего имени.

— Хорошо, — сказал я. — Подождем.

Теперь надо было дать ему выговориться. Я же видел: ему надо выговориться. Он должен был увериться, что самое главное не прошло мимо внимания руководителя. В идеале руководитель сам должен был вычленил и подчеркнуть это главное, но на это у меня уже не доставало сил.

— Ты хочешь что-то добавить? — спросил я.

— Да, хочу. — Он щелчком сбил невидимую пылинку с поверхности стола. — Необычная технология — это не главное. Главное — это дисперсия реакций.

— То есть? — спросил я. (Я еще должен был его подгонять!)

— Вы могли бы обратить внимание на то, что события эти разделили свидетелей на две неравные группы. Строго говоря, даже на три. Большая часть свидетелей поддалась безудержной панике. Дьявол в средневековой деревне. Полная потеря самоконтроля. Люди бежали не просто из Малой Пешы. Люди бежали с Земли. Теперь вторая группа: зоотехник Анатолий Сергеевич и художница Зоя Лядова, хотя и перепугались вначале, но затем нашли в себе силы вернуться, причем художница увидела в этих животных даже какое-то очарование. И наконец, — престарелая балерина и мальчик Кир. И еще, пожалуй, Панкратов, муж Лядовой. Эти вообще не испугались. Даже напротив. Дисперсия реакций, — повторил он.

Я понимал, чего он от меня ждет. Все выводы лежали на поверхности. Кто-то произвел в Малой Пеше эксперимент по искусственному отбору, разделив людей по их реакциям на тех, кто годен и кто не годен к чему-то. Совершенно так же, как этот кто-то пятнадцать лет назад производил отбор в подпространственном секторе входа 41/02. И нет вопроса, кто этот кто-то, владеющий неведомой нам технологией. Тот же самый, кому по какой-то причине встала поперек дороги фукализация... Тойво Глумов мог бы и сам все это мне сформулировать, но, с его точки зрения, это было бы нарушением служебной этики и принципа «сяю». Делать такие выводы — прерогатива руководителя и старшего в клане.

Но я не воспользовался своей прерогативой. На это мне тоже уже не доставало сил.

— Дисперсия, — повторил я. — Убедительно.

Кажется, я все-таки сфальшивил, потому что Тойво вдруг поднял свои белые ресницы и глянул на меня в упор.

— У тебя все? — спросил я сейчас же.

— Да, — ответил он. — Все.

— Хорошо. Подождем экспертизы. Что ты намерен сейчас делать? Пойдешь спать?

Он вздохнул. Еще заметно. «Руководство не сочло». Менее сдержанный человек на его месте сказал бы какую-нибудь дерзость. Тойво сказал:

— Не знаю. Наверное, пойду еще поработаю. У меня сегодня счет должен закончиться.

— По китам?

— Да.

— Хорошо, — сказал я. — Как хочешь. А завтра изволь выехать в Харьков.

Тойво приподнял белесые брови, но ничего не сказал.

— Что такое Институт Чудаков, знаешь? — спросил я.

— Да. Кикин мне рассказывал.

Теперь приподнял брови я. Мысленно. Черт бы их всех подрал. Совершенно распустились. Неужели я каждый раз должен предупреждать каждого, чтобы не распускал язык? Не КОМКОН-2, а клубные сиделки...

— И что же тебе рассказывал Кикин? — спросил я.

— Это филмал Института метаспсихических исследований. Изучают предельные и запредельные свойства человеческой психики. Полным-полно странных людей.

— Правильно, — сказал я. — Ты отправишься туда завтра. Слушай задание.

Задание я ему сформулировал так. 25 марта Институт Чудаков в Харькове почтил своим посещением знаменитый Колдун с планеты Саракш. Кто такой Колдун? Это, безусловно, мутант. Более того, он владыка и повелитель всех мутантов в радиоактивных джунглях за Голубой Змеей. Он обладает многими удивительными способностями, в частности, он психократ. Что такое психократ? Психократ — это общее название для существ, способных подчинять себе чужую психику. Кроме того, Колдун — это существо необычайной интеллектуальной мощи, из тех сапиенсов, которым капли воды достаточно, чтобы сделать вывод о существовании океанов. Колдун прибыл на Землю с частным визитом. Почему-то в первую очередь его интересовал именно Институт Чудаков. Может быть, он жаждал найти себе подобных, мы не знаем. Визит его был рассчитан на четыре дня, а уехал он через час. Вернулся к себе на Саракш и там растворился в своих радиоактивных джунглях.

До этого места моя вводная Тойво Глумову содержала правду и одну только правду. Дальше начиналась псевдоквазия.

На протяжении последнего месяца наши Прогрессоры на Саракше по моей просьбе пытаются выйти с Колдуном на связь. У них ничего не получается. То ли Колдуна мы здесь, на Земле, как-то обидели, сами того не ведая. То ли одного часа достало ему, чтобы получить всю

необходимую для него о нас информацию. То ли вообще произошло что-то специфически Колдуново и потому для нас непредставимое. Короче говоря, надлежит отправиться в Институт, поднять там все материалы по обследованию Колдуна (если таковое производилось), переговорить со всеми сотрудниками, кто имел с ним дело, выяснить, не произошло ли с Колдуном в Институте что-либо странное, не запомнились ли какие-нибудь его высказывания о Земле и о нас, людях, не совершил ли он каких-либо поступков, в то время оставшихся без внимания, а ныне представляющихся в новом свете.

— Все понятно? — спросил я.

Он снова быстро взглянул на меня.

— Вы не сказали, по какой теме проходит эта моя командировка.

Нет, это не было аспизшкой интуиции. И вряд ли он поймал меня на псевдоквазии. Просто он искренне не мог понять, как его начальник, располагая такой серьезной информацией относительно проникновения ненавистных Странников, может отвлекаться на что-то постороннее. И я сказал:

— Тема та же. «Визит старой дамы».

(Собственно, так оно и было. В широком смысле слова. В самом широком.)

Некоторое время он молчал, беззвучно постукивая пальцами по поверхности стола. Потом проговорил, как бы извиняясь:

— Я не вижу связи...

— Увидишь, — пообещал я.

Он молчал.

— А если связи нет, то тем лучше, — сказал я. — Это Колдун, понимаешь? Настоящий Колдун, я с ним знаком. Настоящий Колдун из сказок, с говорящей птицей на плече и прочими причиндалами. Да еще Колдун с другой планеты. Он нужен мне позарез!

— Возможный союзник, — сказал Тойво со слабой вопросительной интонацией в голосе.

Ну вот, он сам себе все и объяснил. Теперь будет работать как проклятый. Может быть, даже найдет Колдуна. Что, впрочем, сомнительно.

— Имей в виду, — сказал я. — В Харькове ты будешь выступать как сотрудник Большого КОМКОНа. Это не прикрытие, Большой КОМКОН действительно занимается поисками Колдуна.

— Хорошо, — сказал он.

— Все? Тогда иди. Иди, иди. Привет Асе.

Он ушел, и я, наконец, остался один. На несколько блаженных минут. До следующего видеофонного вызова. И вот в эти-то блаженные минуты я и решил окончательно: надо идти к Атосу. Идти немедленно, потому что, когда он ляжет на операцию, у меня вообще поблизости не останется ни одного человека, к которому я мог бы пойти.

ДОКУМЕНТ 5

КОМКОН-2. Свердловск. Каммереру.
Директор биоцентра ТПО Горбачкой.

В ответ на Ваш запрос от 6 мая сего года.

Вас водят за нос. Такого быть не может. Не обращайтесь.
Г о р б а ч к о й.

(Конец Документа 5)

ДОКУМЕНТ 6

КОМКОН-2. Каммереру.
Флеминг.

Максим!

О происшествии в Малой Пеше мне известно все. Дело, на мой взгляд, невероятное и вызывающее зависть. Твои ребята очень точно поставили вопросы, на которые нам всем следует ответить. Этим и занимаюсь, бросивши все остальные дела. Когда что-нибудь прояснится, обязательно дам знать.

Ф л е м и н г.

НИЖ. ПЕША. 15.30.

PS. А может быть, ты уже выяснил что-нибудь по своим каналам? Если да, то сообщи немедленно. В течение ближайших трех дней я все время в Ниж. Пеше.

PPS. Неужели все-таки Странники? Ах, черт, как это было бы здорово!

(Конец Документа 6)

ДОКУМЕНТ 7

Производственное объединение «Эмбриомеханика»
Директорат.

Земля, Антарктический регион,

Эребус. А 18/03 62.

Индекс О/Т: КЦ 946239.

Связь: СКЦ-76

Бюргермайер Адольф— Анна, генеральный директор.

С-283, от 7 мая 99 года.

КОМКОН-2, «Урал — Север», ЧП.

Связь: СРЗ-23.

Начальнику отдела ЧП М. Каммереру.

Содержание: ответ на Ваш запрос от 6 мая 99 года.

Дорогой Каммерер!

Относительно интересующих Вас свойств современных эмбриофоров имею сообщить следующее.

1. Общая масса выделяющихся биомеханизмов — до 200 кг. Максимальное их число — 8 шт. Максимальный размер единичного экземп-

лара Вы можете определить по программе 102 АСТА (M , P , $P\varnothing$, K), где M — масса исходного материала; P — плотность исходного материала; $P\varnothing$ — плотность окружающей среды; K — число выделяющихся механизмов. Соотношение с высокой точностью выполняется в диапазонах температур от 200 до 400 К и диапазонах давлений от 0 до 200 СЕ.

2. Время развития эмбриофора — величина нехарактерная, она зависит от множества параметров, которые полностью находятся под контролем инициатора. Впрочем, для самых быстродействующих эмбриофоров существует нижний предел времени развития, составляющий ок. 1 мин.

3. Время существования известных ныне биомеханизмов зависит от их индивидуальной массы. Критическая масса биомеханизма составляет $M_0 = 12$ кг. Биомеханизмы, масса M которых не превосходит M_0 , обладают теоретически бесконечным временем жизни. Время же существования биомеханизмов с большей массой уменьшается с ростом избытка массы по экспоненте, так что время существования образцов наиболее массивных (порядка 100 кг) не может превосходить нескольких секунд.

4. Задача создания полностью рассасывающегося эмбриофора стоит уже давно, но, к сожалению, еще очень далека от разрешения. Даже самая совершенная технология бессильна пока создать оболочки, которые бы полностью включались в цикл развития.

5. Микроскопические биомеханизмы обладают, вообще говоря, высокой подвижностью (до 1000 собственных размеров в минуту). Что же касается полевых образцов, то рекордной пока считается модель КС-3 «Попрыгунчик», способная развивать направленные и стимулированные скорости до 5 м/с.

6. Со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что любой из ныне осуществимых биомеханизмов остро и однозначно (отрицательно) реагирует на естественное биополе. Это заложено в генетическую систему любого биомеханизма — и не из этических, как многие полагают, соображений, а потому, что любое естественное биополе с интенсивностью более 0.63 ГД (биополе котенка) создает некомпенсируемые помехи в сигнальной сети биомеханизма.

7. Относительно энергетического баланса. Выделение эмбриофором биомеханизмов с параметрами, описанными в Вашем запросе, несомненно, должно было бы привести к бурному освобождению энергии (взрыву), если бы описанная Вами картина была вообще возможна. Однако картина эта, как следует из всего вышесказанного, представляется на нынешнем уровне научных и технологических возможностей совершенно фантастической.

С уважением,

Генеральный директор Б ю р г е р м а й е р.

(Конец Документа 7)

Дата: 8 мая 99 года.

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: о пребывании Колдуна (Саракш) в Харьковском филиале Института метапсихических исследований (Институт Чудаков).

В соответствии с приказанием вчера утром я прибыл в Харьковский филиал Института Чудаков. Заместитель директора филиала Логовенко назначил мне аудиенцию в 10.00, однако в кабинет к нему меня сразу не пустили, а подвергли сначала обследованию в камере скользящей частоты КСЧ-В, называемой также «Как Словить Чудака». Оказывается, этой процедуре подвергается каждый новый посетитель филиала. Цель процедуры: выявить у взятого наудачу человека «латентные метапсихические способности», иначе говоря, так называемую «скрытую чудаковатость».

В 10.25 я представился заместителю директора по связям с общественными организациями.

(Логовенко Даниил Александрович, доктор психологии, член-корреспондент АМН Европы. Родился 17.09.30 в Борисполе. Образование: Институт психологии, Киев; факультет управления, Киевский университет; специальные курсы высшей и аномальной этологии, Сплит. Основные работы — в области метапсихологии, открыл так называемый «импульс Логовенко», он же «зубец Т ментограммы». Один из основателей Харьковского филиала Института метапсихических исследований.)

Д. Логовенко рассказал мне, что он сам встретил Колдуна утром 25 марта с. г. на космодроме Мирза-Чарле и сопровождал его прямо в здание филиала. При сем присутствовали: заведомо филиала Богдан Гайдай и сопровождающий Колдуна от КОМКОНа-1 известный нам Боря Лаптев.

По прибытии в филиал Колдун уклонился от традиционной предварительной беседы с угощением и выразил желание немедленно начать ознакомление с деятельностью сотрудников и их клиентурой. Тогда Д. Логовенко порекомендовал его, Колдуна, заботам Б. Гайдая и более с ним, Колдуном, ни разу не общался.

Я. Какова, по вашему мнению, была цель Колдуна в Институте?

Логовенко. Сам Колдун ничего мне об этом не сказал. КОМКОН нас информировал, что Колдун якобы выразил желание ознакомиться с нашей работой, и мы с удовольствием эту возможность ему предоставили. Не без корысти, впрочем: мы рассчитывали обследовать его самого.

В поле нашего зрения еще ни разу не попадал психократ подобной силы, да еще инопланетянин-адобавок.

Я. Что показало обследование?

Логовенко. Обследование не состоялось. Колдун прервал свой визит совершенно неожиданно для всех.

Я. Как вы полагаете, почему?

Логовенко. Мы все теряемся в догадках. Лично я склонен полагать вот что. Ему представили Мишеля Десмонда, это полиментал. И Колдун, возможно, уловил в Мишеле нечто такое, что от нас ускользнуло, а его то ли напугало, то ли оскорбило, одним словом, шокировало настолько, что он расхотел с нами общаться. Не забывайте, он психократ, он интеллектual, но по происхождению своему, по воспитанию, по мировоззрению, если угодно, типичный дикарь.

Я. Не совсем понимаю. Что такое полиментал?

Логовенко. Полиментализм — это очень редкое метаспсихическое явление: сосуществование в одном человеческом организме двух и более независимых сознаний. Не путайте с шизофренией, это не патология. Вот, например, наш Мишель Десмонд. Это абсолютно здоровый, очень приятный молодой человек, не обнаруживающий никаких отклонений от нормы. Но вот десяток лет назад совершенно случайно было обнаружено, что у него двойная ментограмма. Одна — обычная, человеческая, однозначно связанная с прошлой и настоящей жизнью Мишеля. И другая, обнаруживаемая при определенной, строго заданной глубине ментоскопирования. Это ментограмма существа, не имеющего ничего общего с Мишелем, обитающего в мире, который так и не удалось идентифицировать. По-видимому, это мир необычайно больших давлений, высоких температур... Впрочем, это несущественно. Важно то, что Мишель понятия не имеет ни об этом мире, ни об этом соседствующем сознании, а то существо понятия не имеет ни о Мишеле, ни о нашем мире. Вот я и думаю, нам удалось обнаружить у Мишеля одно соседствующее сознание, а может быть, в нем сосуществуют и другие, оказавшиеся за пределами наших средств обнаружения, и они-то Колдуна и шокировали.

Я. Вас второй мир этого Десмонда не шокирует?

Логовенко. Понимаю вас. Нет. Решительно нет. Но должен вам сказать, что тот ментоскопист, который впервые заглянул в этот мир и разглядел его, испытал сильнейшее потрясение. Главным образом, конечно, потому, что решил, будто Мишель — замаскированный агент каких-нибудь Странников, Прогрессор из чужого мира.

Я. Как установили, что это не так?

Логовенко. На этот счет можно быть спокойным. Между поведением Мишеля и функционированием второго сознания нет никакой корреляции. Соседствующие сознания полиментала никак не взаимодействуют. Они в принципе не могут взаимодействовать, потому что функцио-

нируют в разных пространствах. Вот грубая аналогия. Представьте себе театр теней. Тени, проецируемые на экран, не могут взаимодействовать. Конечно, остаются разнообразные фантастические соображения, но именно и только фантастические.

На этом моя беседа с Д. Логовенко закончилась, и меня познакомили с Б. А. Гайдаем.

(Гайдай Богдан Архипович, магистр психологии. Родился 10.06.55 в Середине-Буде. Образование: Институт психологии, Киев; специальные курсы высшей и аномальной этологии, Сплит. Основные работы — в области метапсихологии. С 89 года — сотрудник отдела психопрогностики, с 93 — заведующий лабораторией приборного обеспечения, с 94 — заведующий отделом интрапсихической техники.)

Отрывок из беседы:

Я. Как, по-вашему, что более всего интересовало Колдуна в Институте?

Гайдай. Вы знаете, у меня такое впечатление, что этот Колдун был просто неверно информирован. Это и не удивительно, даже здесь, на Земле, многие неправильно представляют себе нашу работу, а уж что говорить о Прогрессорах, с которыми Колдун имел дело у себя на Саракше? Меня, помнится, сразу удивило, почему это Колдун, инопланетянин, на всей Земле пожелал увидеть только наш Институт... Мне кажется, дело вот в чем. У себя на Саракше он, так сказать, король мутантов, и в связи с этим у него наверняка масса проблем: они вырождаются, болеют, их надо лечить, как-то поддерживать их. А наши «чужаки» — это ведь тоже своего рода мутанты, вот он и вообразил, будто сможет почерпнуть в Институте полезную информацию, решил, наверное, что у нас здесь что-то вроде клиники.

Я. И поняв свою ошибку, повернулся и ушел?

Гайдай. Вот именно. Немножко слишком резко повернулся, пожалуй, и немножко слишком поспешно ушел, но в конце концов, возможно, у них там такие манеры.

Я. О чем он с вами говорил?

Гайдай. Ни о чем он со мной не говорил. Я вообще только один раз услышал его голос. Я спросил его, что он хотел бы у нас осмотреть, и он ответил: «Все, что покажете». Голос у него, надо сказать, довольно противный, как у сварливой ведьмы.

Я. Кстати, на каком языке вы с ним говорили?

Гайдай. Представьте себе, на украинском!

По свидетельству Гайдая, Колдун встретился в Институте всего с тремя клиентами. Мне пока удалось поговорить с двумя из них.

Равич Марина Сергеевна, 27 лет, по образованию ветеринарный врач, ныне — консультант Ленинградского завода эмбриосистем, Лозаннской мастерской по реализации П-абстракций, Белградского института ламинарной позитроники и главного архитектора Якутского

региона. Скрамная, очень застенчивая и грустная женщина. Обладает уникальной и пока еще необъясненной способностью (этой способности еще даже не успели дать научное название). Если перед нею ставят четко сформулированную и понятную ей проблему, она принимается решать ее с азартом и с удовольствием, но в результате, совершенно помимо своей воли, получает решение иной проблемы, ничего общего с поставленной не имеющей, выходящей, как правило, за пределы ее профессиональных интересов. Поставленная проблема действует на ее сознание как катализатор для разрешения какой-либо иной проблемы, с которой она когда-то либо бегло ознакомилась по публикации в научно-популярном журнале, либо случайно услышав разговор специалистов. Определить заранее, какую именно проблему она решит, видимо, невозможно в принципе. Здесь действует нечто вроде классического принципа неопределенности.

Колдун появился у нее в кабинете в тот момент, когда она работала. Она смутно помнит уродливую большеголовую фигуру, затянутую в зеленое, и больше никаких впечатлений от Колдуна у нее не сохранилось. Нет, он ничего не говорил. Какие-то обычные благоглупости о ее «даре» произносил Богдан, и больше она не помнит никаких голосов. По словам Гайдая, Колдун пробыл у нее всего две минуты, она заинтересовала его, видимо, не более, чем он ее.

Мишель Десмонд, 41 год, по образованию инженер-гранулист, профессиональный спортсмен, чемпион Европы 88 года по тоннельному хоккею. Веселый мужчина, очень довольный собой и Вселенной. К своему полиментализму относится с юмором и вполне безразлично. Он как раз собирался на стадион, когда к нему привели Колдуна. Колдун, по его словам, имел болезненный вид и все время молчал, шутки до него не доходили, похоже, он плохо понимал, где находится и о чем с ним говорят. Было, правда, мгновение — его Мишель запомнит на всю жизнь — Колдун вдруг поднял огромные свои, бледные веки и заглянул Мишелю прямо в душу, а может быть, и глубже, в самые недра того мира, где обитает тварь, с которой Мишель вынужден делить общий объем ментального пространства. Момент был неприятный, но и замечательный. Вскоре после этого Колдун удалился, так и не раскрыв рта. И не попрощавшись.

Сусуму Хирота, он же Сэриган, что означает «Видящий на тысячу миль», 83 года, историк религий, профессор кафедры истории религий Бангкокского университета. Поговорить с ним не удалось. В Институт он вернется только завтра или послезавтра. По мнению Гайдая, Колдуну этот ясновидец крайне не понравился. Во всяком случае, достоверно, что исход Колдуна исполнился именно во время их встречи.

По словам всех свидетелей, исход этот выглядел так. Только что стоял Колдун посередине ментаскопического кабинета, слушая, как Гайдай читает ему лекцию о необычайных способностях Сэригана, а

Сэнриган время от времени перебивает лектора очередным разоблачением его, лектора, личных обстоятельств, и вдруг, не говоря ни слова, не предупредив действий своих ни жестом, ни взглядом, этот зеленый гномик резко повернулся, зацепив локтем Борю Лаптева, и быстрым шагом, не задерживаясь нигде ни на секунду, устремился по коридорам к выходу из филиала. Все.

В филиале Колдуна видели еще несколько человек: научные сотрудники, лаборанты, кое-кто из административного персонала. Никто из них не знал, кого они видят. И только двое, новички в Институте, обратили на Колдуна специальное внимание, пораженные его внешностью. Ничего существенного я от них не узнал.

Далее, я встретился с Борисом Лаптевым. Наиболее важная часть нашего разговора:

Я. Ты единственный человек, который был с Колдуном все время от Саракша до Саракша. Тебе не бросились в глаза какие-нибудь странности?

Борис. Ну и вопрос! Это, знаешь, как у верблюда спросили: «Почему у тебя шея кривая?» Так он ответил: «А что у меня прямое?»

Я. И все-таки? Попробуй вспомнить его поведение за все это время. Ведь что-то же должно было случиться, раз он так взбрыкнул!

Борис. Слушай, я с Колдуном знаком два наших года. Это неисчерпаемое существо. Я давным-давно махнул рукой и даже не пытаюсь больше в нем разобраться. Ну что я тебе скажу? Был у него в тот день приступ депрессии, как я это называю. Время от времени находит на него без всяких видимых причин. Он становится молчалив, а если и открывает рот, так только чтобы сказать какую-нибудь пакость, ядовитое что-нибудь. Вот и в тот день. Пока мы с ним летели с Саракша, все было прекрасно, он изрекал афоризмы, шутил надо мною, даже напевал... Но уже в Мирза-Чарле вдруг помрачнел, с Логовенкой почти совсем не разговаривал, а когда мы вместе с Гайдаем двинулись по Институту, он и вовсе стал чернее тучи. Я даже стал бояться, что он вот-вот кого-нибудь обидит, но тут он, видно, и сам почувствовал, что дальше так нельзя, и унес свои когти от греха подальше. А потом до самого Саракша молчал... только вот в Мирза-Чарле огляделся, словно на прощание, и противным таким, тоненьким голоском пропищал: «Видит горы и леса, облака и небеса, а не видит ничего, что под носом у него».

Я. Что это значит?

Борис. Какие-то детские стишки. Старинные.

Я. А как ты его понял?

Борис. Да никак я его не понял. Понял, что он зол на весь мир, того и гляди кусаться начнет. Понял, что надо помалкивать. Так мы с ним оба и промолчали до самого Саракша.

Я. И все?

Борис. И все. Перед самой посадкой он еще буркнул — тоже ни к селу, ни к городу: «Подождем-де, пока слепые не увидят зрячего». А как вышли за Голубую Змею, сделал мне ручкой и, как говорится, растворился в джунглях. Не поблагодарил, заметь, и к себе не пригласил.

Я. Больше ты ничего не можешь сказать?

Борис. Что ты от меня хочешь? Да, ему на Земле что-то здорово не понравилось. Что именно — поделиться он не соизволил. Я же тебе говорю: он существо необъяснимое и непредсказуемое. Может быть, и Земля тут ни при чем. Может быть, у него просто живот вдруг заболел — в широком смысле слова, конечно, в очень широком, космическом...

Я. Ты считаешь, это случайность — в детском стишке кто-то там не видит ничего, а потом про слепых и зрячего?..

Борис. Понимаешь, про слепых и зрячих — это у них там на Саракше в Пандее есть такая поговорка: «Когда слепой зрячего увидит». В смысле «после дождичка в четверг» или «когда рак свистнет». Видимо, он хотел про что-то сказать, что оно никогда не произойдет. А стишок — это просто так, от общей ядовитости. Он его с явной издевкой прочитал, непонятно только, над кем издевался. Очень может быть, что над этим утомительно хвастливым японцем.

Предварительные выводы

1. Никаких данных, которые могли бы помочь в поисках Колдуна на Саракше, получить не удалось.

2. Никаких рекомендаций по дальнейшему продолжению поиска дать не могу.

Т. Г л у м о в

(Конец Документа 8)

6 мая вечером меня принял наш Президент, Атос-Сидоров. Я захватил с собой наиболее интересные материалы, а суть дела, равно как и предложения свои, изложил ему устно. Он уже был страшно болен, лицо у него было землистое, его мучила одышка. Я слишком долго тянул с этим визитом: у него не достало сил даже удивиться по-настоящему. Он сказал, что ознакомится с материалами, подумает и свяжется со мной завтра.

7 мая я весь день просидел у себя в кабинете, ожидая его вызова. Он меня не вызвал. Вечером мне сообщили, что у него случился сильнейший приступ, его едва откачали, сейчас он в больнице. И снова все свалилось на меня одного, да так, что затрещали бедные косточки моей души.

8 мая я получил, помимо всего прочего, отчет Тойво о его посещении Института Чудаков. Я поставил в моем списке птичку против его фамилии, ввел его рапорт-доклад в регистратор и стал выдумывать за-

дание для Петеньки Силецкого. К этому дню в Институте не побывали у меня только он и Зоя Морозова.

Примерно в это время у себя в рабочей комнате Тойво Глумов разговаривал с Гришей Серосовиным. Я привожу ниже реконструкцию их беседы для того, главным образом, чтобы продемонстрировать умонастроения, владевшие в ту пору моими сотрудниками. Только качественно. Количественно соотношение было прежним: на одной стороне — один только Тойво Глумов, на другой — все остальные.

* * *

ОТДЕЛ ЧП, РАБОЧАЯ КОМНАТА «Д». 8 МАЯ 99 ГОДА. ВЕЧЕР.

Гриша Серосовин вошел по обыкновению без стука, остановился на пороге и спросил:

— Можно к тебе?

Тойво отложил в сторону «Вертикальный прогресс» (сочинение анонимного К. Оксовью) и, склонив голову, оглядел Гришу.

— Можно. Только скоро я ухожу домой.

— Сандро опять нет?

Тойво поглядел на стол Сандро. Стол был пуст и безукоризненно чист

— Да. Третий день.

Гриша сел за стол Сандро и задрал ногу на ногу.

— А ты где вчера пропадал? — спросил он.

— В Харькове.

— А, и ты побывал в Харькове?

— Кто еще?

— Да почти все. За последний месяц почти весь отдел побывал в Харькове. Слушай, Тойво, я вот к тебе за чем. Ты ведь занимался «внезапными гениями»?

— Да. Только давно. В позапрошлом году.

— Помнишь Содди?

— Помню. Барталомью Содди. Математик, ставший исповедником.

— Вот-вот, он самый, — сказал Гриша. — В сводке есть одна фраза. Цитирую: «По имеющимся данным, Б. Содди незадолго до метаморфоза пережил личную трагедию». Если сводку составлял ты, то задам два вопроса: что это была за трагедия и откуда ты добыл эти данные?

Тойво протянул руку и вызвал свою программу на терминал. Отбор информации закончился, программа уже считала. Неторопливыми движениями Тойво принялся прибирать стол. Гриша терпеливо ждал. Он привык.

— Раз там написано «по имеющимся данным», — сказал Тойво, — значит, эти данные я получил от Биг-Бага.

Он замолчал. Гриша подождал еще немного, поменял местами скрещенные ноги и произнес:

— Неохота мне с этой мелочью идти к Биг-Багу. Ладно, попробую обойтись... Слушай, Тойво, тебе не кажется, что наш Биг-Баг в последнее время какой-то нервный?

Тойво пожал плечами.

— Может быть, — сказал он. — Президент совсем плох. Горбовский, говорят, при смерти. А ведь он их всех знает. И очень хорошо знает.

Гриша произнес задумчиво:

— Между прочим, я с Горбовским тоже знаком, представь себе. Ты помнишь... хотя тогда тебя у нас еще не было... Покончил с собой Камилл. Последний из Чертовой Дюжины. Впрочем, казус Чертовой Дюжины для тебя тоже, конечно, так... сотрясение воздуха. Я, например, ничего о нем и не слыхивал... Ну, сам факт самоубийства, а точнее будет сказать, саморазрушения этого несчастного Камилла никаких сомнений не вызывал. Но непонятно было: почему? То есть понятно было, что жилось ему не сладко, последние сто лет своей жизни он был совершенно один... Мы с тобой такого одиночества и представить себе не способны... Но я не об этом. Биг-Баг направил меня тогда к Горбовскому, потому что, оказывается, Горбовский в свое время был с этим Камиллом близок и даже как-то пытался его приветить... Ты меня слушаешь?

Тойво несколько раз кивнул.

— Да, — сказал он.

— Знаешь, какой у тебя вид?

— Знаю, — сказал Тойво. — У меня вид человека, который напряженно думает о чем-то своем. Ты мне это уже говорил. Несколько раз. Штамп. Согласен?

Вместо ответа Гриша вдруг выхватил из нагрудного кармана стилу и метнул его прямо в голову Тойво — как дротик, через всю комнату Тойво двумя пальцами взял стилу из воздуха в нескольких сантиметрах от своего лица и сказал:

— Вяло.

«Вяло», — написал он стилем на листке перед собой.

— Вы меня щадите, сударь, — произнес он. — А щадить меня не надо. Это мне вредно.

— Ты понимаешь, Тойво, — проникновенно сказал Гриша, — я знаю, что у тебя хорошая реакция. Не блестящая, нет, но хорошая, добротная реакция профессионала. Однако вид твой... Пойми, как твой тренер по субаксу я просто считаю себя обязанным время от времени проверять, способен ли ты реагировать на окружающее или на самом деле пребываешь в каталепсии...

— Все-таки я сегодня устал, — сказал Тойво. — Сейчас досчитает программа, и пойду я домой.

— А что у тебя там? — спросил Гриша.

«У меня там», — написал Тойво на листке бумаги и сказал:

— У меня там киты. У меня там птицы. У меня там лемминги, крысы, полевки. У меня там много малых сих.

— И что они у тебя делают?

— Они у меня гибнут. Или бегут. Они умирают, выбрасываясь на берег, топятся, улетают с мест, где жили веками.

— Почему?

— Этого никто не знает. Два-три века назад это было обычным явлением, хотя и тогда не понимали, почему это происходит. Потом долгое время этого не было. Совсем. А сейчас началось опять.

— Позволь, — сказал Гриша. — Все это, конечно, страшно интересно, однако при чем здесь мы?

Тойво молчал, и, не дождавшись ответа, Гриша спросил:

— Ты считаешь, что это может иметь отношение к Странникам?

Тойво старательно, со всех сторон оглядел стило, вертя его в пальцах, взял за кончик и почему-то поглядел на свет.

— Все, что мы не умеем объяснить, может иметь отношение к Странникам.

— Чеканная формулировка, — восхищенно сказал Гриша.

— А может и не иметь, — добавил Тойво. — Где ты достанешь такие красивые вещицы? Казалось бы, стило. Что может быть банальней? А на твоё стило приятно смотреть... Знаешь, — сказал он, — подари ты его мне. А я подарю его Асе. Я хочу ее порадовать. Хотя чем-то.

— А я хоть чем-то порадую тебя, — сказал Гриша.

— А ты хоть чем-то порадуешь меня.

— Бери, — сказал Гриша. — Владей. Дари, преподноси, соври что-нибудь. Дескать, сам спроектировал для любимой, ночами мастерил.

— Спасибо, — произнес Тойво, засовывая стило в карман.

— Но имей в виду! — Гриша поднял палец. — Здесь за углом, на улице Красных Кленов, стоит автомат и печет такие вот стили.

Тойво снова вынул стило и принялся его рассматривать.

— Все равно, — грустно сказал он. — Вот ты этот автомат на улице Красных Кленов заметил, а мне бы в голову не пришло его замечать...

— Зато ты заметил непорядок в мире китов! — сказал Гриша.

«Китов», — написал Тойво на листке бумаги.

— А вот, кстати, — проговорил он. — Вот ты — человек свежий, непредубежденный, — как ты думаешь? Что должно такое произойти, чтобы стадо китов, прирученных, ухоженных, облаканных, вдруг, как века назад, в древние злые времена, выбросилось на отмель умирать? Молча, даже на помощь не позвав, вместе с детенышами... Можешь ты себе представить хоть какую-нибудь причину для этого самоубийства?

— А раньше почему они выбрасывались?

— Почему они выбрасывались раньше — тоже неизвестно. Но тогда можно было хоть что-то предположить. Китов мучили паразиты, на китов нападали косатки и кальмары, на китов нападали люди... Было предположение даже, будто они кончали с собой в знак протеста... Но сегодня!

— А что говорят специалисты?

— Специалисты прислали запрос в КОМКОН-2: установите причину возобновившихся случаев самоубийств китообразных.

— Гм... понятно. А пастухи что говорят?

— С пастухов все и началось. Пастухи утверждают, что китов гонит на гибель слепой ужас. И пастухи не понимают, представить себе не могут, чего именно могут бояться нынешние киты.

— Н-да,— сказал Гриша.— Похоже, здесь и в самом деле без Странников не обходится.

«Не обходится»,— написал Тойво, обвел слова рамочкой, потом еще одной рамочкой и принялся закрашивать промежуток между линиями.

— Хотя, с другой стороны,— продолжал Гриша,— все это уже бывало, бывало и бывало. Теряемся в догадках, грешим на Странников, мозги себе вывихиваем, а потом глянем — ба! — а кто это там такой знакомый маячит на горизонте событий? Кто это там такой изящный, с горделивой улыбкой господина бога вечером шестого дня творения? Чья это там такая знакомая белоснежная эспаньолка? Мистер Флеминг, сэр! Откуда вы здесь взялись, сэр? А не соизволите ли проследовать на ковер, сэр? Во Всемирный Совет, в Чрезвычайный Трибунал!

— Согласись, это был бы не самый скверный вариант,— заметил Тойво.

— Еще бы! Хотя иногда мне кажется, что я предпочел бы иметь дело с десятком Странников, нежели с одним Флемингом. Впрочем, это, наверное, потому, что Странники — существа почти гипотетические, а Флеминг со своей эспаньолкой — бестия вполне реальная. Удручающе реальная со своей белоснежной эспаньолкой, со своей Нижней Пешей, со своими научными бандитами, со своей распроклятой мировой славой!..

— Я вижу, тебе его эспаньолка в особенности жить мешает...

— Эспаньолка его мне как раз не мешает,— возразил Гриша с ядом.— За эспаньолку мы его как раз можем взять. А вот за что мы возьмем Странников, если окажется, что это все-таки они?

Тойво аккуратно засунул стил в карман, поднялся и встал у окна. Краем глаза он видел, что Гриша внимательно на него смотрит, расплетая ноги и даже подавшись вперед. Было тихо, только слабо попискивало в терминале в такт сменам промежуточных таблиц на экране дисплея.

— Или ты надеешься, что все-таки не они? — спросил Гриша.

Некоторое время Тойво не отвечал, а потом вдруг проговорил, не оборачиваясь:

— Теперь уже не надеюсь.

— То есть?

— Это они.

Гриша прищурился.

— То есть?

Тойво повернулся к нему

— Я уверен, что Странники на Земле и действуют.

(Гриша потом рассказывал, что в этот момент он испытал очень неприятный шок. У него возникло ощущение ирреальности происходящего. Все дело здесь было в личности Тойво Глумова: эти слова Тойво Глумова было очень трудно состыковать с личностью Тойво Глумова. Слова эти не могли быть шуткой, потому что Тойво никогда не шутил по поводу Странников. Слова Тойво не могли быть суждением скоропалительным, потому что Тойво не высказывал скоропалительных суждений. И правдой эти слова никак быть не могли, потому что они не могли быть правдой. Впрочем, Тойво мог ошибаться...)

Гриша спросил напряженным голосом:

— Биг-Баг в курсе?

— Все факты я ему доложил.

— И что?

— Пока, как видишь, ничего,— сказал Тойво.

Гриша расслабился и снова откинулся на спинку кресла.

— Ты просто ошибся,— сказал он с облегчением.

Тойво молчал.

— Черт бы тебя побрал! — воскликнул вдруг Гриша. — До чего ты меня довел своими мрачными фантазиями! Меня же сейчас как ледяной водой окатило!

Тойво молчал. Он снова отвернулся к окну. Гриша закричал, схватил себя за кончик носа и, весь сморщившись, проделал им несколько круговых движений.

— Нет,— сказал он. — Я не могу, как ты, вот в чем дело. Не могу. Это слишком серьезно. Я от этого весь отталкиваюсь. Это же не личное дело: я-де верю, а вы все — как вам угодно. Если я в это поверил, я обязан бросить все, пожертвовать всем, что у меня есть, от всего прочего отказаться... постриг принять, черт подери! Но жизнь-то наша многовариантна! Каково это — вколотить ее целиком во что-нибудь одно... Хотя, конечно, иногда мне становится стыдно и страшно, и тогда я смотрю на тебя с особенным восхищением... А иногда — как сейчас, например,— зло берет на тебя глядеть... на самоистязание твое, на одержимость твою подвижническую... И тогда хочется остричь,

издеваться хочется над тобою, отшучиваться от всего, что перед нами громоздишь ...

— Слушай,— сказал Тойво,— чего ты от меня хочешь?

Гриша замолчал.

— Действительно,— проговорил он.— Чего это я от тебя хочу? Не знаю.

— А я знаю. Ты хочешь, чтобы все было хорошо и с каждым днем все лучше.

— О! — Гриша поднял палец.

Он хотел сказать еще что-то, что-то легкое, что смазало бы ощущение неловкой интимности, возникшей между ними за последние минуты, но тут пропел сигнал окончания программы, и на стол короткими толчками поползла лента с результатами.

Тойво просмотрел ее всю, строчку за строчкой, аккуратно сложил по сгибам и сунул в щель накопителя.

— Ничего интересного? — осведомился Гриша с некоторым сочувствием.

— Как тебе сказать... — промямлил Тойво. Теперь он действительно напряженно думал о другом. — Снова весна 81-го.

— Что именно — снова?

Тойво прошелся кончиками пальцев по сенсорам терминала, запуская очередной цикл программы.

— В марте 81 года,— сказал он,— впервые после двухвекового перерыва зафиксирован случай массового самоубийства серых китов.

— Так,— нетерпеливо сказал Гриша.— А в каком смысле — снова? Тойво поднялся.

— Долго рассказывать,— проговорил он.— Потом сводку прочитаешь. Пошли по домам.

* * *

ТОЙВО ГЛУМОВ ДОМА. 8 МАЯ 99 ГОДА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Они поужинали в комнате, багровой от заката.

Ася была в расстроенных чувствах. Закваска Пашковского, доставлявшаяся на деликатесный комбинат прямиком с Пандоры (в живых мешках биоконтейнеров, покрытых терракотовой известью, оцетиненных роговыми крючьями испарителей, по шесть килограммов драгоценной закваски в каждом мешке), закваска эта опять взбунтовалась. Вкусовой запах ее самопроизвольно перешел в класс «сигма», а горькость достигла последнего допустимого градуса. Совет экспертов раскололся. Магистр потребовал впредь до выяснения прекратить производство прославленных на всю планету «алалайчиков», а Бруно — дерзкий болтун, мальчишка, нахал — заявил: «С какой это стати? Никогда в жизни он не осмеливался пикнуть против Магистра, а сегодня

вдруг принялся ораторствовать. Рядовые любители-де такого тонкого изменения во вкусе попросту не заметят, а что касается знатоков-де, то он голову дает на отсечение — по крайней мере каждого пятого такая вкусовая вариация приведет-де в восторг... Кому это нужна его отсеченная голова? Но ведь его поддерживали! И теперь непонятно, что будет...

Ася распахнула окно, села на подоконник и стала глядеть вниз, в двухкилометровую сине-зеленую пропасть.

— Боюсь, мне придется лететь на Пандору,— сказала она.

— Надолго? — спросил Тойво.

— Не знаю. Может быть, и надолго.

— А зачем, собственно? — спросил Тойво осторожно.

— Ты понимаешь, в чем дело... Магистр считает, что здесь, на Земле, мы проверили все, что возможно. Значит, не в порядке что-то на плантациях. Может быть, там пошел новый штамм... А может быть, что-то происходит при транспортировке... Мы не знаем.

— Один раз ты у меня уже летала на Пандору,— проговорил Тойво мрачней.— Полетела на недельку и просидела там три месяца.

— Ну а что делать?

Тойво поскреб ногтем щеку, побряхтел.

— Не знаю я, что делать... Я знаю, что три месяца без тебя — это ужасно.

— А два года без меня? Когда ты сидел на этой самой... как ее...

— Ну вспомнила! Когда это было! Я был тогда молодой, я был тогда дурак... Я был тогда Прогрессор! Железный человек — мышцы, маска, челюсть! Слушай, пусть лучше твоя Соня летит. Она молодая, красоточка, замуж там выйдет, а?

— Конечно, Соня тоже полетит. А других идей у тебя нет?

— Есть. Пусть летит Магистр. Он эту кашу заварил, вот пусть теперь и летит.

Ася только посмотрела на него.

— Беру свои слова назад,— быстро сказал Тойво.— Ошибка. Прочет.

— Ему даже Свердловска нельзя покидать! У него же вкусовые пупырышки! Он четверть века своего квартала не покидал!

— Учту,— пошел отчеканивать Тойво.— Навсегда. Больше не повторится. Сморозил. Отмочил. Пусть летит Бруно.

Ася еще несколько секунд жгла его негодующим взглядом, а потом отвернулась и снова стала смотреть в окно.

— Бруно не полетит,— сказала она сердито.— Бруно теперь будет заниматься этим своим новым букетом. Он его хочет зафиксировать и стандартизовать... Но это мы еще посмотрим... — Она искоса глянула на Тойво и засмеялась.— Ага! Поскучнел! «Три месяца... Без тебя...»

Тойво немедленно поднялся, пересек комнату и сел у ног Аси на пол, прислонив голову к ее коленям.

— Тебе же все равно в отпуск надо,— сказала Ася.— Ты бы там поохотился... Это же ведь Пандора! Съездил бы в Дюны... Плантации бы наши посмотрел... Ты ведь даже представить себе не можешь, что это такое — плантации Пашковского!..

Тойво молчал и только все крепче прижимался щекой к ее коленям. Тогда она тоже замолчала, и некоторое время они не разговаривали, а потом Ася спросила:

— У тебя что-то происходит?

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Вижу.

Тойво глубоко вздохнул, поднялся с пола и тоже сел на подоконник

— Правильно видишь,— угрюмо произнес он.— Происходит. У меня.

— Что же?

Тойво, прищурясь, разглядывал черные полосы облаков, перерезающие медно-багровое зарево заката. Сизо-черные нагромождения лесов у горизонта. Тонкие черные вертикали тысячеэтажников, восторщенные гроздьями кварталов. Медно отсвечивающий, исполинский купол Форума слева и неправдоподобно гладкая поверхность круглого Моря справа. И черные попискивающие стрижи, дробинками срывающиеся из висячего сада кварталом выше и исчезающие в листьях висячего сада кварталом ниже.

— Что происходит? — спросила Ася.

— Ты удивительно красивая,— сказал Тойво.— У тебя соболиные брови. Я не знаю точно, что эти слова означают, но это сказано про что-то очень красивое. Про тебя. Ты даже не красивая, ты прекрасная. Миловзора. И заботы твои милые. И твой мир милый. И даже Бруно твой милый, если подумать... И вообще, мир прекрасен, если хочешь знать... «Мир прекрасен, как цветочек. Счастьем обеспечены пять сердец, и девять почек, и четыре печени...» Я не знаю, что это за стихи. Они у меня вдруг всплыли, и я захотел их прочесть... И вот что я тебе скажу, запомни! Очень даже может быть, что вскорости я прилечу к тебе на Пандору. Потому что вот-вот у него лопнет терпение, и он действительно выгонит меня в отпуск. А может быть, и вообще выгонит. Вот что я читаю в его ореховых глазах. Явственно, как на дисплее. А теперь давай-ка чайку.

Ася проникательно посмотрела на него.

— Ничего не выходит? — спросила она.

Тойво уклонился от ее взгляда и неопределенно повел плечом.

— Потому что с самого начала у тебя все было неправильно задумано,— сказала Ася горячо.— Потому что с самого начала задача была поставлена неправильно! Нельзя ставить задачу так, чтобы никакой ре-

зультат тебя не устроил. Твоя гипотеза изначально была порочна — помнишь, что я тебе говорила? Если бы Странники на самом деле обнаружались, разве ты бы обрадовался? А теперь ты начинаешь понимать, что их нет, и опять же тебе плохо — ты ошибся, ты высказал неверную гипотезу, ты как бы в проигрыше, хотя на самом деле ты ничего не проиграл...

— Я с тобой и не спорил никогда, — смиренно сказал Тойво. — Кругом я виноват, такая уж у меня судьба...

— Видишь, теперь и он тоже в этой вашей идее разочаровался... Я, конечно, не верю, что он тебя выгонит, что за чепуху ты порешишь, он же тебя и любит, и ценит, это же все знают... Но ведь в самом деле, нельзя же столько лет гробить — и на что, собственно? Ведь у вас, по сути, ничего нет, кроме голой идеи. Никто не спорит: идея довольно любопытная, способна нервы пощекотать кому угодно, но ведь не более того! По сути своей это просто инверсия давным-давно известной человеческой практики... просто Прогрессорство наизуворот, больше ничего... Раз мы спрямляем чью-то историю, значит, и нашу историю могут попытаться спрямить... Подожди, послушай! Во-первых, вы забываете, что не всякая инверсия имеет выражение в реальности. Грамматика — одно, а реальность — это другое. Поэтому сначала это выглядело у вас интересно, а теперь выглядит просто... ну, неприлично, что... Знаешь, что мне вчера сказал один наш деятель? Он сказал: «Мы, знаете ли, не комконовцы, это комконовцам можно только позавидовать. Когда они сталкиваются с какой-нибудь действительно серьезной загадкой, они быстренько атрибутируют ее как результат деятельности Странников, и все дела!»

— Это кто же, интересно, сказал? — мрачно спросил Тойво.

— Да какая тебе разница? Вот у нас закваска взбунтовалась. Зачем нам искать причины? Все ясно: Странники! Кровавая рука сверхцивилизации! И не злись, пожалуйста. Не злись! Тебе такие шутки не нравятся, но ты же их почти никогда и не слышишь. А я их слышу постоянно. Один только «синдром Сикорски» чего мне стоит... И ведь это уже не шутка. Это уже приговор, милые вы мои! Это диагноз!

Тойво уже справился с собой.

— А что, — сказал он, — насчет закваски — это мысль. Это ведь ЧП! Почему не сообщили? — осведомился он строго. — Порядка не знаете? А вот мы сейчас Магистра — на ковер!

— Шуточки все тебе, — сердито сказала Ася. — Все кругом шутят!

— И прекрасно! — подхватил Тойво. — Радоваться надо! Когда начнутся настоящие дела, станет не до шуток...

Ася с досадой стукнула кулачком по колену.

— Ах ты, господи! Ну что ты передо мной-то притворяешься? Не хочется тебе шутить, не до шуток тебе, и вот это особенно в вас раздражает! Вы построили вокруг себя угрюмый мир, мир угроз, мир

страха и подозрительности... Почему? Откуда? Откуда у вас эта космическая мизантропия?

Тойво промолчал.

— Может быть, потому, что все ваши необъясненные ЧП — это трагедии? Но ведь ЧП — всегда трагедия! Загадочное оно или понятное, ведь на то оно и ЧП! Верно?

— Неверно, — сказал Тойво.

— Что, есть ЧП другие, счастливые?

— Бывают.

— Например? — осведомилась Ася, исполняясь яду.

— Давай лучше чайку попьем, — предложил Тойво.

— Нет уж, ты мне, пожалуйста, приведи пример счастливого, радостного, жизнеутверждающего чрезвычайного происшествия.

— Хорошо, — сказал Тойво. — Но потом мы попьем чайку. Договорились?

— Да ну тебя, — сказала Ася.

Они замолчали. Внизу сквозь густую листву садов, сквозь сизоватые сумерки засветились разноцветные огоньки. И искрами огня обсыпались черные столбы тысячетажников.

— Тебе имя Гужон знакомо? — спросил Тойво.

— Разумеется.

— А Содди?

— Еще бы!

— Чем, по-твоему, замечательны эти люди?

— «По-моему»? Не по-моему, а всем известно, что Гужон — замечательный композитор, а Содди — великий исповедник... А по-твоему?

— А по-моему, замечательны они совсем другим, — сказал Тойво. — Альберг Гужон до пятидесяти лет был неплохим, но не более того, агрофизиком без всяких способностей к музыке. А Барталомью Содди сорок лет занимался теневыми функциями и был сухим, педантичным, нелюдимым человеком. Вот чем эти люди более всего замечательны, по-моему.

— Что ты хочешь этим сказать? Что ты в этом нашел замечательного? Люди скрытого таланта, долго и упорно работали... а потом количество перешло в качество...

— Не было количества, Ася, вот в чем дело. Одно лишь качество переменялось вдруг. Радикально. В одночасье. Как взрыв.

Ася помолчала, шевеля губами, а потом спросила с неуверенным ехидством:

— Так что же это, по-твоему, Странники их вдохновляли, так?

— Я этого не говорил. Ты предложила мне привести примеры счастливых, жизнеутверждающих ЧП. Пожалуйста. Могу назвать еще десяток имен, правда, менее известных.

— Хорошо. А почему, собственно, вы этим занимаетесь? Какое, собственно, вам до этого дело?

— Мы занимаемся любыми чрезвычайными происшествиями.

— Вот я и спрашиваю: что в этих происшествиях чрезвычайного?

— В рамках существующих представлений они необъяснимы.

— Ну мало ли что на свете необъяснимо! — вскричала Ася. — Ридерство тоже необъяснимо, только мы к нему привыкли...

— То, к чему мы привыкли, мы и не считаем чрезвычайным. Мы не занимаемся явлениями, Ася. Мы занимаемся происшествиями, событиями. Чего-то не было, не было тысячу лет, а потом вдруг случилось. Почему случилось? Непонятно. Как объясняется? Специалисты разводят руками. Тогда мы берем это на заметку. Понимаешь, Аська, ты неверно классифицируешь ЧП. Мы их не делим на счастливые и трагические, мы их делим на объясненные и необъясненные.

— Ты что, считаешь, что любое необъясненное ЧП несет в себе угрозу?

— Да, в том числе и счастливое.

— Какую же угрозу может нести в себе необъяснимое превращение рядового агрофизика в гениального музыканта?

— Я не совсем точно выразился. Угрозу несет в себе не ЧП. Самые таинственные ЧП, как правило, совершенно безобидны. Иногда даже комичны. Угрозу может нести в себе причина ЧП. Механизм, который породил это ЧП. Ведь можно поставить вопрос так: зачем кому-то понадобилось превращать агрофизика в музыканта?

— А может быть, это просто статистическая флюктуация!

— Может быть. В том-то и дело, что мы этого не знаем... Между прочим, обрати внимание, куда ты приехала. Скажи на милость, чем твоё объяснение лучше нашего? Статистическая флюктуация, по определению непредсказуемая и неуправляемая, или Странники, которые, конечно, тоже не сахар, но которых все-таки хотя бы в принципе можно надеяться поймать за руку. Да, конечно, статистическая флюктуация — это звучит куда как более солидно, научно, беспристрастно, не то что эти пошлые, у всех уже на зубах навязшие, дурно-романтические и банально-легендарные...

— Подожди, не ехидствуй, пожалуйста, — сказала Ася. — Никто ведь твоих Странников не отрицает. Я тебе не об этом совсем толкую... Ты меня совсем сбил... И всегда сбиваешь! И меня, и Максима своего, а потом ходишь, повесивши нос на квинту, изволь тебя утешать... Да, я вот что хотела сказать. Ладно, пусть Странники на самом деле вмешиваются в нашу жизнь. Не об этом спор. Почему это плохо? Вот о чем я тебя спрашиваю! Почему вы из них жулел делаете? Вот чего я понять не могу! И никто этого не понимает... Почему, когда ты спрямлял историю других миров, это было хорошо, а когда некто берется

спрямлять твою историю... Ведь сегодня любой ребенок знает, что сверхразум — это обязательно добро!

— Сверхразум — это сверхдобро,— сказал Тойво.

— Ну? Тем более!

— Нет,— сказал Тойво.— Никаких «тем более». Что такое добро — мы знаем, да и то не очень твердо. А вот что такое сверхдобро...

Ася снова ударила себя кулачками по коленкам.

— Не понимаю! Уму непостижимо! Откуда у вас эта презумпция угрозы? Объясни, втолкуй!

— Вы все совершенно неправильно понимаете нашу установку,— сказал Тойво, уже злясь.— Никто не считает, будто Странники стремятся причинить землянам зло. Это действительно чрезвычайно маловероятно. Другого мы боимся, другого! Мы боимся, что они начнут творить здесь добро, как они его понимают!

— Добро всегда добро! — сказала Ася с напором

— Ты прекрасно знаешь, что это не так. Или, может быть, на самом деле не знаешь? Но ведь я объяснял тебе. Я был Прогрессором всего три года, я нес добро, только добро, ничего, кроме добра, и, господи, как же они ненавидели меня, эти люди! И они были в своем праве. Потому что боги пришли, не спрашивая разрешения. Никто их не звал, а они вперлись и принялись творить добро. То самое добро, которое всегда добро. И делали они это тайно, потому что заведомо знали, что смертные их целей не поймут, а если поймут, то не примут... Вот какая морально-этическая структура этой чертовой ситуации! Азы, которые мы, однако, не умеем применить к себе. Почему? Да потому, что мы не представляем себе, что могут предложить нам Странники. Аналогия не вытанцовывается! Но я знаю две вещи. Они пришли без спроса — это раз. Они пришли тайно — это два. А раз так, то, значит, подразумевается, что они лучше нас знают, что нам надо,— это раз, и они заведомо уверены, что мы либо не поймем, либо не примем их целей,— это два. И я не знаю, как ты, а я не хочу этого. Не хочу! И все! — сказал он решительно.— И хватит. Я усталый, недобрый, озабоченный человек, взваливший на себя груз неопишуемой ответственности. У меня синдром Сикорски, я психопат и всех подозреваю. Я никого не люблю, я урод, я страдалец, я мономан, меня надо беречь, проникнуться ко мне сочувствием... ходить вокруг меня на цыпочках, целовать в плечико, услаждать анекдотами... И чаю. Боже мой, неужели мне так и не дадут сегодня чаю?

Не сказав ни слова, Ася соскочила с подоконника и ушла творить чай. Тойво прилег на диван. Из окна на грани слышимости доносилось зудение какого-то экзотического музыкального инструмента. Огромная бабочка вдруг влетела, сделала круг над столом и уселась на экран визора, распластав мохнатые черные с узором крылья. Тойво не

поднимаясь потянулся было к пульту сервиса, но не дотянулся и уронил руку.

Ася вошла с подносом, разлила чай в стаканы и села рядом.

— Смотри,— шепотом сказал Тойво, указывая ей глазами на бачку.

— Прелесть какая,— отозвалась Ася тоже шепотом.

— Может быть, она захочет с нами тут пожить?

— Нет, не захочет,— сказала Ася.

— Почему? Помнишь, у Казарянов была стрекоза...

— Она у них не жила. Так, погашивала...

— Вот пусть и эта погашивает. Мы будем звать ее Марфой.

. . .

Я не собираюсь, разумеется, утверждать, будто именно такой дословно разговор произошел у них поздним вечером 8 мая. Но что они вообще много говорили на эти темы, спорили, не соглашались друг с другом — это я знаю точно. И что никто из них не смог ничего доказать другому — это я тоже знаю точно.

Ася, разумеется, не способна оказалась передать мужу свой вселенский оптимизм. Оптимизм ее питался от самой атмосферы, ее окружавшей, от людей, с которыми она работала, от самой сути ее работы, вкусной и доброй. Тойво же пребывал за пределами этого оптимистического мира, в мире постоянной тревоги и настороженности, где оптимизм передается от человека к человеку лишь с трудом, при благоприятном стечении обстоятельств и ненадолго.

Но и Тойво не сумел обратить жену в своего единомышленника, заразить ее своим ощущением надвигающейся угрозы. Его рассуждениям не хватало конкретности. Они были слишком умозрительны. Они были мировоззрением, ничем для Аси не подтверждаемым, своего рода профессиональным заболеванием. Он так и не сумел «ужаснуть» Асю, заразить ее своим отвращением, негодованием, неприязнью ...

Поэтому они оказались в буре такими разобщенными и неготовыми, словно никогда и не было у них ни этих споров, ни ссор, ни яростных попыток убедить друг друга.

Утром 9 мая Тойво вторично отправился в Харьков, чтобы встретиться все-таки с ясновидящим Хиротой и закрыть дело о визите Колдуна окончательно.

ДОКУМЕНТ 9

РАПОРТ-ДОКЛАД
№ 017/99
КОМКОН-2
«Урал — Север»

Дата: 9 мая 99 года.

Автор: Т. Глузов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: дополнение к р/д № 016/99.

Сусуму Хирота, он же «Сзириган», принял меня в своем рабочем кабинете в 10.45. Это небольшого роста ладный старик (он выглядит заметно старше своего возраста). Весьма увлечен своим «даром», пользуется любым удобным моментом, чтобы этот «дар» продемонстрировать: у вашей жены неприятности на работе... на Пандору она полетит обязательно, не надейтесь, что все обойдется... вот это стило вам подарил приятель, а вы забыли передать его своей жене... И так далее, в том же духе. Довольно неприятно, надо сказать. «Исход Колдуна», по его словам, выглядел так: «Ему, видимо, стало страшно, что я сейчас узнаю о нем нечто сокровенное, и тогда он обратился в бегство. Ему неизвестно было, что он виделся мне как пустой белесый экран без единой контрастной детали, ведь он — существо из иного мира...»

Т. Глузов

(Конец Документа 9)

ДОКУМЕНТ 10

Важно!

РАПОРТ-ДОКЛАД

№ 018/99

КОМКОН-2

«Урал — Север»

Дата: 9 мая 99 года.

Автор: Т. Глузов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: Институт Чудаков интересуется свидетелями событий в Малой Пеше.

Во время моей беседы с дежурным диспетчером Института Чудаков 9 мая в 11.50 имело место следующее происшествие.

Беседуя со мной, дежурный диспетчер Темирканов одновременно очень быстро и профессионально снимал данные с регистратора и заносил их в терминал машины. Данные эти по мере поступления появлялись на контрольном дисплее и имели формат: фамилия, имя, отчество; (по-видимому) возраст; название населенного пункта (место рождения? место жительства? место постоянной работы?); профессия; некий шестизначный индекс. Я не обращал внимания на дисплей, пока на нем вдруг не появилось:

КУБОТИЕВА АЛЬБИНА МИЛАНОВНА 96 БАЛЕРИНА АРХАНГЕЛЬСК
001507

Затем появились две фамилии, которые мне ничего не говорили, после чего:

КОСТЕНЕЦКИЙ КИР 12 ШКОЛЬНИК ПЕТРОЗАВОДСК 001507

Напоминаю: эти двое проходят как свидетели событий в Малой Пеше, см. мой р/д № 015/99 от 7.05 с.г.

По-видимому, на несколько секунд я потерял контроль над собой, потому что Темирканов осведомился, что это меня так удивило. Я нашелся, что меня удивила фамилия Альбины Куботиевой, балерины, о которой мне много рассказывали мои родители, завядлые балетоманы; мне кажется странным видеть здесь ее имя; неужели Альбина Великая обладает еще и метаспсихическими талантами? Темирканов засмеялся и ответил, что это не исключено. По его словам, на регистраторы всех филиалов Института непрерывно поступает информация относительно лиц, которые теоретически могут представлять интерес для метаспсихологов. Подавляющая масса информации идет с терминалов клиник, больниц, здравпунктов и прочих медицинских учреждений, оборудованных стандартными психоанализаторами. Только в Харьковском филиале за сутки набираются сотни фамилий кандидатов, но практически все это пустышки: «чудаки» составляют едва ли не одну сотысячную процента всей массы кандидатов.

В создавшейся ситуации я счел правильным сменить тему беседы.

Т. Глумов.

(Конец Документа 10)

ДОКУМЕНТ 11

Рабочая фонограмма

Дата: 10 мая 99 года.

Собеседники: М. Каммерер, начальник отдела ЧП; Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: Институт Чудаков — возможный объект темы 009.

Каммерер. Любопытно. А ты приметлив, паренек. Глазок-смотрок!

Ну что ж, у тебя, конечно, и версия наготове. Излагай.

Глумов. Окончательный вывод или логику?

Каммерер. Логичку, пожалуйста.

Глумов. Проще всего было бы предположить, что имена Альбины и Кира сообщил в Харьков какой-нибудь энтузиаст метаспсихологии. Если он был свидетелем событий в Малой Пеше, его могла поразить аномальность реакции этих двоих, и он сообщил о своем наблюдении компетентным лицам. Я прикинул: по крайней мере, три человека могли это сделать. Базиль Неверов, аварийщик. Олег Панкратов, лектор, бывший астроархеолог. И его жена, Зося Лядова, художница. Конечно, в точном смысле слова свидетелями они не были, но в данном случае это не имеет значения... Без вашего разрешения разговаривать с ними

я не рискнул, хотя считаю, что это вполне возможно — выяснить прямо у них, давали они информацию в Институт или не давали...

Каммерер. Есть более простой способ...

Глумов. Да, по индексу. Обратиться с запросом в Институт. Но как раз этот способ не годится никуда, и вот почему. Если это доброхот-энтузиаст, тогда все разъяснится и говорить больше будет не о чем. Но я предлагаю рассмотреть другой вариант. А именно: никаких доброхотов-информаторов не было, а был там специальный наблюдатель от Института Чудаков.

Пауза

Глумов. Предположим, что в Малой Пеше находился специальный наблюдатель от Института Чудаков. Это означало бы, что там производился некий психологический эксперимент, имеющий целью отсортировать, скажем, нормальных людей от людей необычных. Например, чтобы в дальнейшем искать у этих необычных так называемую «чужаковатость». В таком случае одно из двух. Либо Институт Чудаков — это обычный исследовательский центр, работают в нем обычные научники и ставят они обычные эксперименты — пусть весьма сомнительные в этическом отношении, но в конечном счете радеющие о пользе науки. Но тогда непонятно, откуда в их распоряжении технология, далеко превосходящая даже перспективные возможности нашей эмбриомеханики и нашего биоинженерирования.

Пауза

Глумов. Либо эксперимент в Малой Пеше организован не людьми, как мы и предположили вначале. Тогда в каком свете предстает Институт Чудаков?

Пауза

Глумов. Тогда Институт этот — никакой на самом деле не институт, «чужаки» тамошние — никакие не «чужаки», а персонал там на самом деле занимается вовсе не метапсихологией.

Каммерер. А чем же? Чем же они там занимаются и кто они такие?

Глумов: То есть вы опять считаете мои рассуждения неубедительными?

Каммерер. Напротив, мой мальчик! Напротив! Они даже слишком убедительны, эти твои рассуждения. Но я хотел бы, чтобы ты сформулировал свою идею прямо, сухо и недвусмысленно. Как в рапорте.

Глумов. Пожалуйста. Так называемый Институт Чудаков является на самом деле орудием Странников для сортировки людей по неизвестному мне пока признаку. Все.

Каммерер. И следовательно, Даня Логовенко, заместитель тамошнего директора, мой давний приятель...

Глумов (прерывает). Нет! Это было бы слишком фантастично. Но, может быть, ваш Даня Логовенко уже давным-давно отсортирован? Давнее его знакомство с вами от этого не гарантирует. Отсортирован и работает на Странников. Как и весь персонал Института, не говоря уже о «чудаках»...

Пауза

Глумов. Они по крайней мере двадцать лет занимаются сортировкой. Когда отсортированных сделалось достаточно, они организовали Институт, поставили там эти свои камеры скользящей частоты и под предлогом поиска «чудаков» прогоняют через них по десять тысяч человек в год... И мы ведь еще не знаем, сколько на планете таких заведений под самыми разными вывесками...

Пауза

Глумов. И Колдун убежал из Института к себе на Саракш вовсе не потому, что его обидели или у него заболел живот. Он почуял здесь Странников! Как наши киты, как лемминги... «Когда слепые увидят зрячего» — это про нас с вами. «Видит горы и леса и не видит ничего» — это тоже про нас с вами, Биг-Баг!

Пауза

Глумов. Короче говоря, мы, кажется, впервые в истории можем поймать Странников за руку.

Каммерер. Да. И все это началось с двух имен, которые ты случайно заметил на дисплее... Кстати, ты уверен, что это была случайность? (Поспешно). Хорошо, хорошо, не будем об этом говорить. Что ты предлагашь?

Глумов. Я?

Каммерер. Да. Ты.

Глумов. Н-ну, если вы хотите знать мое мнение... Первые шаги, по-моему, очевидны. Прежде всего необходимо установить там Странников и уличить отсортированных. Организовать скрытое ментоскопическое наблюдение, а если потребуется — провести там поголовное принудительное, самое глубокое ментоскопирование... Полагаю, они к этому готовы и память свою заблокируют... Это не страшно, это как раз и было бы уликой... Хуже, если они умеют рисовать ложную память...

Каммерер. Ладно. Достаточно. Ты молодец, хвалю, хорошо поработал. А теперь слушай приказ. Подготовка для меня списки следующих лиц. Во-первых, лиц с инверсией «синдрома пингвина» — всех, кто у медиков зарегистрирован на сегодняшний день. Во-вторых, лиц, не прошедших Фукамизацию...

Глумов (прерывает). Это больше миллиона человек!

Каммерер. Нет, я имею в виду лиц, отказавшихся от «прививки

зрелости», это двадцать тысяч человек. Придется поработать, но мы должны быть во всеоружии. Третье: собери все наши данные о пропавших без вести и сведи их в один список.

Глумов. В том числе и тех, кто позже объявился?

Каммерер. В особенности их. Этим занимается Сандро, я его подключу к тебе. Все.

Глумов. Список инверсантов, список отказчиков, список объявившихся. Ясно. И все-таки, Биг-Баг...

Каммерер. Говори.

Глумов. Все-таки разрешите мне побеседовать с Неверовым и этой парой из Малой Пешы.

Каммерер. Для очистки совести?

Глумов. Да. Вдруг это все-таки обыкновенный доброхот-энтузиаст...

Каммерер. Разрешаю. (После маленькой паузы.) Интересно, что ты будешь делать, если окажется, что это обыкновенный доброхот-энтузиаст...

(Конец Документа 11)

Сейчас я еще раз прослушал эту фонограмму. Голос у меня был тогда молодой, важный, уверенный, голос человека, определяющего судьбы, для которого нет тайн ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, человека, знающего, что он делает и что он кругом прав. Сейчас я просто поражаюсь, каким я был тогда великолепным лицедеем и лицемером. На самом-то деле я держался тогда уже на последних нервах. План действий у меня был готов, я ждал и никак не мог дожидаться санкции Президента, набирался и никак не мог набраться духу идти к Комову без этой санкции.

И при всем при том я отчетливо помню, какое огромное удовольствие испытывал я в то утро, слушая Тойво Глумова и наблюдая его. Ведь это был поистине его звездный час. Пять лет он искал их, нелюдей, тайно вторгшихся на его Землю, искал, несмотря на постоянные неудачи, почти в одиночку, никем и ничем не поощряемый, терзаемый снисходительностью любимой жены, искал и все-таки нашел. Оказался прав. Оказался пронцательнее всех, терпеливее всех, серьезнее всех — всех этих остроумцев, легковесных философов, интеллигентных страусов.

Впрочем, это ощущение торжества я ему, конечно, приписываю. Полагаю, в тот момент он не испытывал ничего, кроме болезненного нетерпенья — поскорее взять противника за горло. Ведь неопровержимо доказав, что его противник находится на Земле и действует, он тогда еще понятия не имел, что же он доказал на самом деле.

А я имел. И все-таки, глядя на него в то утро, я восхищался им, я гордился им, я им любовался, он мог бы быть моим сыном, и я бы хотел иметь такого сына.

Я завалил его работой прежде всего потому, что хотел замкнуть его в кабинете, за столом. Ответа из Института все не было, а работу по спискам все равно необходимо было проделать.

ДОКУМЕНТ 12

РАПОРТ-ДОКЛАД
№ 019/99
КОМКОН-2
«Урал — Север»

Дата: 10 мая 99 года.

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: информацию о событиях в Малой Пеше направил в Институт Чудаков О. О. Панкратов.

В соответствии с Вашим распоряжением я провел беседы с Б. Неверовым, с О. Панкратовым и с З. Лядовой на предмет выяснения, не направлял ли кто-нибудь из них в адрес Института Чудаков информацию об аномальном поведении некоторых лиц во время происшествия в Малой Пеше в ночь на 6 мая с. г.

1. Беседа с работником аварийной службы Базилем Неверовым состоялась по видеоканалу вчера около полудня. Оперативного интереса беседа не представила. Б. Неверов, безусловно, услышал об Институте Чудаков от меня впервые.

2. Олега Олеговича Панкратова и жену его Зосю Лядову я встретил в кулуарах региональной конференции астроархеологов-любителей в Сыктывкаре. В ходе непринужденной беседы за чашкой кофе Олег Олегович активно и с удовольствием подхватил начатый мною разговор о чудесах Института Чудаков и по собственной инициативе, без всякого форсирования с моей стороны сообщил следующие факты:

он уже много лет является постоянным активистом Института Чудаков и даже имеет свой собственный индекс в качестве отдельного и постоянного источника информации;

именно благодаря его усилиям в сферу внимания метапсихологов попали такие замечательные феномены, как Рита Глузская («Черный глаз»), Лебей Маланг (психопараморф) и Константин Мовзон («Повелитель Мух 5-й»);

он очень благодарен мне за сведения об удивительной Альбине и потрясающем Кире, которые я ему так любезно и вовремя предоставил в тот день в Малой Пеше, каковые сведения он тогда же и отправил в Институт;

в Институте ему довелось побывать трижды — на ежегодных конференциях активистов, с Даниилом Александровичем Логовенко лично не знаком, но весьма почитает его как выдающегося ученого.

3. В связи с вышензложенным считаю, что мой рапорт-доклад № 018/99 интереса для темы 009 не представляет.

Т. Глумов

(Конец Документа 12)

ДОКУМЕНТ 13

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ЧП М. КАММЕРЕРУ
ИНСПЕКТОРА Т. ГЛУМОВА
РАПОРТ

Прошу предоставить мне отпуск на шесть месяцев в связи с необходимостью сопровождать жену в длительную служебную командировку на Пандору.

10.05.99.

Т. Глумов

РЕЗОЛЮЦИЯ: Не разрешаю. Продолжайте выполнять задание.

10 мая 99 г.

М. Каммерер

(Конец Документа 13)

ОТДЕЛ ЧП, РАБОЧАЯ КОМНАТА «Д». 11 МАЯ 99 ГОДА

Утром 11 мая мрачный Тойво, придя на работу, ознакомился с моей резолюцией. Видимо, за ночь он поуспокоился. Ни протестовать, ни настаивать он не стал, а засел он у себя в комнате «Д» и занялся составлением списка инверсантов, которых у него набралось вскоре семеро, но только двое из них были названы по именам, а остальные числились как «больной З., сервомеханик», «Теодор П., этнолингвист» и тому подобное.

Около полудня в комнате «Д» объявился Сандро Мтбевари, осунувшийся, желтый и встрепанный. Усевшись за свой стол, он без всяких предисловий и своеобразных в таких случаях (после возвращения из длительных походов) шуточек доложил Тойво, что по приказанию Биг-Бага поступает в его распоряжение, но сначала хотел бы закончить отчет по командировке. «За чем же дело стало?» — настороженно спросил Тойво, несколько пораженный его видом. А за тем дело стало, отвечал Сандро с раздражением, что произошла с ним одна история, про которую непонятно, надо ли ее вставлять в отчет, и если надо, то под каким соусом.

И он сейчас же принялся рассказывать, с трудом подбирая слова, путаясь в подробностях и все время как-то судорожно посмеиваясь над собой.

Сегодня утром он вышел из нуль-кабины курортного местечка Розалинда (недалеко от Биаррица), отмахал пяток километров по пустынной каменистой тропе между виноградниками и около 10 часов оказался у цели: под ним была Долина Роз. Тропа вела вниз к усадьбе «Добрый ветер», остроконечная крыша которой торчала из нагромождений пышной зелени. Сандро автоматически отметил время — было без ми-

нуты 10, как он и рассчитывал. Прежде чем начать спуск к усадьбе, он присел на округлый черный валун и принялся вытряхивать камешки из сандалий. Было уже очень жарко, раскаленный валун обжигал сквозь шорты, и ужасно хотелось пить.

Видимо, именно в этот момент ему стало дурно. В ушах зазвенело, и солнечный день как бы померк. Ему показалось, будто он спускается по тропе, шагает, не чуя под собой ног, мимо веселенькой беседки, которую он не заметил сверху, мимо глайдера с откинутым капотом и развороченным (словно из него вынимали целые блоки) двигателем, мимо огромной мохнатой собаки, которая лежала в тени и равнодушно следила за ним, вывалив красный язык. Потом он поднялся по ступенькам на веранду, сплошь заплетенную розами. При этом он отчетливо слышал скрип ступеней, но ног под собой по-прежнему как бы не чувствовал. В глубине веранды стоял стол, заваленный какими-то непонятными предметами, а над столом, упершись в края столешницы широко расставленными руками, нависал тот человек, который был ему нужен.

Человек этот поднял на него маленькие, упрятанные под седыми бровями глазки, и на лице его изобразилась легкая досада. Сандро представился и, почти не слыша собственного голоса, принялся излагать свою легенду, но не успел он произнести и десятка фраз, как человек ужасно сморщился и произнес что-то вроде «Ну надо же, как ты некстати!», после чего Сандро пришел в себя, вынырнув из полного беспмятства, весь облитый потом и с правой сандалией в руке. Он сидел на валуне, горячий гранит жег его сквозь шорты, и время было по-прежнему без минуты 10. Ну, может, быть, секунд пятнадцать прошло, не больше.

Он обулся, вытер потное лицо, и тут, видимо, его опять схватило. Он опять спускался по тропе, не чуя под собой ног, мир смотрелся, словно сквозь нейтральный светофильтр, а в голове вертелась только одна мысль: это надо же, как меня некстати. И снова слева прошла веселенькая беседка (на полу валялась кукла без рук и одной ноги), и глайдер прошел (на борту красовалось изображение бедового чертенка), и второй глайдер оказался там, немного в глубине, и тоже с поднятым капотом, а собака язык убрала и теперь дремала, положив тяжелую голову на лапы. (Странная какая-то собака, да и собака ли?) Скрипучие ступеньки. Прохлада веранды. И снова человек взглянул из-под седых бровей, весь сморщился и проговорил притворно-грозным тоном, как говорят с расшалившимся ребенком: «Я тебе что сказал? Некстати! Брысь отсюда!» И Сандро вновь очнулся, но теперь он уже сидел не на валуне, а рядом, на сухой колючей траве, и его подташнивало.

«Да что это со мной сегодня?» — подумал он со страхом и досадой и попытался взять себя в руки. Мир был по-прежнему приглашен, и в ушах звенело, но в то же время Сандро полностью себя теперь контролировал. Было почти точно 10 часов, очень хотелось пить, но слабости он

больше не ощущал, и надо было доводить до конца то, зачем он сюда прибыл. Он поднялся на ноги и тут увидел, что из нагромождений зелени внизу вышел на тропинку тот самый человек и остановился, глядя в сторону Сандро, и тут же следом вышел из зарослей и встал у ног человека тот самый мохнатый пес и тоже стал смотреть на Сандро, и Сандро мельком отметил про себя, что никакая это не собака, а молодой голован. И Сандро поднял руку, сам не зная зачем — то ли в знак приветствия, то ли чтобы привлечь к себе внимание, но тот человек повернулся к нему спиной, а мир перед глазами Сандро почернел и ушел косо вниз и налево.

Когда он снова пришел в себя, то оказалось, что он сидит на скамейке, вокруг него курортный городок Розалинда, а рядом та самая нуль-кабина, через которую он сюда прибыл. По-прежнему слегка подташнивало и хотелось пить, но мир был ясен и приветлив, и было 10 часов 42 минуты. Беззаботные нарядные люди, проходившие мимо, стали с беспокойством поглядывать на него и замедлять шаги, и вдруг подкатил кибер-официант и поднес ему высокий запотевший бокал с чем-то фирменным...

Дослушав до конца, Тойво некоторое время молчал, а потом произнес, тщательно подбирая слова:

— Это нужно обязательно включить в рапорт.

— Предположим,— сказал Сандро.— Но с каким акцентом?

— Как мне рассказал, так и напиши.

— Я тебе рассказал так, словно мне сделалось дурно от жары, и все я увидел в бреду.

— Значит, ты не уверен, что это был бред?

— Откуда мне знать? Но это же я мог бы рассказать и так, будто я попал под гипноз, как будто это была наведенная галлюцинация...

— Ты думаешь, галлюцинацию навел голован?

— Не знаю. Может быть. Но скорее всего нет. Он был слишком далеко от меня, метров 70, не меньше... Да и молодой он был слишком для таких штучек... И потом: с какой стати?

Они помолчали. Потом Тойво спросил:

— Что сказал Биг-Баг?

— Э, он мне рта не дал раскрыть, даже не взглянул на меня. «Я занят, ступай в распоряжение Глумова».

— Скажи,— проговорил Тойво,— ты уверен, что так ни разу и не спустился к тому дому?

— Ни в чем я не уверен. Я уверен только, что с этими «ванвинклями» очень и очень нечисто. Я занимаюсь ими с начала года, а ясности — никакой. Наоборот, с каждым случаем все темнее... Но, конечно, такого, как сегодня, еще не бывало, это уже экстр...

Тойво произнес сквозь зубы:

— Но ты понимаешь, чем это пахнет, если это случилось с тобой на

самом деле? — Он спохватился: — Постой! А регистратор? Что у тебя на регистраторе?

Сандро ответил с видом полной покорности судьбе:

— На регистраторе у меня ничего. Он оказался не включен.

— Ну, знаешь!!!

— Знаю. Только я твердо помню, что перезарядил его и включил перед выходом.

ДОКУМЕНТ 14

РАПОРТ-ДОКЛАД

№ 047/99

КОМКОН-2

«Урал — Север»

Дата: 4—11 мая 99 года.

Автор: С. Мтбевари, инспектор.

Тема 101: «Рип Ван Винкль».

Содержание: результаты инспекции по «группе 80-х».

Получил Ваше распоряжение об инспектировании 4 мая утром. Приступил немедленно.

4 мая к 22.40.

Астангов Юрий Николаевич. По контрольному адресу отсутствует. Новый адрес в БВИ не оставлен. Опрос родственников, друзей и деловых знакомых результатов не дал. Общий ответ: ничего сказать не можем, в последние годы не контактируем, поскольку после его возвращения в 95-м году он сделался еще более нелюдимым, нежели прежде, до исчезновения. Проверка по космодромной сети, по околоземному нуль-Т, по системам предприятий ПО (повышенной опасности): ничего. Предположение: Ю. Астангов, как и в прошлый раз, «уединился в дебрях бассейна Амазонки для отшлифовки своей новой философской системы». (Интересно было бы поговорить с кем-нибудь, кто знаком с его прежними философскими системами. Врачи отрицают, а по-моему — псих.)

6 мая к 23.30.

Фернан Леер. Был принят им по контрольному адресу в 11.05. Изложил ему свою легенду, после чего мы беседовали до 12.50. Ф. Леер заявил, что чувствует себя превосходно, никаких болезненных симптомов не испытывает, никаких последствий своей амнезии 89—91 годов не ощущает, а потому не видит необходимости подвергаться ментоскопированию. К сказанному в 91 году ничего нового прибавить не может, поскольку по-прежнему ничего не помнит. Трансмантийная инженерия его давно уже не интересует, и на протяжении нескольких последних лет он занимается изобретением и исследованием многомерных игр. Говорил со мной он благожелательно, но рассеянно. Потом вдруг оживился: ему пришлось в голову научить меня игре «снип-снап-снурре». На этом

мы расстались. (Выяснил: Ф. Леер действительно стал крупным специалистом в области многомерных игр, его прозвали «затейником для академиков».)

Тууль Альберт Оскарович. По контрольному адресу отсутствует. Новый адрес в БВИ: Венусбург (Венера). По этому адресу тоже отсутствует. Данные венерианской регистратуры: А. Тууль никогда на Венере не появлялся. В 97 году он сообщил матери, будто намерен поработать у Следопытов в лагере «Хиус» (планета Кала-и-Муг). С тех пор она довольно регулярно получает от него весточки (последняя в марте с. г.). Весточки эти представляют собой пространные письма, в которых подробно и весьма художественно рассказывается о поисках следов цивилизации «оборотней». Данные лагеря «Хиус»: А. Тууль никогда там не был, но довольно регулярно вызывает на нуль-связь грунтокопа группы Е. Капустина, который совершенно уверен в том, что его добрый приятель А. Тууль проживает на Земле по контрольному адресу. Последний раз Капустин говорил с Туулем 1 января с.г. Проверка по космодромной сети: с 96-го (год возвращения) неоднократно ходил в Глубокий Космос, последний раз вернулся с Курорта в октябре 98 года. Проверка по околоземному нуль-Т: с 96-го неоднократно посещал Луну, «Оранжевен», БОП. Проверка по системам предприятий ПО: с декабря 96 по октябрь 97-го работал в абиссальной лаборатории «Тускарора-16» гастрономом. Предположение: А. Тууль — человек крайне легкомысленный, с низким уровнем чувства социальной ответственности, инцидент 89 года ничему его не научил, и он по-прежнему не желает придавать никакого значения такому пустяку, как точный личный адрес.

8 мая к 22.10.

Багратioni Маврикий Амазаспович. По контрольному адресу отсутствует. В БВИ нового адреса нет. Близких родственников, с которыми поддерживал бы регулярные сношения, не имеет по причине почтенного возраста. Деловые связи оборвались четверть века назад. Оба его старых друга, известных нам по следствию о его исчезновении в 81 году, по контрольным адресам отсутствуют, местопребывания выяснить пока не удалось. Проверка по космодромной сети, по околоземному нуль-Т, по системам предприятий ПО: ничего. Данные Геронтологического центра: вот уже много лет его не могут поймать на предмет обследования. Предположение: незарегистрированный несчастный случай. Считал бы правильным отыскать его друзей, чтобы их известить.

Чжан Мартин. По контрольному адресу отсутствует. Новый адрес в БВИ: база «Матрикс» (Вторая, ЕН 7113). Командирован на «Матрикс» в январе 93 года Институтом биоконфигураций (Лондон) в качестве интерпретатора. В настоящее время (с декабря 98-го) пребывает в длительном отпуске, местопребывание неизвестно. Проверка по космо-

дромной сети, по околоземному нуль-Т и по системам предприятий ПО: с декабря 98 года — ничего. Отсюда курьез: С. Ван, сосед М. Джана по контрольному адресу, утверждает, будто видел М. Чжана в марте этого года; М. Чжан на его глазах прибыл в свой сад на глайдере и, не заходя в дом, принялся этот глайдер демонтировать; на приветствие С. Вана ответил небрежно, от разговора уклонился; С. Ван отправился по своим делам, а когда через несколько часов вернулся, ни М. Чжана, ни глайдера уже не было, и больше они не появлялись. История эта представляется интересной, ибо и тайна первого исчезновения М. Чжана связана именно с тем, что регистраторы космодромной сети не отметили ни отбытия, ни прибытия его. Вопрос: не бывают ли организмы, генетический код которых не воспринимается или не отождествляется существующими системами регистрации? Предложение: принимая во внимание, что М. Чжан состоит на учете в Краковском Институте регенерации по поводу регенерации обеих ног, и поскольку за все годы после регенерации он ни разу не являлся в Краков на профилактику, надлежит сообщить руководству базы «Матрикс» уведомление Института о том, что дальнейшее уклонение от профилактики грозит М. Чжану серьезными осложнениями; уведомление у меня на руках, в Институте весьма обеспокоены безответственным поведением М. Чжана.

9 мая к 21.30.

Окигбо Сиприан. Принял меня по контрольному адресу в 10.15. Встретил любезно, приветливо, хотя имел вид человека, занятого посторонними мыслями. Усадил меня в гостиную, сунул в руки стакан кокосового молока, выслушал мою легенду и сказал: «Бог мой, это же не смешно!», после чего удалился куда-то в глубину дома с озабоченным видом. Я прождал его час, затем осмотрел дом. Никого не обнаружил. В кабинете, в обеих спальнях и в мансарде все окна были настежь, но следов под ними не оказалось. В мастерской (?) окна были, напротив, плотно закрыты и зашторены металлическими жалюзи, и было нестерпимо холодно (возможно, ниже минус пяти, вода в аквариуме покрылась корочкой льда). При этом никаких следов рефрижерирующего устройства. Халат, в котором С. Окигбо меня принимал, валялся на полу в кабинете. Я прождал хозяина еще два часа, затем опросил соседей. Ничего существенного: С. Окигбо — человек замкнутый, гостей не принимает, почти все время сидит дома, сад запустил, а впрочем, приветлив; очень любит детишек, особенно младенцев-ползунков, умеет с ними обращаться. Предположение: может быть, мне только показалось, что С. Окигбо меня принимал? (см. мой рапорт — доклад № 048/99).

11 мая к 10.45.

При попытке установить, находится ли по контрольному адресу Фар-Але Эмиль, испытал приступ дурноты с бредовыми видениями.

Будучи не в состоянии определить, касается это только лично меня или представляет также интерес для дела, выделяю отчет о происшедшем в отдельный рапорт-доклад № 048/99.

С андр о М т б е в а р и .

{Конец Документа 14}

Я так никогда и не узнал, какое впечатление произвели на Тойво Глумова результаты инспекции Сандро Мтбевари. Думаю, он был потрясен. И не столько результаты сами по себе потрясли его, сколько мысль о том, что он до такой степени позволял себе недооценивать поистине невероятную мощь противника.

Я не видел Тойво ни 11-го, ни 12-го, ни 13-го. Наверное, это были трудные для него дни, когда он приспосабливался к своей новой роли — роли Алеши Поповича, перед которым вместо объявленного Идолища Поганого возник вдруг сам злобный бог Локи. Но все эти дни я помнил о нем и думал о нем, потому что для меня утро 11 мая началось двумя документами.

ДОКУМЕНТ 15

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ЧП
ПРЕЗИДЕНТ

Дорогой Биг-Баг!

Ничего не поделаешь, меня укладывают на операцию. Однако же нет худа без добра. Мои обязанности присоединяет к своим (кажется, с завтрашнего дня) Г. Комов. Я передал ему все Ваши материалы. Не скрою, он отнесся к ним скептически. Но он знает меня и знает Вас. Теперь он подготовлен, так что у Вас есть шансы убедить его, особенно если Вам удалось добыть новые материалы, которые Вы добыть намеревались. И тогда Вы будете иметь дело не только с Президентом сектора КК-2, но и с влиятельным членом Мирового Совета. Желаю Вам удачи, а Вы пожелайте удачи мне.

11.05.99

А т о с

{Конец Документа 15}

ДОКУМЕНТ 16

Мак!

1. Глумов Тойво Александрович сегодня взят на контроль (зарегистрирован 8.05).

2. Сегодня же взяты на контроль:

Каскази Артек, 18, учащийся, Тегеран. 7.05.

Мауки Чарльз, 63, маритехник, Одесса. 8.25.

11 мая 99 года

Л а б о р а н т

{Конец Документа 16}

Это, наверное, странно, но я почти не помню своих переживаний по поводу поразительного сообщения Лаборанта. Помню лишь ощущение — словно неожиданный и даже подлый охлест по лицу, ни с того ни с сего, ни за что ни про что, из-за угла, когда не ждешь, когда ждешь совсем другого. Детская, до слез, обида, вот все, что я помню, вот что только и осталось от того, наверное, часа, который провел я, отвалив челюсть и невидяще глядя перед собой.

Наверняка мелькали у меня тогда бестолковые мысли об измене, о предательстве. Наверняка испытывал я бешенство, досаду и жестокое разочарование от того, что разработан вот был определенный план действий, в котором для каждого отведено свое место, а теперь в этом плане дыра, и зарастить ее невозможно. И горечь, конечно, была, отчаянная горечь потери, потери друга, единомышленника, сына.

А вернее всего это было временное умопомрачение, хаос не чувств даже, а обломков чувств.

Потом я понемногу пришел в себя и вновь принялся рассуждать — холодно и методично, как мне и надлежало рассуждать в моем положении.

Ветер богов поднимает бурю, но он же раздувает паруса.

Рассуждая холодно и методично, я в это пасмурное утро нашел-таки в своем плане новое место для нового Тойво Глумова. И это новое место показалось мне тогда не менее, а несравненно более важным, чем старое. План мой обрел дальнюю перспективу, теперь предстояло не обороняться, а наступать.

В тот же день я связался с Комовым, и он назначил мне аудиенцию на завтра, на 12 мая.

12 мая рано утром он принял меня в кабинете Президента. Я представил ему все собранные к этому моменту материалы. Беседа продолжалась пять часов. Мой план был утвержден с незначительными поправками. (Не берусь утверждать, что мне удалось тогда полностью развеять скептицизм Комова, но заинтересовать его мне удалось, вне всякого сомнения.)

12 же мая, вернувшись к себе, я по обычаю хонтийских проникателей посидел несколько минут, приставив к вискам кончики указательных пальцев и размышляя о возвышенном, а затем вызвал к себе Гришу Серосовина и дал задание. В 18.05 он сообщил мне, что задание выполнено. Оставалось только ждать.

13 утром Даня Логовенко позвонил.

ДОКУМЕНТ 17

Рабочая фонограмма

Дата: 13 мая 99 года.

Собеседники: М. Каммерер, начальник отдела ЧП; Д. Логовенко, заместитель директора Харьковского филиала ИМИ.

Тема: ***

Содержание: ***

Логовенко. Здравствуй, Максим, это я.

Каммерер. Приветствую тебя. Что скажешь?

Логовенко. Скажу, что это было проделано ловко.

Каммерер. Рад, что тебе понравилось.

Логовенко. Не могу сказать, что это мне так уж понравилось, но не могу не отдать должное старому другу.

Пауза

Логовенко. Я понял все это так, что ты хочешь со мной встретиться и поговорить в открытую.

Каммерер. Да. Но не я. И может быть, не с тобой.

Логовенко. Говорить придется со мной. Но если не ты, то кто?

Каммерер. Комов.

Логовенко. Ого! Значит, ты все-таки решился...

Каммерер. Комов сейчас мое прямое начальство.

Логовенко. Ах, вот как... Хорошо. Где и когда?

Каммерер. Комов хочет, чтобы в разговоре участвовал Горбовский.

Логовенко. Леонид Андреевич? Но он же при смерти...

Каммерер. Вот именно. Пусть он все это услышит. От тебя.

Пауза

Логовенко. Да. Видимо, время поговорить действительно настало.

Каммерер. Завтра в 15.00 у Горбовского. Ты знаешь его дом? Под Краславой, на Даугаве.

Логовенко. Да, я знаю. До завтра. У тебя все?

Каммерер. Все. До завтра.

(Разговор продолжался с 9.02 до 9.04).

(Конец Документа 17)

Замечательно, что группа «Людены» при всей своей напористой скрупулезности никогда не приставала ко мне по поводу Даниила Александровича Логовенко. А ведь мы с Даней знакомы были с незапамятных времен, с благословенных шестидесятых, когда я, молодой тогда и дьявольски энергичный комсомолец, проходил спецкурс психологии при Киевском университете, где Даня, молодой тогда и дьявольски энергичный метапсихолог, вел мои практические занятия, а по вечерам мы оба с поистине дьявольской энергией ухаживали за очаровательными и дьявольски капризными киевляночками. Он явно выделял меня среди прочих курсантов, мы подружились и первые годы встречались, можно сказать, регулярно. Потом занятия наши нас разлучили, мы стали встречаться все реже, а с начала восьмидесятых не встречались совсем (до чаепития у меня накануне событий). Он оказался очень несчастлив в семейной жизни, и теперь понятно, почему. Он вообще оказался несчастлив, чего я никак не могу сказать о себе.

Вообще, всякий, кто серьезно занимается эпохой Большого Откровения, склонен полагать, будто прекрасно знает, кто такой Даниил Логовенко. Какое заблуждение! Что знает о Ньютоне человек, прочитавший даже самое полное собрание его сочинений? Да, Логовенко сыграл чрезвычайно важную роль в Большом Откровении. «Импульс Логовенко», «Т-программа Логовенко», «Декларация Логовенко», «Комитет Логовенко»...

А какова судьба жены Логовенко, вы знаете?

А каким образом попал он на курсы высшей и аномальной этологии в городе Сплите?

А почему в 66 году среди стада курсантов он особо выделил М. Каммерера, энергичного, подающего надежды комкомовца?

А что думал по поводу Большого Откровения Д. Логовенко — не вещал по поводу, не декларировал, не проповедовал, а думал и переживал в глубине своей нечеловеческой души?

Таких вопросов много. На некоторые из них, полагаю, я мог бы ответить точно. По поводу других способен лишь строить предположения. А на остальные ответов нет и не будет никогда.

ДОКУМЕНТ 18

РАПОРТ-ДОКЛАД

№ 020/99

КОМКОН-2

«Урал — Север»

Дата: 13 мая 99 года.

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: «Визит старой дамы».

Содержание: сравнение списков лиц с инверсией «синдрома пингвина» со списком «Тема».

По Вашему распоряжению мною был по всем доступным источникам составлен список случаев инверсии «синдрома пингвина». Всего я обнаружил 12 случаев, идентифицировать удалось 10. Сравнение списка идентифицированных инверсантов со списком «Т» обнаружило пересечение по следующим лицам:

1. Кривоклыков Иван Георгиевич, 65 лет, психиатр, база «Лембой» (ЕН 2105).

2. Паккала Альф-Христиан, 31 год, оператор-строитель, Аляскинская СО, Анкоридж.

3. Йо Ника, 48 лет, пряха-дизайнер, комбинат «Иравади», Пхьяпоун.

4. Тууль Альберт Оскарович, 59 лет, гастроном, местонахождение неизвестно (см. № 047/99 С. Мтбевари).

Процент пересечений списков представляется мне поразительно высоким. Факт, что Тууль А. О. проходит фактически по трем спискам, еще более поразителен.

Считаю необходимым привлечь Ваше внимание к полному списку лиц с инверсией «синдрома пингвина». Список прилагается.

Т. Г л у м о в.

(К-нец Документа 18)

«ДОМ ЛЕОНИДА» (КРАСЛАВА, ЛАТВИЯ). 14 МАЯ 99 ГОДА. 15.00.

Даугава у Краславы была неширокая, быстрая, чистая. Желтела сухим песком полоска пляжа, от которой круто уходил к соснам песчаный склон. На сером в белую шашку овале посадочной площадки, нависшей над водой, каились под солнцем поставленные кое-как разноцветные флаеры. Всего три штуки — старомодные тяжелые аппараты, какими пользуются сейчас разве что старики, родившиеся в прошлом веке.

Тойво потянулся откинуть дверцу глайдера, но я сказал ему:

— Не надо. Подожди.

Я смотрел вверх, туда, где среди сосен кремово просвечивали стены домика, откуда шла зигзагом по обрыву ветхого вида, сработанная под серое от времени дерево лестница. По лестнице медленно спускался кто-то в белом — грузный, почти кубический, видимо, очень старый человек, цепляясь правой рукой за перила, ступенька за ступенькой, каждый раз приставляя ногу, и солнечный блик тряся на его большом гладком черепе. Я узнал его. Это был Август-Иоганн Бадер, Десантник и Следопыт. Руина героической эпохи.

— Подождем, пока он спустится, — сказал я. — Мне не хочется с ним встречаться.

Я отвернулся и стал смотреть в другую сторону, через реку, на тот берег, и Тойво тоже отвернулся из деликатности, и так мы сидели, пока не стал слышен тяжелый скрип ступенек и не донеслось до нас свистящее натужное дыхание и еще какие-то неуместные звуки, похожие на прерывистое всхлипывание, и вот старик прошел мимо глайдера, про шаркал подошвами по пластику, возник в поле моего зрения, и я невольно взглянул в его лицо.

Вблизи лицо это показалось мне совершенно незнакомым. Оно было искажено горем. Мягкие щеки обвисли и тряслись, рот был безвольно распушен, из запухших глаз текли слезы.

Сгорбившись, Бадер приблизился к древнему желто-зеленому флаеру, самому древнему из трех, с какими-то дурацкими шишками на корме, с уродливыми щелями визиров старинного автопилота, с помятыми бортами, с потускневшими никелированными ручками, приблизился, откинул дверцу и, то ли кряхтя, то ли всхлипывая, полез в кабину.

Долгое время ничего не происходило. Флаер стоял с распахнутой дверцей, а старик внутри то ли собирался с духом перед взлетом, то ли плакал там, уронивши лысую голову на облупленный овальный штур-

вал. Потом наконец коричневая рука, вылезшая из белой манжеты, протянулась и захлопнула дверцу. Древняя машина с неожиданной легкостью и совершенно беззвучно снялась с площадки и ушла над рекой между обрывистыми берегами.

— Это Бадер,— сказал я.— Прощался... Пошли.

Мы вылезли из глайдера и начали подниматься по лестнице.

Я сказал, не оборачиваясь к Тойво:

— Не надо эмоций. Ты идешь на доклад. Будет очень важный деловой разговор. Не расслабляйся.

— Деловой разговор — это прекрасно,— отозвался Тойво мне в спину.— Но у меня такое впечатление, что сейчас не время для деловых разговоров.

— Ты ошибаешься. Именно сейчас и время. А что касается Бадера .. Не думай сейчас об этом. Думай о деле.

— Хорошо,— сказал Тойво покорно.

Домик Горбовского, «Дом Леонида», был совершенно стандартным, архитектуры начала века: излюбленное жилье космопроходцев, глубоководников, трансмантийщиков, истосковавшихся по буколке, без мастерской, без скотного двора, без кухни... но зато с энергопристройкой для обслуживания персональной нуль-установки, полагающейся Горбовскому как члену Всемирного Совета. А вокруг были сосны, заросли вереска, пахло нагретой хвоей, и пчелы сонно гудели в неподвижном воздухе.

Мы поднялись на веранду и через распахнутые двери вступили в дом. В гостиной, где окна были плотно зашторены и светил только торшер возле дивана, сидел какой-то человек, задравши ногу на ногу, и рассматривал на свет торшера не то карту, не то ментоскему. Это был Комов.

— Здравствуйте,— сказал я, а Тойво поклонился молча.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказал Комов как бы нетерпеливо.— Проходите, садитесь. Он спит. Заснул. Этот треклятый Бадер его совершенно ухайдокал... Вы — Глумов?

— Да,— сказал Тойво.

Комов пристально, с любопытством глядел на него. Я кашлянул, и Комов тут же спохватился.

— Ваша матушка случайно не Майя Тойвовна Глумова? — спросил он.

— Да,— сказал Тойво.

— Я имел честь работать с нею,— сказал Комов.

— Да? — сказал Тойво.

— Да. Она вам не рассказывала? Операция «Ковчег»...

— Да, я знаю эту историю,— сказал Тойво.

— Чем сейчас Майя Тойвовна занимается?

— Ксенотехнологией.

— Где! У кого?

— В Сорбонне. Кажется, у Салиньи.

Комов покивал. Он все смотрел на Тойво. Глаза у него блестели. Надо понимать, вид взрослого сына Майи Глумовой пробудил в нем некие животрепещущие воспоминания. Я снова кашлянул, и Комов сейчас же повернулся ко мне.

— Нам придется подождать. Мне не хочется его будить. Он улыбается во сне. Видит что-то короее... Черт бы побрал Бадера с его соплями!

— Что говорят врачи? — спросил я.

— Все то же. Нежелание жить. От этого нет лекарств... Вернее, есть, но он не хочет их принимать. Ему стало неинтересно жить, вот в чем дело. Нам этого не понять... Все-таки ему за полтора года... А скажите, пожалуйста, Глумов, чем занимается ваш отец?

— Я его почти не вижу, — сказал Тойво. — Кажется, он гибридизатор сейчас. Кажется, на Яйле.

— А вы сами... — начал было Комов, но замолчал, потому что из глубины дома донесся слабый крипловатый голос:

— Геннадий! Кто там у вас? Пусть заходят...

— Пошли, — сказал Комов, вскакивая.

Окна в спальне были распахнуты настежь. Горбовский лежал на диване, укрытый до подмышек клетчатым пледом, и казался он невообразимо длинным, тощим и до слез жалким. Щеки у него ввалились, знаменитый туфлеобразный нос заостренел, запавшие глаза были печальны и тусклы. Они словно не хотели больше смотреть, но смотреть было надо, вот они и смотрели.

— А-а, Максик... — проговорил Горбовский, увидев меня. — Ты все такой же... красавец... Рад тебя видеть, рад...

Это была неправда. Не был он рад видеть Максика. И ничему он не был рад. Наверное, ему казалось, что он приветливо улыбается, на самом же деле лицо его изображало гримасу тоскливой любезности. Чувствовалось в нем бесконечное и снисходительное терпение. Словно бы думал сейчас Леонид Андреевич: вот и еще кто-то пришел... ну что ж, это не может быть очень надолго... и они уйдут, как уходили все до них, а мне оставят мой покой...

— А это кто? — с явным усилением превозмогая апатию, полюбопытствовал Горбовский.

— Это Тойво Глумов, — сказала Комов. — Комконовец, инспектор. Я говорил вам...

— Да-да-да... — вяло сказал Горбовский. — Помню. Говорили. «Визит старой дамы»... Садитесь, Тойво, садитесь, мой мальчик... Я слушаю вас...

Тойво сел и вопросительно посмотрел на меня.

— Изложи свою точку зрения, — сказал я. — И обоснуй.

Тойво начал:

— Я сейчас сформулирую некую теорему. Формулировка эта принадлежит не мне. Доктор Бромберг сформулировал ее пять лет назад. Так вот, теорема. В начале восьмидесятых годов некая сверхцивилизация, которую мы для краткости назовем Странниками, начала активную прогрессорскую деятельность на нашей планете. Одной из целей этой деятельности является отбор. Путем разнообразных приемов Странники отбирают из массы человечества тех индивидов, которые по известным Странникам признакам пригодны для... например, пригодны для контакта. Или для дальнейшего видового совершенствования. Или даже для превращения в Странников. Наверняка у Странников есть и другие цели, о которых мы не догадываемся, но то, что они занимаются у нас отбором, отсортировкой, это мне теперь совершенно очевидно, и я это попытаюсь сейчас доказать.

Тойво замолчал. Комов пристально глядел на него. Горбовский словно бы спал, но пальцы его, скрещенные на груди, то и дело приходили в движение, вычерчивая в воздухе замысловатые узоры. Потом он вдруг, не открывая глаз, проговорил:

— Геннадий, принеси гостям чего-нибудь попить... Им, наверное, жарко...

Я вскочил, но Комов остановил меня.

— Я принесу,— буркнул он и вышел.

— Продолжайте, мой мальчик,— проговорил Горбовский.

Тойво стал продолжать. Он рассказал о «синдроме лингвина»: с помощью некого «решета», воздвигнутого ими в секторе 41/02, Странники, по-видимому, отбраковывали людей, страдающих скрытой космофобией, и выделяли скрытых космофилов. Он рассказал о событиях в Малой Пеше: там с помощью явно внеземной биотехники Странники поставили эксперимент по отбраковыванию ксенофобов и выделению ксенофилов. Он рассказал о борьбе за поправку. Видимо, фукамизация либо мешала работе Странников по отбору, либо грозила загнать в грядущих поколениях людей необходимые Странникам качества, и они каким-то образом организовали и успешно провели кампанию по отмене обязательности этой процедуры. За годы и годы число «отсортированных» (будем называть их так) все возрастало, это не могло остаться незамеченным, мы не могли не заметить этих «отсортированных», и мы их заметили. Исчезновения восьмидесятых годов... внезапные превращения обычных людей в гениев... только что обнаруженные Сандро Мтбевари люди с фантастическими способностями... и наконец, так называемый Институт Чудаков в Харькове, несомненный центр активности Странников по выявлению кандидатов в «отсортированные»...

— Они даже не очень скрываются,— говорил Тойво.— По-видимому, они чувствуют себя сейчас настолько сильными, что уже не боятся

быть обнаруженными. Возможно, они считают, будто мы уже не в состоянии что-либо изменить. Не знаю... Собственно, я кончил. Я хочу только добавить, что в поле нашего зрения, конечно же, попала только ничтожная доля всего спектра их активности. Это надо иметь в виду. И я считаю себя обязанным в заключение упомянуть добрым словом доктора Бромберга, который еще пять лет назад, не имея, по сути, никакой позитивной информации, вычислил буквально все явления, которые мы сейчас обнаружили; — и возникновение массовых фобий, и внезапное появление у людей талантов, и даже иррегулярности в поведении животных, например китов.

Тойво повернулся ко мне.

— Я кончил,— сказал он.

Я кивнул. Все молчали.

— Странники, Странники,— почти пропел Горбовский. Он лежал теперь, натянув на себя плед до самого носа.— Надо же, сколько я себя помню, с самого детства, столько идут разговоры об этих Странниках... Вы их очень за что-то не любите, Тойво, мой мальчик. За что?

— Я не люблю Прогрессоров,— отозвался Тойво сдержанно и сейчас же добавил: — Леонид Андреевич, я ведь сам был Прогрессором...

— Никто не любит Прогрессоров,— пробормотал Горбовский.— Даже сами Прогрессоры...— Он глубоко вздохнул и снова закрыл глаза.— Честно говоря, не вижу я здесь никакой проблемы. Это все остроумные интерпретации, не более того. Передайте ваши материалы, скажем, педагогам, и у них будут свои, не менее остроумные интерпретации. У глубоководников — свои... у них свои мифы, свои Странники... Вы не обижайтесь, Тойво, но уже само упоминание Бромберга меня насторожило.

— А между прочим, все работы Бромберга по Монокосму исчезли...— негромко произнес Комов.

— Да не было у него никаких работ, конечно! — Горбовский слабо хихикнул.— Вы не знали Бромберга. Это был ядовитый старик с фантастической фантазией. Максик прислал ему свой встревоженный запрос. Бромберг, который до того сроду на эти темы не думал, уселся в удобное кресло, устался на свой указательный палец и мигом высосал из него гипотезу Монокосма. Это заняло у него один вечер. А завтра он об этом забыл... У него же не только великая фантазия, он же знаток запрещенной науки, у него же в башке хранилось невообразимое число невообразимых аналогий...

Едва Горбовский замолк, Комов сказал:

— Правильно ли я вас понял, Глумов, что вы утверждаете, будто на Земле сейчас присутствуют Странники? Как существа, я имею в виду. Как особи...

— Нет,— проговорил Тойво.— Этого я не утверждаю.

— Правильно ли я вас понял, Глумов, что вы утверждаете, будто на Земле живут и действуют сознательные пособники Странников? «Отсортированные», как вы их называете...

— Да.

— Вы можете назвать имена?

— Да. С известной степенью вероятности.

— Назовите.

— Альберт Оскарович Тууль. Это почти наверняка. Сиприан Окигбо. Мартин Чжан. Эмиль Фар-Але. Тоже почти наверняка. Могу назвать еще десяток имен, но это уже менее достоверно.

— Вы общались с кем-нибудь из них?

— Думаю, что да. В Институте Чудаков. Думаю, их там много. Но кто именно — назвать точно пока не могу.

— То есть вы хотите сказать, что отличительные их признаки вам не известны?

— Конечно. На вид они ничем не отличаются от нас с вами. Но вычислить их можно. По крайней мере, с достаточной степенью вероятности. А вот в Институте Чудаков, я уверен, должна быть какая-то аппаратура, с помощью которой они определяют своего человека без промаха, наверняка.

Комов быстро взглянул на меня. Тойво заметил это и сказал с вызовом:

— Да! Я считаю, что нам сейчас не до церемоний! Придется нам поступиться кое-какими достижениями высшего гуманизма! Мы имеем дело с Прогрессорами, и придется нам вести себя по-прогрессорски.

— А именно? — осведомился Комов, подаваясь вперед.

— Весь арсенал нашей оперативной методики! От засылки агентыры до принудительного ментоскопирования, от...

И тут Горбовский издал протяжный стон, и все мы с испугом к нему повернулись. Комов даже вскочил на ноги. Однако ничего страшного с Леонидом Андреевичем не случилось. Он лежал в прежней позе, только гримаса притворной любезности на тощем его лице сменилась гримасой безразличного раздражения.

— Ну что вы тут затеяли около меня? — ноющим голосом произнес он. — Ну взрослые же люди, не школьники, не студенты... Ну как вам не совестно, в самом деле! Вот за что я не люблю все эти разговоры о Странниках... и всегда не любил! Ведь обязательно же они кончаются такой вот перепуганной детективной белибердой! И когда же вы все поймете, что эти вещи исключают друг друга... Либо Странники — сверхцивилизация, и тогда нет им дела до нас, это существа с иной историей, с иными интересами, не занимаются они Прогрессорством, и вообще во всей Вселенной одно только наше человечество занимается Прогрессорством, потому что у нас история такая, потому что мы плачем о своем прошлом... Мы не можем его изменить и стре-

мимся хотя бы помочь другим, раз уж не сумели в свое время помочь себе... Вот откуда все наше Прогрессорство! А Странники, даже если их прошлое было похоже на наше, так далеко от него ушли, что и не помнят его, как мы не помним мучения первого гоминида, тщившегося превратить булыжник в каменный топор... — Он помолчал. — Сверхцивилизации так же нелепо заниматься Прогрессорством, как нам сейчас учреждать бursы для подготовки деревенских дьячков...

Он опять замолчал и молчал очень долго, переводя взгляд с одного лица на другое. Я покосился на Тойво. Тойво отводил глаза и несколько раз пожал правым плечом, как бы показывая, что есть у него некоторые контраргументы, но он не считает удобным их здесь приводить. Комов же, сдвинув густые черные брови, смотрел в сторону.

— Эх-хе-хе-хе-хе... — прокряхтел Горбовский. — Не получилось у меня вас убедить. Хорошо, займусь тогда оскорблениями. Если даже такой зеленый мальчишка, как наш милый Тойво, сумел... э-э-э... засветить этих Прогрессоров, то какие же они, к черту, Странники? Ну сами подумайте! Неужели сверхцивилизация не сумела бы организовать свою работу так, чтобы вы ничего не заметили! А уж если вы заметили, то какая это, к черту, сверхцивилизация? Киты у них взбесились, так это, видите ли, Странники виноваты!... Уйдите вы с глаз моих, дайте помереть спокойно!

Мы все встали. Комов напомнил мне вполголоса:

— Задержитесь в гостиной.

Я кивнул.

Тойво растерянно поклонился Горбовскому. Старик не обратил на него внимания. Он сердито смотрел в потолок, шевеля серыми губами.

Мы с Тойво вышли. Я плотно прикрыл за собой дверь и услышал, как слабо чмокнула, срабатывая, система акустической изоляции.

В гостиной Тойво сейчас же сел на диван под торшером, положил ладони на сдвинутые колени и застыл. На меня он не смотрел. Ему было не до меня.

(Сегодня утром я сказал ему:

— Пойдешь со мной. Будешь говорить перед Комовым и Горбовским.

— Зачем? — ошарашенно спросил он.

— А ты что, воображаешь, что мы обойдемся без Мирового Совета?

— Но почему я?

— Потому что я уже говорил. Теперь твоя очередь.

— Хорошо, — произнес он, поджимая губы.

Он был боец. Тойво Глумов. Он никогда не отступал. Его можно было только отбросить.)

И вот его отбросили. Я наблюдал за ним из угла.

Некоторое время он сидел недвижимо, потом бездумно полистал разложенные на низком столике ментосхемы, испещренные разноцветными пометками врачей. Потом он поднялся и стал ходить по темной комнате из угла в угол, заложив руки за спину.

В доме царила непроницаемая тишина. Ни голосов не было слышно из спальни, ни шума леса из-за плотно зашторенных окон. Он не слышал даже собственных шагов.

Гостиная у Леонида Андреевича обставлена была по-спартански. Торшер (абажур явно самодельный), большой диван под ним и низенький столик. В дальнем углу — несколько седалищ явно неземного производства и предназначенных для явно неземных задов. В другом углу — то ли экзотическое растение какое-то, то ли древняя вешалка для шляп. Вот и вся мебелировка. И картинки в прозрачных обоях, и самая большая — с альбомный лист.

Тойво подошел и стал их рассматривать. Это были детские рисунки. Акварельки. Гуашь. Стило. Маленькие домики и рядом большие девочки, которым сосны по колено. Собаки (или голованы?). Слон. Тахорг. Какое-то космическое сооружение — то ли фантастический звездолет, то ли ангар... Тойво вздохнул и вернулся на диван. Я пристально следил за ним.

У него были слезы на глазах. Он уже не думал больше о проигранном бое. Там, за дверью, умирал Горбовский — умирала эпоха, умирала живая легенда. Звездолетчик. Десантник. Открыватель цивилизаций. Создатель КОМКОНа. Член Мирового Совета Дедушка Горбовский... Именно — дедушка Горбовский. Он был как из сказки: всегда добр и поэтому всегда прав. Такая была его эпоха, что доброта всегда побеждала. «Из всех возможных решений выбирай самое доброе». Не самое обещающее, не самое рациональное, не самое прогрессивное и уж, конечно, не самое эффективное — самое доброе! Он никогда не говорил этих слов, и он очень ехидно прохаживался на счет тех своих биографов, которые приписывали ему эти слова, и он наверняка никогда не думал этими словами, однако вся суть его жизни — именно в этих словах. И конечно же, слова эти — не рецепт, не каждому дано быть добрым, это такой же талант, как музыкальный слух или ясновидение, только более редкий. И плакать хотелось, потому что умирал самый добрый из людей. И на камне будет высечено: «Он был самый добрый»...

Мне кажется, Тойво думал именно так. Все, на что я рассчитывал в перспективе, держалось на предположении, что Тойво думал именно так.

Прошло сорок три минуты.

Дверь внезапно распахнулась. Все было как в сказке. Или как в кино. Горбовский, невообразимо длинный в своей полосатой пижаме,

тощий, веселый, неверными шажками вступил в гостиную, волоча за собой клетчатый плед, зацепившийся бахромой за какую-то его пуговицу.

— Ага, ты еще здесь! — с радостным удовлетворением произнес он, обращаясь к Тойво. — Все впереди, мой мальчик! Все впереди! Ты прав!

И произнеся эти загадочные слова, он устремился, слегка пошатываясь, к ближайшему окну и поднял штору. Стало ослепительно светло, и мы зажмурились, а Горбовский повернулся и уставился на Тойво, замершего у торшера по стойке «смирно». Я поглядел на Комова. Комов откровенно сиял, сверкая сахарными зубами, довольный, как кот, слопавший золотую рыбку. У него был вид компанейского парня, только что отмочившего славную шутку. Да так оно и было на самом деле.

— Неплохо, неплохо! — приговаривал Горбовский. — Даже отлично!

Склонив голову на бок, он придвигался к Тойво, оглядывая его откровенно с головы до ног, придвинулся вплотную, положил руку на его плечо и легонько стиснул костлявыми пальцами.

— Ну, я думаю, ты простишь меня за резкость, мой мальчик, — сказал он. — Но ведь я тоже был прав... А резкость — это от раздражительности. Умирать, скажу я тебе, — преподанное занятие. Не обращай внимания.

Тойво молчал. Он, конечно, ничего не понимал. Комов все это задумал и устроил. Горбовский знал ровно столько, сколько Комов счел нужным ему сообщить. Я хорошо представлял себе, какой разговор произошел сейчас у них в спальне. А Тойво Глумов не понимал ничего.

Я взял его за локоть и сказал Горбовскому:

— Леонид Андреевич, мы уходим.

Горбовский покивал.

— Идите, конечно. Спасибо. Вы мне очень помогли. Мы еще увидимся, и не раз.

Когда мы вышли на крыльцо, Тойво сказал:

— Может быть, вы объясните мне, что все это значит?

— Ты же видишь: он раздумал умирать, — сказал я.

— Почему?

— Дурацкий вопрос, Тойво, извини меня, пожалуйста...

Тойво помолчал и сказал:

— А я и есть дурак. То есть никогда в жизни я еще не чувствовал себя таким дураком... Спасибо вам за вашу заботу, Биг-Баг.

Я только хмыкнул. Мы молча спускались по лестнице к посадочной площадке. Какой-то человек неспешно поднимался нам навстречу.

— Ладно, — сказал Тойво. — Но работу по теме мне продолжать?

— Конечно.

— Но ведь меня высмеяли!

— Напротив. Ты очень понравился.

Тойво пробормотал что-то себе под нос. На площадке в конце первого пролета мы оказались одновременно с человеком, поднимавшимся навстречу. Это был заместитель директора Харьковского филиала ИМИ Даниил Александрович Логовенко, румяный и очень озабоченный.

— Приветствую тебя,— сказал он мне.— Я не слишком опоздал?

— Не слишком,— ответил я.— Он тебя ждет.

И тут Д. А. Логовенко с самым заговорщицким видом подмигнул Тойво Глумову, после чего устремился дальше вверх по лестнице, теперь уже явно спеша. Тойво, недобро прищурившись, посмотрел ему вслед.

ДОКУМЕНТ 19

Конфиденциально!

Только для членов Президиума Всемирного Совета!

Экз. № 115

Содержание: запись собеседования, состоявшегося в «Доме Леонида» (Краслава, Латвия) 14 мая 99 года.

Участники: Л. А. Горбовский, член Всемирного Совета, Г. Ю. Комов, член Всемирного Совета, ВРИО Президента секции «Урал — Север» КК-2, Д. А. Логовенко, зам. директора Харьковского филиала ИМИ.

Комов. То есть вы фактически ничем не отличаетесь от обыкновенного человека?

Логовенко. Отличие огромно, но ... Сейчас, когда я сижу здесь и разговариваю с вами, я отличаюсь от вас только сознанием, что я не такой, как вы. Это один из моих уровней... довольно утомительный, кстати. Это дается мне не без труда, но я-то как раз привык, а большинство из нас от этого уровня уже отвыкли навсегда... Так вот, на этом уровне отличие можно обнаружить только с помощью специальной аппаратуры.

Комов. Вы хотите сказать, что на других уровнях...

Логовенко. Да. На других уровнях все другое. Другое сознание, другая физиология... другой облик даже...

Комов. То есть на других уровнях вы уже не люди?

Логовенко. Мы вообще не люди. Пусть вас не сбивает с толку, что мы рождены людьми и от людей...

Горбовский. Прошу прощения, Даниил Александрович. А вы не могли бы нам что-нибудь продемонстрировать... Поймите меня правильно, я не хотел бы вас обидеть, но пока... все это одни слова... А? Какой-нибудь другой уровень, если не трудно, а?

Логовенко (со смешком). Извольте...

(Слышны негромкие звуки, напоминающие переливчатый свист, чей-то невнятный возглас, звон бьющегося стекла.)

Логовенко. Простите, я думал, он небьющийся.

(Пауза около десяти секунд.)

Логовенко. Это он?

Горбовский. Н-нет... Кажется... Нет-нет это не тот. Этот — вон стоит, на подоконнике...

Логовенко. Минуточку...

Горбовский. Не надо, не трудитесь, вы меня убедили. Спасибо.

Комов. Я не понял, что произошло. Это фокус? Я бы...

(В фонограмме лагуна: 12 минут 23 секунды.)

Логовенко. ...совершенно другой.

Комов. А причем здесь фукамизация?

Логовенко. Растормаживание гипоталамуса приводит к разрушению третьей импульсной. Мы не могли этого допустить, пока не научились ее восстанавливать.

Комов. И вы провели кампанию по введению поправки...

Логовенко. Строго говоря, кампанию провели вы. Но по нашей инициативе, конечно.

Комов. А «синдром пингвина»?

Логовенко. Не понял.

Комов. Ну фобии эти, которые вы наводили своими экспериментами... космофобии, ксенофобии...

Логовенко. А, понимаю, понимаю. Видите ли, существует несколько способов и методик выявления у человека третьей импульсной. Сам я — приборист, но мои коллеги...

Комов. То есть это ваших рук дело?

Логовенко. Разумеется! Ведь нас же очень мало, свою расу мы создаем собственными руками, прямо сейчас, на ходу. Допускаю, что некоторые наши приемы представляются вам аморальными, даже жестокими... но вы должны признать, что мы ни разу не допустили действий с необратимыми результатами.

Комов. Предположим. Если не считать китов.

Логовенко. Прошу прощения. Не «предположим», а именно не допустили. Что же касается китообразных...

(В фонограмме лагуна: 2 минуты 12 секунд.)

Комов. ...интересовало не это. Заметьте, Леонид Андреевич, наши ребята шли по неверному пути, но во всем, кроме интерпретации, оказались правы.

Логовенко. Почему же «кроме»? Я не знаю, кто эти «ваши ребята», но Максим Каммерер вычислил нас абсолютно точно. Я так и не узнал, каким образом в его руках оказался список всех люденов, инициированных за последние три года...

Горбовский. Простите, вы сказали «люденов»?

Логовенко. У нас еще нет общепринятого самоназвания. Большинство пользуется термином «метагом», так сказать «за-человек». Кто-то называет себя мизитом. Я предпочитаю называть нас люденами. Во-первых, это перекликается с русским словом «люди», во-вторых,

одним из первых люденев был Павел Люденев, это наш Адам. Кроме того, существует полушутливый термин «гомо луденс»...

Комов. «Человек играющий»...

Логовенко. Да. «Человек играющий». И есть еще антишутка: «люден» — анаграмма слова «нелюдь». Тоже кто-то пошутил... Так вот, Максим список люденев заполучил и очень ловко продемонстрировал его мне, дав понять, что мы для вас уже не тайна. Откровенно говоря, я испытал облегчение. Это был прямой повод вступить наконец в переговоры. Ведь я уже больше месяца чувствовал у себя на пульсе чью-то руку, пытался прощупать Максима...

Комов. То есть мысли читать вы не умеете? Ведь ридеры...

(В фонограмме лагуна: 9 минут 44 секунды.)

Логовенко. ...мешать. И не только поэтому. Мы полагали, что тайну надо хранить прежде всего в ваших интересах, в интересах человечества. Я хотел бы, чтобы в этом вопросе у вас была полная ясность. Мы — не люди. Мы — людене. Не впадите в ошибку. Мы — не результат биологической революции. Мы появились потому, что человечество достигло определенного уровня социотехнологической организации. Открыть в человеческом организме третью импульсную систему могли бы и сотню лет назад, но инициировать ее оказалось возможным только в начале нашего века, а удержать людене на спирали психофизиологического развития, провести его от уровня к уровню до самого конца ... то есть в ваших понятиях воспитать людене — это стало возможным совсем недавно...

Горбовский. Минуточку, минуточку! Значит, эта самая третья импульсная присутствует все-таки в каждом человеческом организме?

Логовенко. К сожалению, нет, Леонид Андреевич. В этом и заключается трагедия. Третья импульсная обнаруживается с вероятностью не более одной стотысячной. Мы пока не знаем, откуда она взялась и почему. Скорее всего это результат какой-то древней мутации.

Комов. Одна стотысячная — это не так уж мало в пересчете на наши миллиарды...

Логовенко. И отсюда — тайна. Поймите меня правильно. Девяносто процентов люденев совершенно не интересуются судьбами человечества и вообще человечеством. Но есть группа таких, как я. Мы не хотим забыть, что мы — плоть от плоти вашей и что у нас одна родина, и уже много лет мы ломаем голову, как смягчить последствия ... Ведь фактически все выглядит так, будто человечество распадается на два вида. И куда вам не деться от ощущения унижения при мысли о том, что один из вас ушел далеко за предел, не преодолимый для ста тысяч. А этому одному куда не уйти от чувства вины за это. И самое страшное, что трещина проходит через семьи, через дружбы...

Комов. Значит, метагом теряет прежние привязанности?

Логовенко. Это очень индивидуально. И не так просто, как вы

думаете. Наиболее типичная модель отношения люден к человеку — это отношение многоопытного и очень занятого взрослого к симпатичному, но донельзя докучному малышу. Вот и представьте себе отношения в парах: люден и его отец, люден и его закадычный друг, люден и его Учитель...

Горбовский. Люден и его подруга...

Логовенко. Это трагедии, Леонид Андреевич. Самые настоящие трагедии.

Комов. Я вижу, что вы принимаете ситуацию близко к сердцу. Тогда, может быть, проще все это прекратить? В конце концов, это же в ваших руках...

Логовенко. А вам не кажется, что это было бы аморально?

Комов. А вам не кажется, что аморально повергать человечество в состояние шока? Создавать в массовой психологии комплекс неполноценности, поставить молодежь перед фактом конечности ее возможностей?

Логовенко. Вот я и пришел к вам, чтобы искать выход.

Комов. Выход один. Вы должны покинуть Землю.

Логовенко. Простите. Кто именно «мы»?

Комов. Вы, метагомы.

Логовенко. Геннадий Юрьевич, я повторяю: в подавляющем большинстве своем людены на Земле не живут. Все их интересы, вся их жизнь — вне Земли. Черт подери, не живете же вы в кровати! А постоянно связаны с Землей только акушеры, вроде меня, и гомопсихологи... да еще несколько десятков самых несчастных из нас — те, что не могут оторвать себя от родных и любимых!

Горбовский. А!

Логовенко. Что вы сказали?

Горбовский. Ничего, ничего, я внимательно слушаю.

Комов. Значит, вы хотите сказать, что интересы метагомов и землян, по сути, не пересекаются?

Логовенко. Да.

Комов. Возможно ли сотрудничество?

Логовенко. В какой области?

Комов. Вам виднее.

Логовенко. Боюсь, что вы нам полезны быть не можете. Что же касается нас... Знаете, есть старая шутка. В наших обстоятельствах она звучит довольно жестоко, но я ее приведу. «Медведя можно научить ездить на велосипеде, но будет ли медведю от этого польза и удовольствие?» Простите меня, ради бога. Но вы сами сказали: наши интересы нигде не пересекаются. (Пауза.) Конечно, если допустить, что Земле и человечеству будет угрожать какая-нибудь опасность, мы придем на помощь не задумываясь и всей своей силой.

Комов. Спасибо и на этом.

Длительная пауза, слышно, как булькает жидкость, позвякивает стекло о стекло, глухие глотки, хрютение.

Горбовский. Да-а, это серьезный вызов нашему оптимизму. Но если подумать, человечество принимало вызовы и пострашнее... И вообще, я не понимаю вас, Геннадий. Вы так страстно ратовали за вертикальный прогресс! Так вот он вам — вертикальный прогресс! В чистейшем виде! Человечество, разлившееся по цветущей равнине под ясными небесами, рванулось вверх. Конечно, не всей толпой, но почему это вас так огорчает? Всегда так было. И будет так всегда, наверное... Человечество всегда уходило в будущее ростками лучших своих представителей. Мы всегда гордились гениями, а не горевали, что не принадлежим к их числу. А что Даниил Александрович толдычит нам, что он не человек, а люден, так это все терминология... Все равно вы — люди, более того — земляне, и никуда вам от этого не деться. Просто молодозелено.

Комов. Вы, Леонид Андреевич, иногда просто поражаете меня своим легкомыслием.

Горбовский. Экий вы, голубчик... горячий. Это же прогресс. Во всей своей красе. Где это вы видели прогресс без шока, без горечи, без унижения? Без тех, кто уходит далеко вперед, и тех, кто остается позади?..

Комов. Ну, еще бы! «И тех, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном...»

Горбовский. Здесь уж скорее подошло бы что-нибудь вроде... э-э... «И тех, кто меня обгоняет, провожаю приветственным гимном...»

Логовенко. Геннадий Юрьевич, разрешите, я попытаюсь вас утешить. Кроме третьей импульсной, в организме гомо сапиенса мы обнаружили четвертую низкочастотную и пятую... пока безымянную. Что может дать инициация этих систем, мы — даже мы! — и предположить не можем. И не можем мы предположить, сколько их еще там в человеке... (Пауза.) Что поделаешь! За спиной — шесть НТР, две технологические контрреволюции, два кризиса... поневоле начнешь эволюционировать.

Горбовский. Вот именно. Сидели бы мы себе тихо, как тагоряне или леонидяне, горя бы не знали. Вольно же нам было пойти по технологии!

Комов. Хорошо, хорошо. А что же все-таки такое «метাগом»? Каковы его цели, Даниил Александрович? Стимулы? Интересы? Или это секрет?

Логовенко. Никаких секретов.

(На этом фонограмма прерывается. Все дальнейшее — тридцать четыре минуты одиннадцать секунд — необратимо стерто.)

15.05.99.

М. Каммерер

(Конец Документа 19)

Стыдно вспомнить, но все эти последние дни я провел в состоянии, близком к эйфории. Это было так, словно прекратилось вдруг невыносимое физическое напряжение. Наверное, нечто подобное испытывал Сизиф, когда камень наконец вырывался у него из рук и он получал блаженную возможность немножко посидеть на вершине, прежде чем начать все сначала.

Каждый землянин пережил Большое Откровение по-своему. Но, ей-же-ей, мне оно досталось все-таки злее, чем кому бы то ни было.

Сейчас я перечитал все, уже написанное выше, и у меня возникло опасение, что переживания мои в связи с Большим Откровением могут быть поняты неправильно. Может возникнуть впечатление, будто я испытал тогда страх за судьбы человечества. Разумеется, без страхов не обошлось — ведь я тогда абсолютно ничего не знал о людях, кроме того, что они существуют. Так что страх был. И были краткие панические мысли-вопли: «Всё, доигрались!» И было ощущение катастрофически крутого поворота, когда руль, кажется, вот-вот вырвет у тебя из рук и полетишь ты неведомо куда, беспомощный, как дикий зверь во время землетрясения... Но над всем этим преваляло все-таки унижайшее сознание полной своей профессиональной несостоятельности. Прощаплили. Прохлопали. Проморгали. Профукали, дилетанты бездарные...

И вот теперь все это отхлынуло. И между прочим, совсем не потому, что Логovenko хоть в чем-то убедил меня или заставил себе поверить. Дело совсем в ином.

К ощущению профессионального поражения я за полтора месяца уже притерпелся. («Муки совести переносимы» — вот одно из маленьких неприятных открытий, которые делаешь с возрастом.)

Руль больше не вырывало у меня из рук — я передал его другим. И теперь с некоторой даже отстраненностью я отмечал (для себя), что Комов, пожалуй, слишком все-таки сгущает краски, а Леонид Андреевич, по своему обыкновению, чересчур уж уверен в счастливом исходе любого катаклизма...

Я снова был на своем месте, и снова мною владели только привычные заботы — например, наладить постоянный и достаточно плотный поток информации для тех, кому надлежит принимать решения.

Вечером 15-го я получил от Комова приказ действовать по усмотрению.

Утром 16-го я вызвал к себе Тойво Глумова. Без всяких предварительных объяснений я дал ему прочесть запись беседы в «Доме Леонида». Замечательно, что я был практически уверен в успехе.

Да и с чего мне было сомневаться?

Рабочая фонограмма

Дата: 16 мая 99 года

Собеседники: М. Каммерер, начальник отдела ЧП; Т. Глумов, инспектор.

Тема: ***

Содержание: ***

Глумов. Что было в этих лакунах?

Каммерер. Bravo. Ну и выдержка у тебя, малыш. Когда я понял, что к чему, я, помнится, полчаса по стенам бегал.

Глумов. Так что было в лакунах?

Каммерер. Неизвестно.

Глумов. То есть как — неизвестно?

Каммерер. А так. Комов и Горбовский не помнят, что было в лакунах. Они никаких лакун не заметили. А восстановить фонограмму невозможно. Она даже не стерта, она просто уничтожена. На лакунных участках решетки разрушена молекулярная структура.

Глумов. Странная манера вести переговоры.

Каммерер. Придется привыкать.

Пауза

Глумов. Ну и что теперь будет?

Каммерер. Пока мы слишком мало знаем. Вообще-то видятся только две возможности. Либо мы научимся с ними сосуществовать. Либо не научимся.

Глумов. Есть третья возможность.

Каммерер. Не горячись. Нет третьей возможности.

Глумов. Есть третья возможность! Они с нами не церемонятся!

Каммерер. Это не довод.

Глумов. Это довод! Они не спрашивали разрешения у Мирового Совета! Много лет они ведут тайную деятельность по превращению людей в нелюдей! Они проводят эксперименты над людьми! И даже сейчас, когда они разоблачены, они приходят на переговоры и позволяют себе...

Каммерер (прерывает). То, что ты хочешь предложить, можно сделать либо открыто — и тогда человечество станет свидетелем вполне отвратительного насилия; либо тайком, гнусненько, за спиной общественного мнения...

Глумов (прерывает). Это все слова! Суть же в том, что человечество не должно быть инкубатором для нелюдей и тем более полигоном для их проклятых экспериментов! Простите, Биг-Баг, но вы сделали ошибку. Вам не следовало посвящать в это дело ни Комова, ни Горбовского. Вы поставили их в дурацкое положение. Это дело КОМКОНа-2, оно целиком в нашей компетенции. Я думаю, и сейчас еще не поздно. Возьмем этот грех на душу.

Каммерер. Слушай, откуда у тебя эта ксенофобия? Ведь это не Странники, это не Прогрессоры, которых ты ненавидишь...

Глумов. У меня такое чувство, что они еще хуже Прогрессоров. Они предатели. Они паразиты. Вроде этих ос, которые откладывают яйца в гусениц...

Пауза

Каммерер. Говори, говори. Выговаривайся.

Глумов. Не буду больше ничего говорить. Бесплезно. Пять лет я занимаюсь этим делом под вашим руководством, и все пять лет я брежу, как слепой щенок... Ну хотя бы сейчас скажите мне: когда вы узнали правду? Когда вы поняли, что это не Странники? Шесть месяцев назад? Восемь месяцев?

Каммерер. Меньше двух.

Глумов. Все равно... Несколько недель назад. Я понимаю, у вас были свои соображения, вы не хотели посвящать меня во все детали, но как вы могли скрыть от меня, что изменялся сам объект? Как вы могли себе это позволить — заставить меня валять дурака? Чтобы я валял дурака перед Горбовским и Комовым... Меня в жар бросает, когда я вспоминаю!

Каммерер. А ты можешь допустить, что тому была причина?

Глумов. Могу. Но мне от этого не легче. Причины этой я не знаю и даже представить ее себе не умею... И что-то я по вашему виду не замечаю, чтобы вы собирались ее мне сообщить! Нет, Биг-Баг, хватит с меня. Я не гоюсь работать с вами. Отпустите меня, я все равно уйду.

Пауза

Каммерер. Я не мог рассказать тебе правду. Сначала я не мог рассказать тебе правду, потому что не знал, что нам с нею делать. В скобках: я и сейчас не знаю, что с нею делать, но сейчас все решения взвалены на другие плечи...

Глумов. Не надо оправдываться, Биг-Баг.

Каммерер. Молчи. Тебе все равно меня не разозлить. Ты очень любишь правду. Так ты ее сейчас получишь. Всю.

Пауза

Каммерер. Потом я послал тебя в Институт Чудаков и снова вынужден был ждать...

Глумов (прерывает). Причем здесь...

Каммерер (прерывает). Я сказал — молчи! Правду говорить нелегко, Тойво. Не резать правду-матку, как это любят в молодости, а преподносить ее такому вот... зеленому, самоуверенному, всезнающему и всепонимающему... Молчи и слушай.

Пауза

Каммерер. Потом я получил ответ из Института. Этот ответ сбил меня с ног. Я-то считал, что всего лишь проявляю рутинную предусмотр-

рительность, а оказалось... Слушай, вот ты сейчас читал запись. Тебе ничего в ней не показалось странным?

Глумов. В ней все странное...

Каммерер. Ну, давай-давай, включи. Прочти еще разок, только внимательно, с самого начала, с шапки. Ну?

Глумов. «Только для членов Президиума...» Как это понимать?

Каммерер. Ну? Ну?

Глумов. Вы дали мне прочесть документ высшей конфиденциальности... Почему?

Каммерер (медленно и едва ли не вкрадчиво). Как ты заметил, в этом документе есть лакуны. Так вот, теплится у меня надежда, что когда придет твое время, ты по старой памяти, по старой дружбе эти лакуны мне заполнишь.

Длинная пауза

Каммерер. Вот так-то выглядит вся правда. В той ее части, которая касается тебя. Как только я узнал, что в Институте Чудаков они занимаются отсортировкой, я сразу наладил всех вас туда, одного за другим, под разными идиотскими предложениями. Это была просто мера элементарной предосторожности, понимаешь? Чтобы не оставить противнику ни малейшего шанса. Чтобы быть уверенным... Нет, уверен я и так был... Чтобы знать совершенно точно: среди моих сотрудников только люди...

Пауза

Каммерер. У них там агрегат... якобы для выявления «чудаков». Они пропускают через него всех посетителей. На самом деле машина эта ищет так называемый зубец Т ментограммы, он же «импульс Логовенко». Если у человека имеется годная для инициирования третья импульсная система, в его ментограмме проявляется этот расстрелятый зубец Т. Так вот, у тебя этот зубец есть.

Длинная пауза

Глумов. Это же ерунда, Биг-Баг.

Пауза

Глумов. Вас водят за нос!

Пауза

Глумов. Это же провокация! Они просто хотят вывести меня из игры! По-видимому, я узнал что-то важное, только сам пока не понимаю, что именно, и они хотят меня убрать... Это же элементарно!

Пауза

Глумов. Вы же знаете меня с детства! Я прошел тысячи медкомиссий, я — самый обыкновенный человек! Не верьте им, Биг-Баг! Кто вам дает информацию?... Нет, я не имя спрашиваю... Подумайте, откуда он все это может знать? Он же наверняка сам из этих... Как вы можете ему верить? (Кричит.) Не во мне же дело! Я все равно уйду! Но они вот таким же манером без единого выстрела расстреляют весь КОМКОН! Вы об этом подумали?

Пауза

Глумов (упавшим голосом). Что же мне делать? Ведь вы наверняка придумали, что мне теперь делать...

Каммерер. Послушай. Не надо так расстраиваться. Пока еще ничего страшного не произошло. Что ты так раскричался, словно к тебе уже «ухмыляясь, приближаются с ножами»? В конце концов, все ведь в твоих руках! Не захочешь, и все останется, как есть!

Глумов. Откуда вы знаете?

Каммерер. Да ниоткуда я ничего не знаю. Я знаю столько же, сколько и ты. Ты же читал только что... Третья импульсная — это же только потенция, ее ведь нужно инициировать... потом начинается это самое... восхождение от уровня к уровню... Хотел бы я посмотреть, как они это сделают с тобой без твоей воли!

Пауза

Глумов. Да. (Истерически смеется.) Ну и нагнапи вы на меня страху, шеф!

Каммерер. Это ты просто не сообразил.

Глумов. Я просто удеру! Пусть-ка они меня поищут! А найдут, станут приставать... Вы им скажите, что я им не советую!

Каммерер. Вряд ли они захотят со мной разговаривать.

Глумов. То есть?

Каммерер. Ну, видишь ли, мы для них не авторитет. Нам теперь придется привыкать к совершенно новой ситуации. Не мы теперь определяем время бесед, не мы определяем тему... Мы вообще потеряли контроль над событиями. А ситуация, согласись, небывалая! У нас на Земле среди нас действует сила... и даже не сила, а силища! И мы ничего о ней не знаем. Вернее, знаем только то, что нам разрешают знать, а это, согласись, едва ли не хуже, чем полное незнание. Неуютно, а? Нет, я ничего не могу сказать плохого об этих людях, но ведь и хорошего о них ничего не известно!

Пауза

Каммерер. Они знают о нас все, а мы о них — ничего. Это унижительно. Сейчас каждый из нас, кто соприкасается с ситуацией, испытывает чувство униженности... Вот нам предстоит подвергнуть глубокому ментоскопированию двух членов Всемирного Совета только для того, чтобы восстановить, о чем же это там шла речь во время исторического собеседования в «Доме Леонида»... И заметь, ни члены Совета, ни мы этого ментоскопирования не хотим, оно унижает нас всех, а деваться некуда, хотя шансы на успех, как ты сам понимаешь, менее чем проблематичны...

Глумов. Но у вас же есть своя агентура среди них!

Каммерер. Точнее, не «среди», а около. «Среди» — это мечта. Причем, боюсь, недостижимая... Кто из них захочет помогать нам? Зачем это им? Какое им до нас дело? А? Тойво!

Длинная пауза

Глумов. Нет, Максим. Я не хочу. Я все понимаю, но я не хочу!
Каммерер. Страшно?

Глумов. Не знаю. Просто не хочу. Я — человек, и я не хочу быть никем другим. Я не хочу смотреть на вас сверху вниз. Я не хочу, чтобы уважаемые и любимые мною люди казались мне детьми. Я понимаю: вы надеетесь, что человеческое во мне сохранится... Может быть, у вас даже есть основания на это надеяться. Но я не хочу рисковать. Не хочу!

Пауза

Каммерер. Что ж... В конце концов, это даже похвально.
(Конец Документа 20)

Я был уверен в успехе. Я ошибся.

Все-таки я плохо тебя знал, Тойво Глумов, мой мальчик. Ты казался мне более жестким, более защищенным, более фанатичным, если угодно.

И наконец, несколько слов об истинной цели этого моего мемуара.

Мой читатель, знакомый с книгой «Пять биографий века», уже догадался, наверно, что цель эта состоит в том, чтобы опровергнуть сенсационную гипотезу П. Сороки и Э. Брауна, будто Тойво Глумов, еще будучи на Гиганде Прогрессором, попал в поле зрения люденсов и был опознан ими как свой. Будто тогда же был он ими превращен, переведен на соответствующий уровень и заслан ко мне в КОМКОН-2 в качестве не столько даже соглядатая, сколько дезинформатора и мизинтерпретатора. Будто на протяжении пяти лет он только тем и занимался, что подогревал в КОМКОНе атмосферу охоты за Странниками, интерпретируя каждый неверный шаг, каждый просчет, каждую небрежность люденсов как проявления деятельности ненавистной сверхцивилизации. Пять лет водил он за нос все руководство КОМКОНа-2, прежде всего, конечно, шефа своего и покровителя Максима Каммерера. А когда люденсов все-таки удалось разоблачить, он разыграл перед доверчивым Биг-Багом последнюю душеспасительную комедию и вышел из игры.

Полагаю, что каждый непредубежденный читатель, не знакомый с построениями Сороки и Брауна, дочитавши меня до этого места, пожмет плечами и скажет: «Что за чушь, какая странная у них идея, она же противоречит всему тому, что я только что прочел...» Что же касается читателя предубежденного, читателя, который раньше знал Тойво Глумова только по «Пяти биографиям», то я могу посоветовать ему только одно: постарайтесь взглянуть на предложенный вам материал беспристрастно, не надо подсыпать перчику в проблему люденсов, сделавшуюся сегодня уже несколько пресной.

Слов нет, история Большого Откровения содержит много «белых пятен», но я со всей ответственностью утверждаю, что к Тойво Глумову эти пятна никакого отношения не имеют. И со всей ответственностью

я заявляю, что все хитроумные построения П. Сороки и Э. Брауна — это просто легкомысленная чушь, очередная попытка взяться правой рукой за левое ухо через-под левое колено.

Что же касается «последней душещипательной комедии», то я только об одном жалею, только за одно клянусь себя и по сей день. Не понял я тогда, старый толстокожий носорог, не сумел предощутить, что вижу Тойво Глумова в последний раз.

ДОКУМЕНТ 21

Свердловск, «Тополь 11» КВ. 9716,

М. Каммереру

Биг-Баг!

Сегодня меня посетил Логовенко! Беседа продолжалась с 12.15 до 14.05. Логовенко был очень убедителен. Суть — все не так просто, как мы это себе представляем. Например, утверждается, будто период стационарного развития человечества заканчивается, близится эпоха потрясений (биосоциальных и психосоциальных), главная задача людей в отношении человечества, оказывается, стоять на страже (так сказать, «над пропастью во ржи»). В настоящее время на Земле и в космосе обитают и играют 432 людена. Мне предлагается стать четыреста тридцать третьим, для чего я должен прибыть в Харьков, в Институт Чудаков, послезавтра, 20 мая, к 10.00.

Враг рода человеческого нашептывает мне, что только полный идиот способен отказаться от такого шанса. Этот шепот мне удается заглушить без особого труда, ибо я — человек непрестижный, как Вам хорошо известно, и не терплю элиты ни в каком обличье. Не скрою, что впечатление от последней беседы с Вами запало мне в душу гораздо глубже, нежели мне хотелось бы. Крайне неприятно ощущать себя дезертиром. Я бы не колебался в выборе ни секунды, но я уверен абсолютно: как только они превратят меня в людена, ничего (НИ Ч Е Г О!) человеческого во мне не останется. Признайтесь, в глубине души и Вы думаете то же самое.

Я не поеду в Харьков. За эти дни я основательно все обдумал, и я не поеду в Харьков, во-первых, потому, что это было бы предательством по отношению к Асе. Во-вторых, потому, что я люблю мать и высоко почитаю ее. В-третьих, потому, что я люблю своих товарищей и свое прошлое. Превращение в людена — это моя смерть. Это гораздо хуже смерти, потому что для тех, кто меня любит, я останусь живым, но неузнаваемо отвратным. Спесивым, самодовольным, самоуверенным типом. Вдобавок еще и вечным, наверное.

Завтра я вслед за Асей улетаю на Пандору.

Прощайте. Желаю Вам удачи.

18 мая 99 г.

Ваш Т. Глумов.

(Конец Документа 21)

Дата: 14 ноября 99 года.

Автор: С. Мтбевари, инспектор.

Тема 081: «Волны гасят ветер».

Содержание: разговор с Т. Глумовым.

Согласно Вашему распоряжению воспроизвожу по памяти мою беседу с бывшим инспектором Т. Глумовым, происшедшую в середине июля с. г. Около 17 часов, когда я находился в своем рабочем кабинете, раздался видеотелефонный вызов, и на экране появилось лицо Т. Глумова. Он был весел, оживлен, шумно меня приветствовал. С тех пор как я видел его в последний раз, он слегка пополнил. Последовал примерно такой разговор.

Глумов. Куда девался шеф? Я пытаюсь связаться с ним весь день, и без всякого толку.

Я. Шеф в командировке, вернется не скоро.

Глумов. Очень жалко. Он мне позарез нужен. Я бы очень хотел с ним поговорить.

Я. Сделай письмо. Ему перешлют.

Глумов (поразмыслив). Долгая история. (Эту фразу я помню точно.)

Я. Тогда скажи, что ему передать. Или как с тобой связаться. Я запишу.

Глумов. Нет. Мне непременно лично.

Больше ничего существенного сказано не было. Точнее, я не помню.

Хочу подчеркнуть, что в то время я знал о Т. Глумове только то, что он уволился по личным обстоятельствам и убыл к жене на Пандору. Именно поэтому мне не пришлось в голову выполнить самые элементарные действия, а именно: зарегистрировать разговор; установить канал связи; поставить в известность Президента и т. д. Могу добавить только: у меня сохранилось впечатление, будто Т. Глумов находится в помещении, освещенном естественным, солнечным светом. Видимо, в тот момент он находился на Земле, в Восточном полушарии.

С андр о М т б е в а р и.

(Конец Документа 22)

ДОКУМЕНТ 23

Президенту сектора «Урал — Север» КК-2

Дата: 23 января 101 года.

Автор: М. Каммерер, начальник отдела ЧП.

Тема 050 Т. Глумов, метагом.

Президент!

Мне нечего Вам сообщить. Встреча не состоялась. Я прождал его на Красном Пляже до темноты. Он не явился.

Конечно, не составило бы труда отправиться к нему домой и подождать его там, но, мне кажется, это было бы тактической ошибкой. Ведь он не имеет целью морочить нас. Он просто забывает. Подождем еще.

М. Каммерер

(Конец Документа 23)

ДОКУМЕНТ 24

КОМКОН-1

Председателю Комиссии «Метагом»
Комову Г. Ю.

Мой Капитан!

Препровождаю тебе два любопытных текста, имеющих прямое отношение к предмету твоего нынешнего азарта.

Текст 1. (Записка Т. Глумова, адресованная М. Каммереру.)

Дорогой Биг-Баг!

Я кругом виноват. Но готов исправиться. Послезавтра, 2-го ровно в 20.00 НЕПРЕМЕННО буду дома. Жду. Гарантирую лакомства и обещаю все объяснить. Хотя, как я понимаю, особой необходимости в этом пока нет.

Текст 2. (Письмо А. Глумовой, адресованное М. Каммереру вместе с запиской Т. Глумова.)

Уважаемый Максим!

Он попросил меня переслать Вам эту записку. Почему он сам не послал ее Вам? Почему просто не позвонил Вам, чтобы назначить свидание? Ничего этого я не понимаю. Последнее время я вообще редко его понимаю, даже когда речь идет о самых, казалось бы, простых вещах. Зато я знаю, что он несчастен. Как и все они. Когда он со мной, он мучается скукой. Когда он там, у себя, он обо мне тоскует, иначе он бы не возвращался. Жить так ему, разумеется, невозможно, и он должен будет выбрать что-то одно. Я знаю, что именно он выберет. Последнее время он возвращается все реже и реже. Я знаю его собратьев, которые и вовсе перестали возвращаться. Им больше нечего делать на Земле.

Что касается его приглашения, то, конечно, я рада буду Вас увидеть, но не рассчитывайте, что он будет. Я — не рассчитываю.

Ваша А. Г л у м о в а

Разумеется, Каммерер пошел на свидание, и разумеется, Т. Глумов не явился.

Они уходят, мой Капитан. Собственно говоря, они ушли. Совсем. Несчастные, и оставив за собой несчастных. Человечность. Это серьезно.

Как все это не похоже на те апокалиптические картины, которые мы рисовали друг другу четыре года назад! Помнишь, как старик Горбовский, хитро улыбаясь, прокрихтел: «Волны гасят ветер...»? Все мы понимающе закивали, а ты, помнится, даже продолжил эту цитату с видом многозначительным до кретинизма. Но разве поняли мы его тогда? Никто из нас не понял.

13.11.102 года

Твой А т о с

(Конец Документа 24)

И ПОСЛЕДНИЙ ДОКУМЕНТ

Максим!

Я ничего не могу сделать. Передо мной расшаркиваются в извинениях, меня уверяют в совершенном уважении и сочувствии, но ничего не меняется. Они уже сделали Тойво «фактом истории».

Я понимаю, почему молчит Тойво — ему все это безразлично, да и где он, в каких мирах?

Я догадываюсь, почему молчит Ася — страшно сказать, но ее, видимо, убедили.

Но почему молчите Вы? Ведь Вы любили его, я знаю, и он любил Вас!

30 июня 126 года.

М. Г л у м о в а.

Нарва Йыэсуу

Как видите, я не молчу больше, Майя Тойвовна. Я сказал. Все, что мог, и все, что сумел сказать.

АРК. БЕГОВ

Скакалка

Второе солнце наполовину вышло из-за неровного горизонта, синий рассвет медленно сменялся малахитовыми разводами.

Представитель Арбитража невнимательно перебирал разложенные квадратные пластины мнемоблоков, затем отодвинул их.

— Вы понимаете, что я вправе здесь и сейчас, немедленно, сместить вас и остановить работы до прибытия комиссии?

Диспетчер, невысокий худощавый мужчина, обвел взглядом присутствующих, издал странный звук «гымк-к», но ничего не ответил.

— С таким чудовищным нарушением инструкций еще не приходилось встречаться, — продолжал представитель. — Мне кажется, что диспетчерская служба знала обо всем. Кто же теперь будет отвечать? .

— А вам, Александр, непременно нужны головы виноватых? — подал голос мужчина в спяцкостюме трассера.

Представитель Арбитража барабанил пальцами по мнемоблоку.

— Головы надо снимать с поставщиков, одну за другой,— вдруг заговорил диспетчер.— Отставание по Трассе на восемь недель, люди устали, вот и пользуются каждой возможностью...— Он осекся под тяжелым взглядом представителя и снова издал «гымк-к».

— Ну ладно! — поднялся с места мужчина в спецкостюме.— На сегодня пока все. Александр, вы, пожалуйста, задержитесь.

Комната опустела. Мужчина в спецкостюме подошел к окну. В стекло снаружи ударилась небольшая птица, а может, большое насекомое. Мужчина щелкнул ногтем по темному стеклу, птица-насекомое сгнула.

— Тебе привет от Жени,— сказал представитель Арбитража.

— Спасибо. Как она там?

— Спасибо. Вот-вот станет бабушкой.

— Да-а... Двадцать лет не виделись... Ты, смотрю, все в Арбитраже...

— А ты бессменный начальник проходки...

— С твоей помощью могу в ближайшее время сдать дела.

— Хорошо, что ты понимаешь...

— Понимаю. Пойми и ты, что люди не могут месяцами выкладываться здесь, на Трассе, не видя неба и травы. Не видя, наконец, своих детей! И эта чертова иллюминация: восходы синие, малахитовые, фиолетовые, дни желтые и багряные, закаты вообще... В глазах рябит!

— Позволь, Юргис, а что, на других станциях было легче? Здесь хоть кислородный мир.

Юргис хотел что-то сказать, но тут загудел вызов.

— Войдите! — сказал начальник проходки.

Золотистый прямоугольник растаял. В проеме возникла высокая женщина с запавшими глазами, двинулась к начальнику проходки. Юргис спокойно встретил ее взгляд, только плечи слегка подались вперед.

— Нашли? — тихо спросила она.

— Мы разбираемся, Клара, и пока нет оснований беспокоиться...

Женщина резко повернулась к представителю и спросила:

— Скажите, где он? Почему его не ищут?

— Его ищут,— веско ответил Поршневу.— Поверьте, ищут везде. Объявлен всеобщий розыск. Его найдут. Мы ждем...

— Буду ждать здесь,— заявила Клара и опустилась в кресло.

— Пожалуйста,— пожал плечами Юргис.— Как тебе удобнее.

Поршневу помассировал виски и вздохнул. Опять нарушение инструкций вело к трагедии. Опять из-за пустяка ломалась судьба людей.

Трасса... От планеты к планете, от звезды к звезде идут линии самого дерзкого предприятия, задуманного и осуществляемого человеком. Монтаж станций внепространственного переноса длится уже четвертое десятилетие. На первую станцию — два-три года.

Затем переброска оборудования по ВП, все грузится на огромные транспортеры типа «Рубеж», приходят десантники и ведут эти субсветовые грузовозы к планете, выбранной для следующей станции. Цикл повторяется: высадка, налаживание полевой ВП и прием трассеров. А трассеры сразу разворачивают стройплощадку ВП-стационара....

Когда-то и Поршнев восхищался подвигами трассеров, но работа в Арбитраже сделала его скупым на эмоции. Иногда подвиг одного человека был следствием головотяпства и безалаберности другого.

Несмотря на строгие ограничения, трассеры часто пользовались грузовым ВП, особенно в выходные: один соскучился по детям, оставшимся на Большой, другому захотелось погулять по травке под голубым небом... На предупреждения медиков им плевать. Плюют на то, что режимы грузового и пассажирского ВП разные, и на то, что пользование пассажирским ВП разрешено не чаще раза в год. Пусть на линиях строгий медконтроль, служба регистрации и все такое — инструкции не для трассеров писаны! Теперь выясняется, что дети тоже пользуются ВП. Несчастный случай не заставляет себя ждать: исчез семилетний Юра Дьяков, пропал, сгинул на линии. Клара Дьякова на грани нервного коллапса, отец Юры держит себя в руках, но надолго ли его хватит...

Юргис Жемайтис тоже осознавал остроту положения. С одной стороны, люди выматываются, по году-полтора не видят Землю, семейным еще трудней — дети на Большой, в школах. И лезет трассер в грузовые отсеки ВП, прячется за контейнерами, бегает от биоконтроля по переходам. А в последнее время, уже на Хандзе, и дети, кто пошустрее, стали к родителям на воскресенье «прыгать» — благо на грузовых ВП практически нет людей. С другой стороны, на Большой-то куда смотрят? На станциях никакого контроля. А с детей какой спрос: им и к родителям хочется, и за тухтелями — местными животными — погоняться... В итоге мать находит за ящиками личную куртку сына и начинает сходить с ума.

Впрочем, начальник проходки отвечает за все. Если медики запрещают частые ВП, значит, есть причины: малонзученные деривации и все такое. Детям же частые ВП особо не рекомендуются. О мутагенозе давно говорят.

— Со школой связь поддерживается? — спросил Поршнев, когда они с Юргисом вышли в коридор.

Клара осталась в комнате.

— Да. Если объявится, сразу же сообщает.

— Если объявится...

— Шанс есть. Мизерный, но есть. Он мог так хорошо спрятаться, что просто заблудился. Грузовой ВП — это не пассажирский салон, там масса отсеков, переходов, секций. Заблудился, скинул куртку... А пока шастал, было два переноса — сюда и обратно, на Большую. Выбрался, сообразил, что к чему, а тут объявили розыск. Теперь прячется, переживает суматоху. Ему всего семь лет...

— В худшем же случае произошел аварийный сброс, и его выбросило где-нибудь на Кане, на Магдалине или Плунжере... На любой из девяти отработанных планет. Планет, абсолютно не пригодных для жизни. Тогда шансов нет. В блоке ВП воздуха столько, сколько прихвачено с Земли. Пока диспетчеры разберутся, все будет кончено.

— Разве внештатный сброс не фиксируется?

— Если сразу же доброска, то... не знаю! Запроси Большую.

— Я думаю, это уже выяснили. И если нет сообщения...

Перемилька в дальнем конце коридора рассосалась, послышались голоса, появилась группа трассеров. Вперед выступил высокий краснолицый мужчина, державший за ухо жалобно нывшего мальчишку.

— Юра Дьяков?! — дернулся вперед Поршневу. — Нашелся!

— Это Витторио, мой паршивец, — пояснил краснолицый мужчина. — Пролез, понимаете, на грузовозку. Заскучал, говорит...

Поршневу медленно набрал сквозь зубы воздух.

— Так что, вы хотите, чтобы мы его выпороли?

— Что? — не понял краснолицый.

— Подвергли телесным наказаниям, — пояснил Жемайтис.

— Вы тут шутите, Юргис, а малец клянется, будто знает, где его дружок прячется.

— Мальчик, — ласково сказал Жемайтис, — где же ты был раньше?

— В школе, — неожиданно густым басом отозвался мальчик и вдруг, заревев, уткнулся в ремень отцовского спецкостюма.

Болота на Хандзе — вовсе не болота, непонятно, кто их и болотами назвал. Вода по колено, желтые точки светятся и бегают, а дно илистое, но плотное. Здесь всегда дымка, и разноцветные дни смазываются в бесконечное переливчатое марево, вроде северного сияния на Земле, на Большой.

Юра здесь нравится. Взрослые тут еще не были, а кроме него, только Витька знает, ну и, наверное, Танька. Татьяне хоть и четыре года — в первый класс только осенью — но от нее никуда не спрячешься. Впрочем, главное, не трогать ее тухтеля Бобу. А как его не трогать, когда он сам под ноги лезет...

На одном из островков Юра оборудовал себе наблюдательный пункт. Пояс-летучку выпросил у семиклассника Демьяна — в обмен на кристалл хандзейского шпата. Демьян вцепился в кристалл мертвой хваткой, однако на правах старшего долго наставлял Юру о вредности ВП.

— Вот вырастет у тебя на пупке третий глаз или ногти шерстью зарастут... — пугал Демьян, но Юра этих сказок наслушался и сам был большим любителем жутких историй о ВП. На днях до того запугал Витторио, что тот в одиночку и подойти к станции боялся. Смешно! Даже Танька в эти сказки не верит. Хорошо бы Таньку напугать... Нет, этого еще никому не удавалось. Лучше вообще с ней не связываться.

Пластиковые листы Юра взял в прошлый раз у отца. Отец листов десять дал и не спросил для чего.

Хорошо, что не спросил. Врать — последнее дело. Обманывать тоже нельзя. Но в том, что он в свободные дни прыгает через «светлое окошко», обмана нет. Взрослые часто пользуются грузовозкой, хотя, когда видят детей на Хандзе, делают строгие глаза и качают головой. Однажды врач все-таки поймал Юру. Привел к отцу и долго пугал непредсказуемыми сдвигами в организме, но на Большую не сообщил, все-таки свой, из трассеров. Юру два часа держали в медкорпусе — брали анализы, просвечивали, задавали странные вопросы, а потом врач сказал: «Чтоб я тебя больше здесь не видел!» — и ответил к родителям. Но это было год назад, тогда Юра еще не умел прыгать.

Он аккуратно разрезал виброножом несколько листов пластика на треугольники, отсек верхушки, сварил один шов, другой... Через несколько минут Юра собрал из пирамидок и цельных листов что-то вроде кресла. Это была Наблюдательная Башня короедов, или если подклеить еще два листа у основания — Сторожевой Замок Ночных Амазонок. Юра еще не решил, во что будет играть. Дернув пряжку летучки, он медленно поднялся в воздух и уселся на вершине своего сооружения.

В школе, конечно, хорошо, но здесь совсем другое дело. У них в классе только Витька-Витторно из семьи трассеров, остальные ребята к ВП и близко не подходили. Хорошие ребята, только очень правильные. Если нельзя, то нельзя, и никого не уговоришь. Демьян, правда, хоть и семиклассник, но ничего: один раз Юра чуть было не уговорил его на Хандзе прыгать. Демьян подумал, помялся, вздохнул и сказал: вообще-то он бы с удовольствием но обман он обман и есть, нехорошо. Хотя, при чем здесь обман? Одно дело — прыгать через грузовой ВП, другое — как он, Юра...

Желтые точки заматались быстрее, сложились в извилистые линии, потом снова равномерно рассыпались по воде. «Пок, пок, пок...» — лопнули большие пузыри. Запахло яблоками. Светящиеся точки лениво качнулись на волнах, и снова все замерло.

Юра крепко сжал пряжку летучки, сделал круг над островком и опустился рядом со своим сооружением. Такого еще не было. Интересно! Если островок окажется плавающим, то можно поиграть в Ныряющий Материк. Для этой игры нужно побольше народу. Витьку он уговаривает. Танька сама объявится — не было еще такого, чтобы она не пронюхала, где он и с кем. Правда, Витька в последний раз кислый был, боялся один прыгать. Не надо было его пугать. Вместе, конечно, веселой, но у Юры получается лучше и голова не кружится. Пока он Витьку прятал, куртку потерял. Мать сердиться будет. Ничего, сегодня не хватятся, а вечером сразу в школу, к ужину. На сухом мшанике лежалось как на ковре. Юра закинул левую руку за голову, а локтем правой прикрыл глаза. Так смотрелось лучше. Вот первое солнце висит

над головой, а вот второе вылезло из-за горизонта. Словно бумажные кружки, только один немного просвечивает, а второй — как из бархатной бумаги. Интересно! Если по-простому посмотреть, то из-за болотной дымки ничего не увидишь. Если долго так смотреть, то постепенно и звезды проступают — совсем маленькие кружочки. У некоторых рядом темные пылинки. Это планеты. Там, наверное, интереснее, чем на Хандзе, но туда без скафандра нельзя. А кто Юре даст скафандр? Надо поговорить с Демьяном. Семиклассникам, говорят, все можно, а если Демьян захочет, то Юра и его научит прыгать через «светлов окошко».

Юра перевел взгляд вниз. Полупрозрачная каменная толща наливалась голубым сиянием, а в центре Хандзе мерцал творожный шар. От него во все стороны извивались бледные нити...

Юре надоело разглядывать недра Хандзе. Он закрыл глаза по-настоящему и, естественно, ничего, кроме светящихся кругов, не увидел. Тогда он посмотрел за горизонт и увидел городок.

С крыши диспетчерского здания поднялся катер и полетел в сторону болот. Разглядеть было нелегко — слишком близко, но Юра сосредоточился и увидел отца, трассеров, а главное — среди них сидел Витька и тыкал пальцем в экран планшета.

Глаза заслезились. Юра запыхтел и перестал разглядывать.

Ну, Витька, ябеда! Про остров рассказал, теперь Юрке точно влетит! Отец какой-то уставший, толком не разглядел. И столько людей...

Ищут его. Витька проговорился, что был не один, в школе узнали... Шум будет. Сначала поругают, а вот потом жалеть начнут — мол, понимают, как хочется у родителей побыть, и все такое. Хуже нет, когда жалеют. Сам раскиснешь. Танька ехидничать будет — иди к нам, Юрочка, в детский сад, у нас весело...

Ну, нет. Пока они сюда доберутся... Витька прыгать еще не умеет, а взрослые тем более. Надо возвращаться в школу!

Юра пнул ногой сооружение, и оно шумно плюхнулось в воду.

Подобрав с травы вибронож и тубики с клеем, осмотрелся, соображая, не оставил ли чего, затем тронул ленточку и поднялся на несколько метров. Остановился в воздухе, закрыл глаза и начал ориентироваться. Нашел направление, сделал глубокий вдох и четырьмя короткими санстящими ударами правой руки разрезал тугой воздух. Возник слабо светящийся прямоугольник. Юра скользнул в него и сильным ударом левой руки закрыл за собой вход.

— Это он мог соорудить раньше, — сказал Поршнев. Причудливо склеенные листы пластика — все, что им удалось найти, — лежали на полу диспетчерской.

— Может быть... Может быть... — пробормотал Жемайтис.

Его не оставляло смутное беспокойство.

— Послушай,— начал он,— сколько у нас ушло на дорогу?

— Пятнадцать — двадцать минут в один конец.

— Это на катере. А как мальчик добрался до острова?

— Пояс...

— На пояс два часа. Пыль. Жара. Не всякий трассер рискнет...

— М-да... Ну что же, значит, кто-то из взрослых доброхотов подбрасывал мальчика на катере. Придется опросить весь состав.

Жемайтис крикнул и промолчал. Неутешительно, очень скверно. Техника на проходке выше всяких похвал, но после работы трассеры превращаются в обыкновенных усталых людей, в родителей, которые уважают правила, но ради возможности повидаться с детьми или родственниками на Земле идут на риск. Пусть не физический риск, дисциплинарный... Можно попрекнуть и Большую: слишком трепетно земляне относятся к трассерам, а от благоговения до попустительства один шаг.

На тех станциях было легче — угрюмые неокислородные миры, экстремальные ситуации. И речи не могло идти о таких нарушениях. Здесь, на Хандзе, расслабились. А ежемесячный контроль показывает: все в норме, отклонений нет, и сами врачи с каждым годом все больше и больше забывают о своих ВП-фобиях. Жуткие истории о первых испытателях уходят в прошлое, все меньше фактов и все больше легенд...

— Неувязочка получается,— вдруг сказал Поршнев.— Витторио утверждает, что Юра почему-то бросил его. Они часто пользовались ВП вместе, но на этот раз еще на Большой куда-то исчез, и после переноса они не встречались.

Жемайтис встал и подошел к креслу Поршнева.

— Я надеюсь только на то, что это недоразумение и Юра сейчас играет где-нибудь у школы. Всепланетный розыск — это впечатляет. А если он сейчас ловит рыбу и в радиусе двадцати километров ни одного взрослого с браслетом связи?

— Поня-а-тно...— Поршнев тоже поднялся и встал лицом к лицу с Жемайтисом.— А был ли мальчик? Так, что ли? Хорошо, если с ним ничего не случилось. Но и в этом случае я потребую для терминалов ВП «Режим», Потребую, а не предложу!

— Это... унинительно...— тихо сказал Жемайтис.

— Увы! Если не хотите следовать правилам сами, то придется на станциях держать представителей Арбитража. Если на автоматику вам плевать, то будете иметь дело с людьми. Смотрите им в глаза и обманывайте, если захотите...

— Режим... Слово для младенцев! Как я людям объясню!

— Правила для всех одни, и трассеры — не исключение. Если бы раз в полгода вас сменяли новые проходчики, не было бы и таких происшествий. Но со сменностью дело плохо. Трассер заключает контракт на

два-три года, иначе не оправдываются опыт и знания. Такой срок выдержать трудно, вот и ищут лазейки, чтобы чаще бывать на Большой. Трасса — столкновение крайностей, а все из-за того, что не налажена сменность. Здесь надо быть таким матерым проходчиком, как ты, Юргис, либо меняться каждые полгода...

— За полгода человек только-только успевает адаптироваться.

— Так что же, потакать им? У твоих людей формируется подсобная обособленность, складывается ироничное отношение к инструкциям. Накапливается усталость... Ладно! Вернемся к Юре. Я послал дополнительный запрос. Сейчас допрашивают одноклассников — всех, кого можно найти в воскресенье. На Большой, в детском саду, находится сестра Юры, Татьяна. Ей четыре года, но, возможно, она знает о привычках брата.

— Пойдем-ка к Дьяковым, — сказал Жемайтис. — Может, они что вспомнят. Но если окажется, что Юра все время прятался под кроватью в отчем доме, я собственноручно накручу ему уши.

От диспетчерской коридор шел под небольшим уклоном вниз. От коробки фильтра к жилым корпусам веером расходились арочные переходы, обтянутые полупрозрачным пластиком.

Клара Дьякова сидела за столом. Рядом ее муж Сергей.

Увидев вошедших, Дьяков вскочил с дивана и подошел к Жемайтису.

— Ищут, Сергей, ищут. В поиске очень многие. Может быть, Юра сейчас где-нибудь играет, а куртку случайно потерял, когда «лодбрасывал» своего дружка Витторио...

— Где, где он играет?! — почти прокричала Клара. — Каждое воскресенье он... — Женщина закусила губу и опустила глаза.

— Успокойся, Клара, — сказал Жемайтис. — Ну вспомни, Юра не рассказывал о своих планах на воскресенье? Может, его друзья звали с собой, вот он в последнюю минуту и передумал.

— Нет, он только к нам...

«Вот так, — подумал Поршневу, — в школах расписывают досуг учеников поминутно, воспитатели расшибаются, лишь бы детки были довольны. А детки играют в свои игры, детки славные, что и говорить, но иногда родители преждевременно седеют...»

— У Татьяны надо спросить, — сказал Сергей Дьяков. — Она про Юру все знает.

— Сделали запрос. С Татьяной уже, по всей видимости, говорили. Но она вряд ли знает о его играх здесь, на Хандзе. — С этими словами Поршневу испытующе посмотрел на Дьяковых.

Клара шумно вздохнула, а Сергей виновато развел руками.

— Та-а-а-а! — протянул Поршневу. — Это что же, и четырехлетний ребенок пользуется грузовой ВП?

— Нет-нет, что вы! — Клара вздрогнула. — Грузовой только раз, в прошлом году.

— Ну, в таком случае... — начал Поршневу и осекся.

Он увидел, как у Юргиса расширились глаза и слегка отвисла челюсть. Побелели руки Клары, вцепившиеся в столешницу. Жемайтис и Дзякова смотрели ему за спину, где ничего не должно было быть, только спинка кресла и стена.

— Мама! — раздался плаксивый голос. — Юрка Бобу пнул!

Поршневу обернулся. У стены стояла девочка в синем платье и держала на руках скалившего зубы тухтеля.

Поршневу сглотнул ком в горле и сипло выдавил:

— А гх-хде Юра? Юра!

— У нас в садике прячется... Его ищут, а он... он Бобу пнул.

— Как ты сюда попала? — дуэтом спросили Поршневу и Жемайтис. Девочка захихикала.

— Подумаешь! Юрка думает, он один в скакалку умеет. А я всю нашу группу научила. А в доставалку он вообще играть не может. Мам, я его сейчас достану, а ты скажи, чтобы он Бобу не трогал.

Четырехлетняя Татьяна опустила тухтеля на пол, протянула вперед обе руки, зажмурилась и со словами «прятал, прятал, не сказал, а я видел и достал» резко дернула к себе сжатые кулачки. В воздухе слабо пыхнуло фиолетовым, и невесть откуда с грохотом свалился худой взъерошенный мальчишка.

— Юра, Юрочка! — вскочила Клара.

— Ну Танька, ну, вредина! — Мальчик схватил сестру за руку. — Я твоего Бобу... — Он замолчал и окинул взглядом взрослых.

Юра и сам не понял, что он увидел у них в глазах, но на всякий случай быстро и как можно убедительнее сказал:

— Я больше не буду!..

ДАНИИЛ КОРЕЦКИЙ

Логика выбора

Вода была теплой, песок горячим, а воздух раскаленным, и пока я пробирался между бросающими мяч коричневыми девушками в открытых купальниках к своему месту, кожа почти совсем высохла. Одежда лежала так же, как я ее оставил, а портфель — шикарный черный богатого вида «дипломат» — исчез. Я опустился на красный пластиковый лежак и закрыл глаза. Если бы похититель смог удержать «дипломат» у себя да еще сумел бы его открыть...

Сосредоточиваться не хотелось: купание и солнце оказывали

расслабляющее воздействие, и мне пришлось напрячься, преодолевая себя. Вор появился через пять минут — здоровенный парень с наглым лицом, на котором застыла гримаса испуга. Он не понимал, что с ним происходит и почему он вернулся, но инстинкт и прошлый опыт подсказывали: ничего хорошего ждать сейчас не приходится. Когда он поставил портфель и я его отпустил, он на секунду замешкался, ошале-ло тряс головой, а потом сорвался с места и, опрокидывая ничего не понимающих людей, бросился бежать.

— Чего это он? — удивился сосед справа — средних лет мужчина с могучим торсом. — Псих, что ли?

— Скорее всего. — У меня было много свободного времени, и я, установив тент, задремал в тени.

— Еще одно загадочное похищение! — пронзительный мальчише-ский голос вернул меня к действительности. — Бесследно пропал из своей квартиры профессор Кристофер! Кто следующий?

Я купил газету. Первая полоса пестрела броскими заголовками: «Зловещая загадка века!», «Куда исчезают известные ученые?», «Кому выгодна утечка мозгов?».

— Что вы думаете по этому поводу? — Сосед уже несколько минут заглядывал через плечо и, наконец, не выдержал.

— Что тут думать? Как всегда одни враки, чтобы поднять тираж.

— Вот как? — Он облизнул сухие губы. — А куда же, по-вашему, делся Кристофер?

— Мало ли! Закатился с любовницей в Роганду или растратил ка-зенные деньги, купил паспорт и живет припеваючи под чужой фами-лией, а может...

— Бросьте, бросьте! — Собеседник протестующе поднял руку. — А остальные? Два физика, генетик, молекулярный биолог, химик — де вот здесь список. — Он ткнул пальцем в страницу. — Двадцать шесть человек! Они что, тоже в Роганде? Может, у них у всех любовная лихорадка?

— Ну, этого я не знаю. В мире ежедневно происходит столько событий, что, если сделать выборку по совпадающим признакам, у нас появится не меньше сотни необъяснимых загадок.

— Вот именно, — вмешался сосед слева — рылый толстяк, кожа которого обгорела до шелушения. — Обычное совпадение, на которое бы не стоило обращать внимания, да оно оказалось кое-кому на руку. Как же — наживка для дураков! Заглотнул — и пережевывай, а все остальное само собой отойдет на второй план! Вот, смотрите! — Он выхватил у меня из рук газету. — На последней странице мелким шрифтом, скромно: «Сообщение государственного астрономического общества. Необычная насыщенность небосвода звездами пока еще не объяснена, но никакой опасности это явление представлять не может...»

Толстяк сардонически захохотал.

— И это после месячной истерии: дурное предзнаменование, все-ленская катастрофа, конец света! Как вам это нравится? Ясное дело — правительственный запрет! А чтобы отвлечь людей, сфабриковали сенсацию: исчезновение знаменитых ученых! А те небось сейчас на министерских дачах прохлаждаются!

— Не знаю, не знаю,— покачал головой сосед справа.— Только вот что.— Он наклонился поближе и понизил голос.— На моей улице тоже пропали двое — муж и жена. Про них-то, понятно, в газетах не пишут: люди маленькие, никому не интересные, не то что Кристофер! Но мы, соседи, знаем: жили — и нет их, а дом не заперт и вещи все на местах. Что вы на это скажете?

— А то, что мне наплевать! — брызнул слюной толстяк.— Я хочу знать: почему на этом чертовом небе появилась такая уйма этих чертовых звезд?! И самое главное, что меня интересует,— буду я жить или сыграю в ящик?! Кто может мне ответить?!

Единственным человеком, который знал ответ, был я. По крайней мере в этом полушарии. По повышенной аффектации и надрыву в голосе чувствовалось, что толстяк пьян. Он смотрел жалкими глазами и явно ждал утешения. Его не волновала судьба цивилизации, да и вообще ничего, кроме собственной шкуры. Свинья. Терпеть не могу животных в человеческом обличье, и мне совершенно не хотелось его утешать. Да и вряд ли бы мой ответ его утешил.

— Обратитесь в астрономическое общество,— посоветовал я, собирая вещи.— И меньше пейте в жару, тогда не будет мерещиться всякое...

Песок начал остывать, косые лучи солнца почти не давали загара, занятых лежаков заметно поубавилось — многие расходились по домам.

Четыре девушки продолжали перебрасываться ярким желто-зеленым мячом у самого края волнореза. Почти обнаженные, тонкие, гибкие, длинноногие. Если бы они вдруг свалились в море... Не здесь, где полно народа и сколько угодно спортивных парней, способных мигом превратить пустячную неприятность в повод для знакомства.

Мрачный пустынный берег, зловещие блики на днище перевернутой шлюпки, вода, безжалостно захлестывающая легкие, отчетливое ощущение неминуемой смерти, отчаяние последних мгновений...

Возникшая картина была плоской, двухцветной и, как всегда, дьявольски правдоподобной. Конечно, я бы вытащил всех четверых, но есть жестокое дополнительное условие: спасти можно только одну, больше не успеть, даже превратив кровь в пар и перервав мышцы. И твоя жизнь не козырь в этой игре — самопожертвование ничего не изменит. Они все одинаково далеко от берега, иначе все было бы просто — решал случай, слепой рок, судьба. Только одну! Которую? Ту, что громче кричит? Или ту, что сильнее колотит по воде? А может, ту,

которую уже накрывают волны? Решай, и спасенная будет жить — молодая, красивая, привлекательная, а остальные... Девушки смеялись, дурачились, не подозревая, что через секунду трое из них погибнут по моей вине.

Видеть этого я уже не мог и быстро пошел прочь, инстинктивно тряс головой, чтобы отогнать наваждение.

Но в чем состоит вина человека, поставленного обстоятельствами перед убийственной в своей простоте дилеммой: одна или никто? Останowi я сейчас любого прохожего, растолкуй ему суть вопроса, он скажет: ерунда, шуточки подсознания, а в жизни такого не бывает! И останется только улыбнуться в ответ, если бы я еще умел улыбаться.

Понять меня мог лишь кто-то из наших. Когда доходишь до предела, больше всего нуждаешься в единомышленнике, чтобы со стороны услышать подтверждение правильности, полезности и гуманности работы, веру в которую начинаешь терять. Поэтому я так ждал условленного времени и так боялся его.

Горик на связь не явился, и это могло означать только одно. Вопреки всем правилам я три часа ждал его в кафе, чувствуя, что из меня вынули позвоночник, но все же на что-то надеясь. Сидел как ни в чем не бывало, потягивал тягучую лему — отаратительное пойло, к которому за два года так и не смог привыкнуть. Здесь меня и нашла Клайда.

На этот раз она играла роль брошенной жены, скорбная, поникшая, в глазах тоска.

— Куда ты пропал? — убито произнесла она. — Я измучилась, потеряла покой... А тут еще эти звезды... Я три ночи не сплю, схожу с ума...

Даже сейчас мне было приятно на нее смотреть, низкий, чувственный голос обволакивал сознание и трогал затаенные в глубине души струнки, вызывая щемящую грусть.

— Ты же знаешь, как я тебя люблю, мне никто не нужен, я не могу жить без тебя...

Если бы это было правдой, все обстояло бы по-другому. Легче бы переносилась оторванность от дома, иссушающие мозг нагрузки, тяжкое бремя решений, колоссальное нервное напряжение каждого дня. И плавать бы мне было на многочисленных яхтах, филеров, агентов, сыщиков разных мастей и на все Специальные Бюро в целом. Конечно, я не смог бы полностью открыться ей, но знаю наверняка — было бы легче. Я перестал бы терзаться, метаться в кошмарных снах, исчезли бы эти проклятые, безжалостно обвиняющие плоские картины. Я бы мог продуктивнее работать, прошла бы изнуряющая усталость, да и энергетический ресурс организма не снизился бы до предела... Но она лгала. Как всегда умело и изощренно.

Интересно, в силу какого великого закона подлости и несправедливости из миллиардов женщин двух миров дрянью оказалась именно

эта — самая близкая и необходимая! Ответ прост и стар, как фраза «предают только свои». Но одно дело знать что-либо абстрактно, и совсем другое — испытать на себе. Мучиться, путаться в самых невероятных догадках, пытаться разобраться в многочисленных странностях поведения, расхождении слов и поступков, недоумевать мелким и как будто безобидным несуразностям. Никогда бы не поверил, что со мной такое случится! Образ любимой женщины двоился, а я, уподобившись новичку-наблюдателю, тер стекла бинокля и крутил винт фокусировки. Не мальчик — опыт, специальная подготовка, неплохое знание психологии. И не распознал в ней двуличия, порочности, лицемерия! Мог ли кто-нибудь из моих учителей предположить, что возможна такая слепота, когда способность к анализу внутреннего мира другого человека утрачивается начисто? А сам я мог подумать, что докачусь до использования особых способностей в личных целях, нарушив нормы, которые всегда казались неизменными?

— Я искала тебя по всему городу, ходила на старую квартиру, но никто ничего не знает...

Тонкие черты лица, узкий чувственный нос, прекрасные карие глаза. Теперь, когда я знал правду, все ее потуги казаться порядочной женщиной могли вызвать только презрительную усмешку. Но мне не хотелось усмехаться, не хотелось ругать себя за глупость, не хотелось читать холодную расчетливость в ее взгляде. Не приняв меня всерьез, она проиграла, ибо я мог дать ей больше, чем кто-либо другой на этой планете. Но я проиграл тоже, потому что продолжал ее любить. Мне нельзя было с ней сегодня встречаться, никак нельзя!

— ...если бы ты знал, что у меня на душе, о чем я думаю...

Ну что ж, разом больше, разом меньше...

— О Гребковском. Устроит ли участок для домика в центре Безмолвной рощи, как обещал. И хватит ли ему того, что уже получил, или надо будет еще добавить деньгами. — Я никогда не видел Клайду растерянной и сейчас, глядя, как меняется ее лицо, обрадовался волне злости, стирающей ненужные чувства. — Эта мысль не на переднем плане, но по важности превосходит все остальные!

Я сумел выдержать паузу, пронаблюдал, как она сменила амплуа, надев маску оскорбленной невинности, и вышел на улицу. Больше всего мне сейчас хотелось застрелиться.

— Сколько времени? — Дорогу заступил плюгавый человечек с незапоминающимся лицом.

— Пять.

До главной встречи целых три часа.

— Спасибо.

Мне не понравился его взгляд — слишком пристальный для случайного прохожего. Если пойдет следом...

Он ввалился в бар. Ничего не значит, мог передать меня напарнику.

Вот подтянутый мужчина в строгой одежде. Почему он здесь стоит?

Я свернул за угол, вышел на прямой широкий проспект, смешался с толпой, незаметно огляделся. Так, так, так, ага, вот оно! Два парня, студенты в одинаковых спортивных маечках, кажется, я их уже видел... Кольцо сжимается? На подобный случай у меня обширный арсенал всяких приемов, но... Я прислушался к себе. Сейчас я не в состоянии воспользоваться ни одним из них. Остается самое примитивное.

Высокая арка, вымощенный кирпичом двор, узкая задняя калитка, глухая улочка, еще один проходняк, низкий деревянный штакетник... За мной никто не гнался. Это тоже ничего не значит: при квадратно-сетевом наблюдении исключена всякая беготня, крики, суматоха. Правда, метод сложный, дорогой, требующий большого количества высококвалифицированных сотрудников, и потому применяется редко, только при охоте на очень крупную дичь. Но я, несомненно, считаюсь такой дичью.

Переулоч круто поворачивал направо. Безлюдно, только в середине квартала, возле уютного старинного особняка прогуливается женщина. Интересная, высокая, в глухом, отливающим красной медью шелковом балахоне от горла до щиколоток — последний крик моды. Что делать такой даме на пустынной окраине? Нет, это неспроста!

Поворачивать назад не имеет смысла, я только подобрался, прикидывая расстояние до массивной двусторчатой двери в чисто выбеленном фасаде. Сколько человек стоят за ней?..

Хватит, черт побери! Неврастеники! Ты же сходишь с ума!

Напуганный загнанный человек, отчаянно спасающийся от воображаемых врагов, бесследно исчез. Я медленно приходил в себя. Эка куда меня занесло! Совершенно незнакомый район. Проклятье! Я повернул обратно.

Нет, так продолжаться не может! Сейчас опять навалятся мысли о Клайде, воспоминания, нахлынет тоска, апатия... Я привык чувствовать себя предателем, недаром за квартал обхожу детей: стоит зазеваться и мигом появляется плоская картина с языками пламени, пеннистыми волнами, паровозными колесами и отчаянно-умоляющим взглядом ребенка, в помощи которому ты отказываешь. Но оказывается, быть преданным не менее тяжело.

Плюнуть и рвануть в Роганду, разом решив все проблемы! Все! Увы, только одну — ничего не опасаться: я невидимка, когда не делаю свое дело. А что до остального... Ни лема, ни зеленый дым не помогут, так уж по-дурацки я устроен. Вот если бы вытравить из себя разную чепуху — принципы, убеждения, долг, совесть... Но чем тогда я буду отличаться от животных?

Смеркается. Время. Я направился к центру. Противоестественный вид исколотого мириадами точек неба внушал парализующий биологический ужас, возникающий где-то на клеточном уровне. Недаром

люди вокруг нервные и взвинченные. Самочувствие отаратительное, и, что самое скверное, нет уверенности в себе.

Поведение Т. в предстоящей ситуации моделировалось компьютерами по всем правилам теории игр. Следовало, как обычно, нащупать варианты, дающие положительный эффект при любом, даже самом неблагоприятном раскладе. Но сделать этого не удалось. Все зависело от меня, а я совершенно не готов к разговору.

Т. жил в старом многоквартирном доме. Перед высокой резной дверью с облупившейся краской я на секунду остановился и попытался настроиться нужным образом, на миг мне даже показалось, что это удалось. Звонок тренькнул едва слышно, и тут же щелкнул замок. В дверном проеме стоял крупнейший философ планеты, специалист по логическим системам, автор сотен статей, десятков монографий и фундаментальных учебников, основоположник официально признанной доктрины о принципах этической допустимости. Маленький лысый человечек с нездоровым лицом обезьянки в мешковатом, не очень свежем домашнем халате.

Часто встречающееся несоответствие облика масштабу внутреннего мира творца всегда меня поражало, но сейчас поразило другое: Тобольган знал, кто я и зачем пришел.

— Вот вы какие, — медленно проговорил он, внимательно рассматривая меня холодным, пронизывающим взглядом. — Внешность истинная или результат трансформации?

Держался Тобольган очень уверенно и чувствовал себя хозяином положения: в кармане он тискал маленький, но достаточно мощный пистолет, из которого собирался, когда подойдет момент, выстрелить себе в голову.

— Что с вами? Неужели нервы? Не ожидал! Я представлял пришельцев какиста лишенными эмоций!

Пот у меня на лбу выступил от напряжения: удалив патрон из патронника, я так и не смог разрядить обойму. В подобном состоянии не следовало сюда приходить — дело могло принять скверный оборот.

— И неправильно. — Хорошо хоть, что голос оставался спокойным. — Эмоции у нас обычные. Можно войти?

Тобольган отступил в сторону. Любопытство в нем пересиливало страх. В первую очередь он оставался ученым, исследователем.

— И в другом вы ошибаетесь. — Стараясь держаться как можно непринужденнее, я сел в кресло. — Нет у нас ни захватнических планов, ни своекорыстных устремлений. Про «мозговые лагеря» тоже чушь. Если бы не эта звездная чехарда, мы бы вообще не появились — тут вы правы.

— Однако! Вы читаете мысли? Впрочем, чему удивляться — высшая цивилизация!

Я и не подозревал, что Великий Тобольган так пропитан сарказмом.

— Это трудно?

— Не очень, но требует колоссальных затрат нервной энергии. И по моральным соображениям допустимо только в строго ограниченных случаях.

— Сейчас как раз такой случай? — съязвил Тобольган.

— Да. Но чтобы это вас не угнетало, я предоставляю вам возможность заглянуть и под мою черепную коробку. Тогда вы быстрее все поймете и поверите наконец, что никто не собирается вас похищать. И может быть, оставите в покое свой пистолет. Расслабьтесь!

Когда я окончил передачу, то ощутил, что иссяк окончательно. Тобольган сидел молча, не открывая глаз. Предстояло переварить очень многое, но раз он сумел вычислить даже мой приход, значит, подготовлен больше других и ему будет легче.

— Как называется ЭТО? — Последнее слово он выделил.

— Сближение галактик. Они соприкоснутся чуть-чуть: периферийные спирали пройдут друг сквозь друга. К сожалению, ваша звездная система попадет в зону контакта.

— А есть вероятность, что Навоя не пострадает?

— Ну... Если при прохождении не произойдет прямых столкновений звезд и планет, если гравитационные возмущения не поломают орбиты и не сорвут атмосферу, если... Словом, вероятность около трех процентов.

— С учетом закономерности неблагоприятных последствий шансов практически нет.— Тобольган не оставлял места иллюзиям.— Значит... Сколько времени у нас в запасе?

— Это определяется многими факторами. От трех до пяти лет, может, чуть больше.

— И тут вмешиваетесь вы. Идея сама по себе прекрасна... Вы подыскивали подходящую звездную систему и прекрасную планету, так сказать, Навою-II, все это очень благородно... Но есть одна маленькая загвоздка.— Тобольган поднял указательный палец.— Сколько человек вы успеете эвакуировать?

— Около пятидесяти тысяч.— Я уже понял, куда он клонит.

— Всего-то?! Но население Навои составляет полтора миллиарда!

— Лучше спасти часть, чем потерять целое.— Я говорил уверенно, как будто этот вопрос не был самым болезненным в Навойской проблеме.

— Несомненно. Но как отобрать эту самую часть?

— Пропорционально численности отдельных групп населения, чтобы сохранить социальную структуру общества.— Вот сейчас и начнется самое главное.

— Какого общества? — Тобольган привстал, как сеттер, почуявший дичь.

— Не понимаю.— Я постарался произнести это как можно естественнее.

— Сейчас поймете! — Он встал и заходил по комнате.— Почему вы пришли за мной? Тут неподалеку живет мой коллега Мейзон. Он бездарность, тулица, его труды — сплошная компиляция и плагиат, но он не меньше меня хочет жить. К тому же у него жена и трое детей. Кстати, ваши благодеяния распространяются на близких? Вот видите! А я одинок! Почему же вы хотите сохранить пропорции социальной структуры за счет этого бедняги?

— Вы знаете, что никто на Навое не может объяснить «феномен звездного неба»? — Я перешел в контратаку.— Потому что астрономия находится в зачаточном состоянии, об астрофизике и космогонии вы вообще не имеете понятия. В свое время Акоф начинал работу в этом направлении, но его объявили шарлатаном и бездарностью, лжеученым! А кто объявил? Шарлатаны, бездарности и лжеученые, занимающие в науке ключевые посты! На Навое-II такое не должно повторяться!

— Вот и ответ,— печально улыбнулся Тобольган.— Вы ставите целью не спасение навойской цивилизации, а создание новой. Улучшенной модели, преломленной через призму вашего понимания...

— А это плохо? Или нечего улучшать? Может, вы никогда не заглядывали под лакированные маски, скрывающие неравенство, разложение, уладок?

Он помолчал, наморщив огромный и без того морщинистый лоб.

— Что ж, к улучшению породы прибегают давно, правда, до сих пор ограничивались животноводством... Скажите, а там, у себя, вы уже преодолели все трудности, достигли вершин мудрости и знаете, каковой должна быть Навоя-II? Словом, вы готовы к селекционной деятельности?

— Как вам сказать... Проблем хватает. И до вершин далеко: ведь с каждой достигнутой открывается следующая, еще более высокая. Но надо ли обладать абсолютom знаний, чтобы выбирать: дать сгореть разумной жизни или пересадить ее в безопасное место?

— Весь вопрос, как «пересадить»! Из ничтожной части кирпичей разрушаемого дома нельзя выстроить точно такое же здание! В лучшем случае — уменьшенную копию!

— Человеческое общество в отличие от неживой природы способно к разумному воспроизводству...

— А у вас есть право определять пути его развития?

— Боюсь, что нет.— Мне не хотелось тягаться с автором известных философских концепций, но выбора не было.— Однако не всегда правильное решение — панацея. Безукоризненные построения могут быть полностью нежизнеспособными. У нас есть притча про осла, который, оказавшись между одинаковыми стогами сена, логически обдумывал, с какого начать. Бедняга умер от голода! Извините, я

мрачную аналогию, но, надеюсь, вы не хотите, чтобы Навою постигла та же судьба?

— Гм! Осел между равными стогами сена... И разумеется, на одинаковом расстоянии... Интересно! Здесь, конечно, есть изъян, и сейчас я его найду.— Можно только удивляться быстроте, с которой переключался ход мыслей Тобольгана. Он оживился, порозовел, схватил карандаш и полез было за бумагой, но сработало какое-то невидимое реле, и он пришел в себя.— Ладно, потом...— Он махнул рукой.— Но вы подменили тезис: бесспорно, цель у вас самая благородная, глупо спорить! Но каковы средства? Вы соберете талантливых ученых и создадите элитарное общество! Впрочем, здесь еще есть объективный критерий — чины, степени, звания в расчет принимать нельзя, но остаются способности, труды, достижения. А как быть с так называемыми простыми людьми? Рабочими, крестьянами, плотниками...

— Здесь тоже есть критерии. Общечеловеческие. Честность, порядочность...

— Это довольно расплывчатые понятия, к тому же они постоянно меняются. Но, предположим, что вы выбрали их. Почему? Должна же быть какая-то логика отбора!

— Вы замечали, что благородные люди уязвимее трусов и приспособленцев? Ну-ка, ответьте: кто скорее бросится в пожар спасать ребенка или уступит место женщине в последней шлюпке? Вот то-то и оно! По вашему, это логично? А на мой взгляд — жесточайшая несправедливость! Естественный отбор наоборот! Кому он на руку? Дуракам и иждивенцам. Лично мне не нравится, когда торжествуют такие особи. Логика отбора в том и состоит, чтобы поправить порочную закономерность!

— А вы не задумывались, что если бы не способность к самопожертвованию, то герой ничем бы не отличался от труса? Лишить его этого свойства — значит уничтожить и нравственное превосходство!

— Станный взгляд на вещи.

— Отнюдь. Просто с другой стороны и это естественно: любая жизненная позиция имеет две грани. Вопрос в том, какую выбрать.

— Мы снова вернулись к логике выбора?

— Не только. Скажите, кто принимает решение об эвакуации конкретного навойца? Я имею в виду окончательное решение.

— К сожалению, я.

— Вот даже как? — Тобольган развел руками.— Единолично? Я промолчал. Он бил в самые уязвимые точки.

— Не слишком ли велика ответственность? И не боитесь ли вы ошибиться? Ведь, как мы только что выяснили, четких представлений о том, кого спасать, а кого оставлять на погибель, у вас нет. Так, личные ощущения — симпатии, антипатии. Они годятся, чтобы выбрать себе подругу и то вы оцените большую совокупность параметров: рост,

цвет глаз и волос, объем груди, талии, бедер, овал лица, форму ног. А тут...— Он снова развел руками.— Такой дилетантский подход к судьбам людей и будущему цивилизации мне, извините, не понятен!

Да, в таком состоянии не следовало сюда приходить. Впрочем, даже находясь в отличной форме, я бы не смог перенести Тобольгана. Мы оба правы, каждый по-своему. И с точки зрения логики, он прав более, чем я. У нас в Совете тоже были головы, считающие, что этичнее оставаться в стороне: в конце концов мы не отвечаем за космические катаклизмы, а за вмешательство в развитие чужой цивилизации отвечать придется. Хотя бы перед собой. Но я не признаю такой логики. Да и остальные участники операции тоже.

— Значит, вы отказываетесь? — На этот раз мой голос был хриплым и усталым.

— А что будет, если откажусь? — Тобольган снова сунул руку в карман.

— Ничего. Я встану и уйду. А вы забудете, о чем мы говорили.

— Забуду? Это унижительно. И задачку жаль... Впрочем, что с нами церемониться? Вы же сверхсущество, эмиссар, уполномоченный решать судьбы людей и планет! Вы не знаете сомнений, вы непогрешимы, так что...

— Я бы с удовольствием поменялся с вами местами.— Этого, конечно, уже говорить не следовало, но я не мог сдержаться.— Брюзжал бы, задавал логические задачки, считал бы себя добрым и справедливым, легко становился в позу обиженного, сам себя жалел и успокаивал. Но приходится заниматься другим. На Навое нас высадились двадцать человек — добровольцы, по десятку на континент. Вопросами, которыми вы меня сегодня кололи, нас исхлестали еще на Земле, и здесь они мучали нас ежедневно и ежечасно. Но мы делали свое дело — чертовски трудную и неприятную работу — и кое-чего достигли.— Я перевел дух.— Это не прошло незамеченным, у вас ведь много зорких служб — полиция общая и тайная, разведка, контрразведка, Специальное Бюро... Здесь моих товарищей приговаривали к смерти как шпионов Агрегации, а там — как ваших диверсантов! А после одного случая нас перестали арестовывать и, как особо опасных, расстреливали из засад! Сегодня я остался один! — Я не заметил, как перешел на крик.— Я устал, измотался, нагромодил личных проблем и докатился до того, что трачу нервный потенциал, чтобы лишний раз убедиться во лживости женщины, которую любил! За мной уже охотятся, а я в состоянии выжатого лимона прихожу к вам и пытаюсь переубедить сильнейшего логика Навои! Вот вам отсутствие сомнений и непогрешимость! А сейчас я выбалтываю все это вам неизвестно почему!

Тобольган слушал внимательно и даже несколько растерянно.

— Так давайте поменяемся местами! Я буду сидеть в мягком кресле, спокойно спать, избегать смотреть на небо, а в минуты депрессии

сознавать, что существует замечательный и простой выход из любых положений.— Я швырнул в полированную пепельницу маленький, блестящий смазкой патрон с остроконечной пулей.— А что будете делать вы? Останетесь наблюдателем? Возьметесь заселять Навою-11 посредственностями и мерзавцами? А может, все-таки используете свои представления о том, как можно «улучшить породу»?

Тобольган молчал.

— Но имейте в виду, что в любом случае вас ждут жесточайшие сомнения, угрызения совести, временами даже презрение к себе! Вы зададите себе тысячу вопросов, на которые не сможете ответить! Вас будет сгибать бремя ответственности, боязнь ошибок и постоянное чувство неправомерности собственных действий! Но так работать нельзя и вам останется только сжать зубы и поступать в соответствии со своими убеждениями! Чтобы потом мучиться до конца жизни...

Я обращался не к Тобольгану. Передо мной была вторая половина моего собственного «я», погрязшая в паутине самокопания и колебаний, отравленная ядом нерешительности, растерянная, неуверенная, утрачивающая способность к активным действиям. Но теперь она находилась вне меня и потому больше не представляла опасности. К тому же я остро ощущал свое превосходство.

Я встал и поднял портфель.

— Только, знаете, я не стану с вами меняться. Это стресс, он пройдет. А я ненавижу чистоплюев, которые всегда правы, потому что стоят в стороне! И честно говоря, не люблю железную логику! Потому и пошел в добровольцы.

Я наклонился к Тобольгану и заглянул ему в глаза.

— А на Навое-11 уже рождаются дети! И построено два города, пусть маленьких, но настоящих! И там нет преступности, пьянства, разврата и прочей мерзости! Вот так, Великий Логик метр Тобольган!

Проснулся я бодрым и уверенным, хотя запас энергии полностью и не восстановился. Тобольган оказался отличным кулинаром, и мы с аппетитом позавтракали. Потом он долго мыл посуду, а я лежал в кресле с закрытыми глазами и старался расслабить каждую мышцу. Завтра придет второй отряд добровольцев — сто пятьдесят человек. Даже после полученной подготовки месяц-другой им придется осматриваться, вживаясь в местную жизнь. А мне предстоят организационные хлопоты и текущая работа. Правда, теперь работать и ждать будет веселей. И опасней.

Честно говоря, мне дьявольски хотелось домой. Но опытных, знающих обстановку, хорошо внедренных специалистов никогда не отзывают. Да они никогда и не просят об этом.

— Я готов.

Тобольган упаковал в саквояж только самое необходимое, книги мы заберем позже.

В прихожей он замешкался и как-то растерянно оглянулся.

— Похоже на сон... Фантастические события в будничной обстановке. Надо, наверное, сказать напоследок что-нибудь значительное...

— Обязательно.— Я взял его за локоть.— Кристофер, например, сказал: «Черт побери, самое главное — не забыть трубку».

Он натянуто улыбнулся и открыл дверь.

МИХАИЛ ОРЛОВ

Долина голубоглазых фей

Несколько лет назад с мировой спортивной арены таинственно исчезли два знаменитых шахматиста, занимавших в своей иерархии ключевые посты. Любители шахмат забросали редакции газет удивленными письмами. Однако и дотошные журналисты были в недоумении. Со временем страсти остыли. Имена бывших хумиров выветрились из разговоров. На шахматный Олимп вошли новые мастера. Между тем по крайней мере один из пропавших, Фрэнк Мак-Кракен, был жив и презрительно морщился, читая газету, где разбиралась очередная партия нового чемпиона. Правда, теперь это был другой человек.

1

После победы в Амстердаме Фрэнк Мак-Кракен вернулся в свой городишко на севере Калифорнии. Однажды вечером к его дому подъехал черный лимузин с окнами, задернутыми светонепроницаемыми шторами. Из него вышли двое в штатском, но с военной выправкой. Они недолго пробыли в гостях у гроссмейстера. Через несколько минут Мак-Кракен вышел вместе с ними, сел в лимузин и отбыл в неизвестном направлении.

Полиция произвела расследование, но за неимением данных дело об исчезновении Фрэнка Мак-Кракена было отложено в долгий ящик, а затем и вовсе списано в архив.

— Машина была что надо,— сказал окружному следователю живший по соседству старик Конрой.— Шикарная машина. И я бы на такой прокатился, да меня не берут...

Лимузин, петляя, выбрался из городка на скоростное шоссе и два часа мчался на юг, ни разу не затормозив. Затем свернул на дорогу, которой не было ни на одном атласе, и скоро въехал в небольшой поселок, обтянутый колючей проволокой. Он проплыл мимо типовых квадратных зданий, окруженных фруктовыми деревьями, и остановился за поселком, у заросшего пыреем пригорка.

Двое в штатском вышли первыми, аккуратно захлопнули дверцы и молча пошли к пригорку. Мак-Кракен последовал за ними. Неожиданно земля под ногами разъехалась, впереди оказался вход в бункер. Едва они ступили на лестницу, как створки над головой сомкнулись. Дальше бункер напоминал обычную современную гостиницу. Узкий ход разветвлялся на несколько коридоров. Через равные промежутки виднелись двери с электронной таблограммой вместо ручек. С потолка лился ровный матовый свет. Вдоль стен топорщились кактусы.

Наконец отыскалась нужная дверь. Набрав шифр, они вошли в кабинет.

За столом сидел маленький лысый полковник.

Спутники Мак-Кракена незаметно покинули его. Полковник кивнул Фрэнку на кресло возле своего стола.

Кресло оказалось очень низким, и Фрэнк почувствовал себя неудобно, словно его прижали лопатками к полу, а щуплый полковник очутился сверху.

— Я рад, что вы приняли приглашение,— проговорил полковник, уставившись на Фрэнка узкими глазами.— У вас есть возможность сыграть свою лучшую партию.

— Но я должен знать условия, чтобы вступить в игру,— сказал Фрэнк.

— Они просты,— заверил его полковник и бросил на стол пачку документов.

Фрэнк раскрыл паспорт. С фотографии глядело его собственное лицо, но принадлежало оно Джеффри Пирсону.

— Я должен назваться этим именем?

— Да,— подтвердил полковник. Он поскребывал ногтями щеку, словно ему уже надоело объяснять то, что не требует никаких объяснений.— Имя — это первое. Второе, вы никогда не жили в Калифорнии. Третье, не выходите за пределы поселка, никого ни о чем не спрашиваете и не отвечаете на вопросы. Это,— полковник положил пухлую ладонь на блестящую крышку стола,— сугубо в ваших интересах. И четвертое, главное, условие. Вы должны выиграть одну шахматную партию.

— Сколько я буду получать за свое согласие?

— Десять тысяч долларов ежемесячно и десять миллионов сразу, как только будет окончена игра.

Мак-Кракена прошиб пот. Но, похоже, полковник не шутил.

— Десять миллионов?..

— Да. Как пожелаете: ассигнациями, чеками, золотом или недвижимостью.

— Я согласен. За десять миллионов я выиграю вам любую партию.

Несколько дней Фрэнк устраивался в поселке, где ему отвели отдельный, двухэтажный, уже обставленный мебелью, обжитый коттедж. Потратив несколько сотен долларов на одежду, наполнение бара и холодильника, Фрэнк окончательно уверовал в то, что теперь он Джефри Пирсон. И действительно, лишь тонкая ниточка воспоминаний связывала его с прошлым, с шахматным угаром, с чередой утомительных турниров, где он обязан был выигрывать вовсе не ради искусства, славы или других эфемерных удовольствий, а ради главных призов, приносивших деньги, то есть ради куска хлеба.

Теперь эта проблема становилась решенной раз и навсегда.

На третий вечер Фрэнк уставил свой стол заказанными в военном ресторане закусками, самым дорогим вином, зажег в доме все люстры, включил на полную мощность магнитофоны, налил себе вина в бокал, подошел с ним к зеркалу и чокнулся со своим двойником.

— Будь здоров, Джефри!

2

Ему выделили в бункере зал, похожий на пульт управления космическими полетами.

Его главным органом был большой телеэкран с панорамой земной поверхности, рассеченной на квадраты. Разноцветными линиями на ней нанесены границы государств, а вся их площадь усеяна светящимися точками, кружками, крестиками, непонятными значками и стрелками.

Мелкие точки все время двигались. Меняли направление также и стрелки. Большая часть их указывала острием на пульсирующую неярким светом середину Европы.

— Вот наша игрушка,— произнес полковник, довольный произведенным на Пирсона эффектом.— Ничего подобного нет больше нигде в мире. Это гордость нашей национальной обороны. Вам повезло, Джефри. Вы будете человеком, который откроет новую эру в военном искусстве. Раньше побеждал тот, кто умел крошить чужие головы дубиной или мечом. Потом началась война машин. Самолеты и танки против самолетов и танков. Сражения длились годами. Миллионы тонн покарженных механизмов, прорва выкинутых на ветер ресурсов. Сегодня решающая битва будет длиться мгновение. А победит тот, кто правильно выберет это мгновение. Ошибки здесь быть не может, она — та же смерть. Начинается война интеллектов. Точки, скользящие по экрану, это наши самолеты, ракетноносцы, подводные лодки, танки с

ракетно-ядерным зарядом. У каждой боевой единицы свой маршрут, своя цель, которую они поразят по команде с этого пульта. Нужно только найти момент, когда вражеская оборона окажется наиболее уязвимой, и твердой рукой нанести удар. Это и есть ваша партия, Джефри. Вы станете национальным героем. Самые красивые девушки будут предлагать вам себя в подруги, а ваши десять миллионов через год принесут пятьдесят! Молодой, богатый, преуспевающий Джефри Пирсон! И все это за один миг.

— Я... первый за этим пультом? — спросил Пирсон.

— Неважно, гроссмейстер, — ответил полковник, отворачиваясь. — Я думаю, это совершенно неважно. Главное выиграть партию. Подробную инструкцию получите у лейтенанта Гленнона. Вот он идет. Я буду следить за вашими успехами.

С этими словами маленький полковник повернулся и вышел из зала, подпрыгивая на ходу, как механический попугай.

Лейтенант долго и нудно объяснял Пирсону, как обращаться с пультом, расшифровывал символы, смысл передвижения ракетноносцев, информация о которых непрерывно поступала на телеэкран.

Грандиозная военная машина безостановочно работала в воздухе, под водой, в песках Аризоны и Сахары. Джефри показалось, что он слышит гул сверхзвуковых бомбардировщиков, летящих над Атлантическим океаном. Он явственно ощущал дрожь земли. Потом понял, что это дрожь и гул вентиляторов.

— Если компьютер пропустит ваш сигнал, его получают министр обороны, президент и директор разведки. Если и они все трое в течение трех секунд нажмут кнопку пуска на своих переносных пультах, это будет означать запуск ракетных установок.

Несколько месяцев Пирсон учился манипулировать боевыми точками на учебном пульте. Мало-помалу в нем проснулся азарт игрока. С искусством гроссмейстера он менял маршруты истребителей, подводных лодок, чтобы сквозь брешь в системе обороны поразить противника. Вскоре к пульту подключили военные спутники.

Сражаясь с электронным мозгом, Пирсон несколько раз включал сигнал атаки, и на экране тут же расплывалось темное пятно мертвой зоны, означавшей, что противник уничтожен, его техника выведена из строя.

Гленнон с восхищением поглядывал на Пирсона.

Через полгода в кармане у Джефри шелестело пятьдесят тысяч долларов. Его посадили за малый боевой пульт. Нужно было подавить сопротивление в небольшой африканской стране. Там находились урановые рудники, которые правительство вздумало национализировать.

Уже на следующий день Пирсон нащупал подходящую комбинацию, рассчитал траекторию движения бомбардировщиков и истребителей с ракетами. Набрал данные на клавиатуре и, как во сне, щелк-

нул тумблером. Весь попавший в зону атаки участок затянулся серой пеленой.

В зал управления, радостно восклицая, вошла группа офицеров во главе с маленьким полковником, лысина которого от возбуждения порозовела.

— Я же говорил, что этот парень клад! — сказал полковник. — Высший класс! Вся операция обошлась нам в пять тысяч долларов! А эти стратеги из сухопутного штаба хотели пустить на ветер полтора миллиона! Джефри, за это стоит выпить! Сегодня вы мой гость!

Шумная компания удалась, а Пирсон испытывал сложное чувство. Ему было приятно, что он выдержал экзамен. Его ум, оперировавший таким множеством переменчивых данных, решил задачу, которую кроме него, Джефри, никто не мог решить. И все же по спине бежали мурашки. Он знал, что в этой африканской стране сейчас полыхают пожары, под обломками зданий задыхаются люди, а вся земля покрыта пеплом и дымом.

На вечеринке у полковника Пирсон перебрал. Домой его привели под руки два дежурных офицера, положили на диван лицом вниз, чтобы не задохнулся. Всю ночь он скакал по горящим прериям на диком мустанге.

Потом увидел себя сидящим у горного ручья, а вокруг, как бабочки, летали голубоглазые феи. Джефри захотелось пить. Во рту пересохло. Но феи, сплетаясь в хоровод, кружились, не выпуская его из живого кольца.

Джефри попытался подняться через хоровод и не смог. Тогда он поднял с земли камень и швырнул его в толпу крылатых проказниц. Камень попал в голову молоденькой фее. Она упала вскрикнув:

— Джефри убил меня!

Голубоглазки с визгом разлетелись в разные стороны.

Джефри пробрался к ручью, наклонился над холодными, блаженно светлыми струями. Но по мере того как он приближал свои губы к воде, она уходила, просачивалась в песок. И вот уже только горячее русло осталось перед его воспаленным ртом. Трупик феи превратился в мертвую бабочку, и вся долина была усеяна мертвыми и умирающими бабочками. Воздух наполнился шелестом сухих крыльев, горьким запахом засохшего русла.

Потом налетел горячий ветер и поднял мертвые тела бывших фей. Они кружились перед Джефри в бешеном хороводе. Закружилось небо, задвигались камни, голова Джефри пошла кругом, и он упал на раскаленные камни.

Шлепнувшись с дивана, Пирсон проснулся, пополз кое-как до кушина с орхидеями и, выбросив цветы на пол, стал пить. Он пил жадно, глубокими глотками и не сразу сообразил, что вода и все содержимое желудка идет у него обратно, потому что от воды несло трупным

запахом,— он забыл, что эти орхидеи имеют странный аромат гниющего мяса.

Пирсон, чуть живой, отправился в ванную, отвернул кран и сунул голову под струю. Долго пил, задыхаясь и захлебываясь.

Из головы не выходил сон и удивленный голосок феи: «Джефри убил меня».

Не успел Пирсон очухаться, как его вызвали в бункер. С трудом он привел одежду в порядок, проглотил пригоршню мятных таблеток и пошел на непослушных ногах к пригорку.

У пульта его ждал опухший, но оживленный полковник. Он решительным жестом указал Джефри на экран, где среди мерцающих огней выделялось безжизненное серое пятно.

— Получен еще один приказ.

— Не могу,— прохрипел Пирсон.— Я шахматист, а не убийца! Война — не мое ремесло!

Лицо полковника потемнело. Он зарычал с силой, которую трудно было предположить в тщедушном теле.

— Мы заключили соглашение, и ты выйдешь отсюда, только если выиграешь нашу партию! Шутки кончились!

Пирсон падал в глубокий колодец.

У него заныло под ложечкой. Перехватило дыхание. Тьма покрыла его. Далеко вверху, уменьшаясь, светился недостижимый голубой квадрат неба. И не было возможности крикнуть, схватиться руками за скользкие, сырые бревна.

Вот хлопнул столетний водяной холод и поглотил летящее тело и голубой квадрат.

Пирсон сел за пульт.

С тех пор он еще дважды щелкал тумблером и следил, как темное облако расходится по экрану, закрывая реки, поля, холмы и рощи. Долины, где кружатся хороводы бабочек.

После этого Пирсона перевели на главный пульт.

3

Пирсон содрогался от мысли: что будет, если он отыщет тот единственный ход, позволив уничтожить противника, занимающего на экране половину Земли?

Тысячи ракет произведут одновременный залп. Полмира охватит пламя, от которого лопаются бетонные перекрытия и завиваются в кольца железнодорожные рельсы.

— Но это война,— успокаивал он себя.— И у них тоже спутники, самолеты, ракеты. Их удары нацелены на нас. Они тоже хотят нашей смерти.

С таким настроением Пирсон садился за пульт и начинал привычные манипуляции.

Но здесь, на большом пульте, все было по-другому. Словно невидимый сильный борец разводил сцепленные руки, уже готовившиеся провести смертельный прием.

Иногда хитроумные комбинации Пирсона разрушались сразу, словно взорванные изнутри. Иногда он незаметно для себя возвращался к первоначальной позиции, будто в этом лесу символов его кружил леший, возвращая к одному и тому же пню.

Едва Пирсон развивал стремительное наступление на ослабевшее, как ему показалось, звено, как наступление вязло в непроницаемой обороне.

Втянувшись в странный поединок с неведомым противником, Пирсон забыл, что светящиеся точки, которые он так легко перемещал на экране, на деле есть самолеты, военные корабли, десантные корпуса быстрого реагирования, что там, за тысячи миль, подразделения поднимаются по тревоге и совершают бессмысленные марш-броски, что в тумане скользят, как призраки, серые бронированные корабли, что тысячи тонн горючего сгорает в соплах реактивных двигателей.

И вот однажды утром, едва явившись на службу, полковник вызвал Джеффри к себе и, налыжившись, сказал:

— С этого месяца ваше жалованье будет уменьшаться. Таково решение командования. Что вы играете с ними в кошки-мышки? Это дорого обходится налогоплательщикам! Кроме того, постоянные маневры войск вызвали недоумение среди части сенаторов. Мы можем иметь осложнения. Президент недоволен, Пирсон! Атакуйте, черт возьми!

Между тем в свистопляске светящихся точек, в этой затяжной игре Пирсону смутно чувствовалось что-то знакомое. Со временем предчувствие перешло в уверенность. И по ночам он с тревогой размышлял, стоит ли сообщать свои мысли полковнику.

Комитет обороны страны полагал, что их пульт — единственный. Но Пирсон был уверен, что точно такой же — на другой стороне океана. Он узнал руку. Фигуры противника мог двигать только Иван Самохин. Единственный человек, которому проигрывал Фрэнк Мак-Кракен.

Сделав такой вывод, Джеффри Пирсон решил внимательнее приглядеться к действиям на экране, проанализировать события последних дней.

Скоро Джеффри нельзя было узнать. Он осунулся, почернел, стал раздражительным, злым, так что лейтенант Гленнон подал полковнику рапорт с просьбой о переводе его в другой отдел.

Однажды Пирсон попросил полковника узнать, где теперь живет

и чем занимается русский гроссмейстер Иван Самохин. Полковник сообщил, что Самохин полгода назад погиб в авиакатастрофе.

Известие ошеломило Пирсона. Он был теперь убежден, что здесь скрыта загадка, тайна, связывающая двух старых противников, так странно исчезнувших из обычной жизни.

Пирсон узнал руку Самохина, как любой человек узнает своего партнера, потому что можно изменить голос, фигуру, лицо, но стиль мышления, как отпечатки пальцев, принадлежит только одному.

Однако, если это так, если против него на таком же пульте играет Самохин, то появлялся вопрос, который невозможно было обойти. Ведь до сих пор Пирсон не думал о своей обороне. Он пытался поразить соперника, забыв о том, что у него в руках тоже может быть смертельное оружие.

Пирсон начал комбинацию против Самохина. Он затеял головоломный танец подводных лодок, отвлекая внимание от перемещения сухопутных ракетных установок. И вот увидел, как на северо-востоке огненные точки самолетов вытянулись в тонкую линию, которую можно было прорвать ударами из подземных шахт. Самохин дал промах. Пирсон с силой растер виски. А когда поднял глаза и взгляделся, то снова упал в глубокий колодец, дышавший холодом и мраком. Потому что увидел непроходимую завесу, которой не было секунду назад. Тогда как у него со стороны Лабрадора зияла огромная брешь — ничем не прикрытая полоса длиной в двадцать миль.

И в этот коридор устремились самохинские подводные лодки. Однако скоро они развернулись, описали ровную окружность и легли на обратный курс, лавируя между рыболовными сейнерами.

Они не атаковали.

Пирсон получил ответ на свой вопрос.

Наверняка удобный случай был у них и раньше, и все же они им ни разу не воспользовались...

Пирсон перевел управление войсками на прежний режим, в подчинение штабистов, и замер в кресле. Мысли путались.

Потом он встал и тяжело, как усталый путник, побрел по долине горного ручья.

Он нашел фею с окровавленной головой. Она лежала там, где ее настиг камень.

Джефри поднял легкое тело, прижал к груди, стараясь не измять нежные крылья, и зашагал по иссохшему руслу. Он шел долго, пока не оказался в Калифорнии, в родном городке. Хотел пройти к своему дому, но его обступила толпа зевак, не давая двигаться дальше.

Люди с любопытством смотрели на мертвую фею, на ее поникшее, печальное тело.

— Я ее убил, — сказал Пирсон.

На улице раздался вой сирены, замигала полицейская вертушка, однако вместо полицейских из «джипа» вылезли знакомые Джефри офицеры из бункера. Словно из-под земли выскочил маленький полковник.

— Он сошел с ума! — закричал полковник.

Пока Пирсон мучительно соображал, что ему делать, небо наполнилось щебетом и смехом.

Из-за небоскребов вылетел длинный хоровод голубоглазых фей, они подхватили Пирсона с его ношей, как пушинку, и подняли в воздух.

Полковник и его свита остолбенели. Пирсон видел, как маленькие фигурки замахали руками, засуетились, забегали по тротуару. Полковник вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в Пирсона. Но было уже поздно.

Фей подняли Фрэнка Мак-Кракена так высоко, что туда уже не долетали пули. Там было только голубое небо, которое он видел со дна колодца.

Небо, солнце и смех блистающих сильными крыльями фей.

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ПОЛ АНДЕРСОН

Цель высшая моя — чтоб наказание преступленью стало равным...¹

Познакомились мы на деловой почве. Фирме Майклса, которая решила открыть свой филиал на окраине Ивенстоуна, стало известно, что в моем владении находится самый многообещающий земельный участок. Они предложили мне за него большие деньги, но я заупрямился; они увеличили сумму — я не сдавался. Тогда меня посетил сам босс. Он оказался несколько иным, чем мне представлялось. Настроен он был воинственно, но вел себя настолько корректно, что это не оскорбляло, а манеры его были так изысканны, что почти не замечались пробелы в образовании. Этот свой недостаток он весьма успешно изживал, посещая вечернюю школу, публичные лекции и поглощая уйму книг.

Не прерывая беседы, мы с ним отправились промочить горло. Он привел меня в какой-то бар совершенно не в стиле Чикаго: тихий, скромно обставленный, без музыкального автомата, без телевизора, только полка с книгами да несколько шахматных досок. И никаких подонков и жуликов, которыми обычно кишат подобные заведения. Кроме нас, в баре было еще с полдюжины посетителей: какой-то пожилой мужчина с лицом и осанкой профессора, группа людей, со знанием дела споривших на политические темы, юноша, обсуждавший с барменом вопрос о том, чье творчество оригинальнее — Бартока или Шенберга. Нам с Майклсом достался столик в углу и датское пиво.

Я заверил его, что меня не интересуют деньги, просто мне претит, когда ради возведения очередного хромированного сарая уродуют бульдозерами живописную местность. Выслушав меня, Майклс, молча, набил свою трубку. Это был худощавый стройный мужчина с удлинненным подбородком и римским носом, седеющими волосами и темными сверкающими глазами.

— А разве представители моей фирмы ничего вам не объясни-

¹ Уильям Гилберт. Микадо (прим. пер.).

ли? — спросил он. — Мы вовсе не собираемся строить стандартные бараки, которые калечат пейзаж. У нас имеется шесть проектов, не считая вариантов; на чертеже это выглядит... вот так.

Он достал карандаш, лист бумаги и принялся набрасывать план. Когда он разговорился, стал заметнее его иностранный акцент, но на беглости речи это не отразилось. А дело свое он знал лучше, чем те, кто ранее беседовал со мной от его имени.

— Нравится вам это или нет, — сказал он, — а сейчас середина двадцатого века, и никуда не денешься от массового производства. Но из этого не следует, что человечество непременно станет менее привлекательным. Пользуясь стандартной продукцией, оно может достичь даже определенного художественного единства.

И он принялся объяснять мне, как этого добиться.

Он не слишком торопил меня, и мы то и дело отклонялись от главной темы.

— Уютное это местечко, — заметил я. — Как вы его нашли?

Он пожал плечами.

— Я иногда брожу в ночное время по улицам. Изучаю город.

— А это не опасно?

— Смотря с чем сравнивать, — внезапно помрачнев, ответил он.

— О... видно, вы не здешний?

— Вы угадали. Я приехал в Соединенные Штаты только в 1946 году. Таких, как я, называли «перемещенными лицами». Тэдом Майклсом я стал потому, что мне надоело писать длинное «Тадеуш Михайловский». Мне ни к чему травить душу воспоминаниями о Старом Свете; я стремлюсь к полной ассимиляции.

При других обстоятельствах он говорил о себе мало и сдержанно. Позже от восхищавшихся им завистливых конкурентов я узнал некоторые подробности его стремительной деловой карьеры. Кое-кто из них до сих пор не верил, что можно выгодно продать дом со скрытой системой отопления не меньше, чем за двадцать тысяч долларов. Майклс же нашел способ успешно проворачивать подобные сделки. Не так уж плохо для иммигранта без гроша за душой.

Я копнул глубже и узнал, что, приняв во внимание услуги, оказанные им армии Соединенных Штатов на последнем этапе второй мировой войны, ему дали специальную визу на въезд. А услуги такого рода требовали значительной выдержки и сообразительности.

Между тем наше знакомство крепло. Я продал ему землю, в которой он нуждался, но мы с ним по-прежнему продолжали встречаться — иногда в каком-нибудь баре, иногда в моей холостяцкой квартире, но чаще всего в его особняке на крыше дома, что стоял на холме у озера. У него была поразительно красивая блондинка жена и двое смышленных, хорошо воспитанных сыновей. Но несмотря на все это, его томило одиночество, и он дорожил нашей дружбой.

Примерно через год после нашей первой встречи он рассказал мне одну историю.

Я был приглашен к ним на обед в День Благодарения. После обеда завязался разговор. Мы сидели и беседовали, беседовали, беседовали. Когда же, покончив с обсуждением вероятности возникновения беспорядков во время приближающихся городских выборов, мы перешли к вопросу о том, насколько вероятно, что другие планеты в своем развитии в основных чертах проходят тот же путь, что и наша собственная, Эмили извинилась и ушла спать. Уже давно перевалило за полночь, а мы с Майклсом все говорили и говорили. Никогда раньше я не видел его таким возбужденным. Словно что-то в нашем разговоре задело его за живое. Наконец он встал, нетвердой рукой наполнил наши стаканы виски и, бесшумно ступая по пушистому зеленому ковру, направился через всю гостиную к огромному окну.

Стояла светлая морозная ночь. Под нами внизу раскинулся город — причудливое сплетение сверкающих красок, прожилки и завитки из рубинов, аметистов, сапфиров, топазов — и темное полотно поверхности озера Мичиган; казалось, наши взоры вот-вот выхватят из мрака простиравшиеся вдали бескрайние заснеженные равнины. А над нами изгибался кристально-черный свод неба, где стояла на хвосте Большая Медведица и по Млечному Пути шагал Орион. Мне не часто приходилось видеть такое величественное и суровое зрелище.

— Но я же знаю, о чем говорю, — произнес он.

Я чуть шевельнулся в глубине своего кресла. В камине плясали крохотные голубые язычки пламени. Кроме них комнату освещала только одна затененная абажуром лампа, и, проходя незадолго до этого мимо окна, я без труда разглядел в вышине россыпи звезд.

— По собственному опыту? — немного помедлив, спросил я.

Он бросил быстрый взгляд в мою сторону. Лицо его окаменело.

— А если бы я ответил утвердительно?

Я не спеша потягивал виски. «Кингс ренсом» — благородный и умиротворяющий напиток — особенно в те часы, когда вся земля точно звенит в унисон с нарастающим холодом.

— У вас, видно, есть на то свои причины. Хотел бы я знать, какие.

Он криво усмехнулся.

— О, я тоже с этой планеты, — сказал он. — Однако... однако небо так необъятно и чуждо... Вы думаете, это не повлияло на людей, которые побывали в Космосе? Не пропитало их до мозга костей настолько, что после их возвращения все на Земле переменилось?

— Продолжайте. Вы же знаете, что я люблю фантастику.

Он посмотрел в окно, снова взглянул на меня и внезапно залпом выпил свое виски. Столь резкое движение было ему несвойственно. Как, впрочем, и неуверенность.

— Что ж, я расскажу вам одну фантастическую историю, — жестко, с усиленным акцентом произнес он. — Хотя в ней и мало веселого, ее хорошо рассказывать в зимнюю пору; кстати, не советую вам принимать ее слишком всерьез.

Я затянулся великолепной сигарой, которой он угостил меня, и приготовился слушать, не нарушая необходимой ему сейчас тишины.

Глядя себе под ноги, он несколько раз прошелся мимо окна, потом снова наполнил свой стакан и сел рядом со мной. Однако смотрел он не на меня, а на висевшую на стене картину, сумрачную и непонятную, которая никому, кроме него, не нравилась. Эта картина словно вдохнула в него силы, и он заговорил, быстро и тихо.

— Однажды в далеком-далеком будущем жила-была цивилизация... Я не стану вам ее описывать, ибо описать ее невозможно. Сумели бы вы, перенесясь в эпоху строителей египетских пирамид, рассказать им вот об этом городе у подножия холма? И дело вовсе не в том, что они бы вам не поверили — это само собой разумеется. Я имею в виду, что они бы просто-напросто вас не поняли. Что бы вы ни говорили, для них это была бы полная бессмыслица. А то, как наши современники работают, о чем думают и во что верят, было бы для них еще непонятнее, чем огни, небоскребы и механизмы там, за окном. Разве не так? Если бы я рассказал вам о людях будущего, живущих в мире невероятных слепящих энергий, о генетических мутациях, воображаемых войнах, о говорящих камнях и некоем безглазом охотнике, какие бы вы при этом ни испытали чувства, вы бы ровным счетом ничего не поняли.

Поэтому я только прошу вас попытаться представить себе, сколько тысяч оборотов совершила к тому времени эта планета вокруг Солнца, как глубоко мы погребены и как прочно забыты. И еще постарайтесь понять, что мышление людей той цивилизации настолько отличается от нашего, что они вопреки всем законам логики и природы изобрели способ путешествия во времени.

Однако заурядный представитель той эпохи — едва ли я могу назвать его «гражданином» или употребить какое-либо другое слово из нашего современного лексикона, ибо это собьет вас с толку — такой относительно образованный человек имеет довольно смутное представление о том, что тысячелетия назад какие-то полудикари первыми расщепили атом, и только один или двое избранных побывали в нашем времени, жили среди нас, изучали нас и вернулись обратно с информацией для Центрального Мозга, если тут уместен такой термин. Остальные интересуются нами не больше, чем, скажем, вы интересуетесь археологией раннего периода Месопотамии. Вам понятно?

Он опустил взгляд на свой стакан, который все еще держал в руке, и впился в него глазами, словно виски загнипотизировало его, и он погрузился в транс. Молчание затянулось. Немного подождав, я произнес:

— Ладно. Ради того чтобы услышать вашу историю, я принимаю эту предпосылку. Однако мне кажется, что тем, кто путешествует во времени, не следовало бы привлекать к себе внимание. У них наверняка должны быть разработаны какие-то методы маскировки. Едва ли им хочется изменить свое собственное прошлое.

— О, такая опасность исключается,— возразил он.— Единственная причина их маскировки в том, что им не удалось бы собрать необходимую информацию, сообщая они на каждом шагу, что явились из будущего. Вы только вообразите, к чему бы это привело!

Я усмехнулся.

Майклс угрюмо взглянул на меня.

— Как, по-вашему, в каких еще целях, кроме научных, можно использовать путешествия во времени? — спросил он.

— Ну, для приобретения произведений искусства и разработки природных богатств,— предположил я.— К примеру, можно отправиться в эпоху динозавров добывать железо, чтобы до появления человека снять сливки с богатейших месторождений.

Он отрицательно покачал головой.

— Подумайте еще. Людей той цивилизации удовлетворило бы весьма ограниченное количество статуэток и ваз династии Мин и миниатюр Третьей Мировой гегемонии. К тому же большая часть их разошлась бы по музеям — если только можно употребить в этом случае слово «музей». Я повторяю, что они не похожи на нас. А что касается природных богатств, то они в них не нуждаются: все необходимое они синтезируют.

Он умолк, словно готовясь к последнему прыжку.

— Как называлась та колония для преступников, которую покинули французы?

— Чертов Остров?

— Правильно. Можете ли вы придумать более страшное возмездие, чем высылка преступника в прошлое?

— А мне и в голову не пришло бы, что в будущем сохранится концепция возмездия, а тем более необходимость держать в страхе одних, подвергая ужасным наказаниям других. Даже мы, в нашем веке, создаем, что это ничего не дает.

— Вы в этом уверены? — спокойно спросил он.— Кстати, вас однажды удивило, что я без страха брожу один по ночным улицам. Так вот: наказание очищает общество. Попади вы в будущее, вам бы объяснили, что публичное повешение снизило процент преступности, который без этого был бы гораздо выше. А еще важнее то, что в восемнадцатом веке эти «спектакли» создали условия для рождения истинного гуманизма.— Он сардонически поднял бровь.— Во всяком случае, так утверждают в будущем. Правы ли они или просто стараются оправдать некоторый упадок своей собственной цивилизации — это не имеет зна-

чения. Вам лишь следует принять на веру тот факт, что они действительно отправляют своих самых опасных преступников в прошлое.

— Довольно неосторожно по отношению к прошлому,— заметил я.

— Ошибаетесь. На самом деле все обстоит иначе. Хотя бы потому, что то, что в связи с этим происходит, уже произошло... Проклятье! Английский язык не создан для таких парадоксов. И учтите еще одно немаловажное обстоятельство — они не размениваются на рядовых негодяев. Чтобы заслужить высылку в прошлое, нужно совершить особо тяжкое преступление. А степень тяжести преступления зависит от того, в какой период мировой истории оно совершается. Убийство, разбой, измена родине, ересь, торговля наркотиками — все это сурово каралось в одну эпоху, легко сходило с рук в другую и положительно оценивалось в третью.

Некоторое время я молча разглядывал его, отметив про себя, как глубоко бороздившие его лицо морщины, и пришел к выводу, что для своего возраста он слишком сед.

— Хорошо,— произнес я.— Пусть так, не стану спорить. Но неужели человек из будущего, вооруженный такими знаниями...

Он со стуком поставил стакан на стол.

— Какими знаниями?! — выкрикнул он.— Да вы пошевелите мозгами! Представьте, что вас, нагого, оставляют в Вавилоне. Много вы знаете об истории и языке Вавилона? Какой там в этот период царь, долго ли он еще будет царствовать, кто после него вступит на престол? Каким законам и обычаям вы должны подчиняться? Вы только помните, что со временем Вавилон будет захвачен ассирийцами, персами или еще кем-то, и тогда не оберетесь неприятностей. Но когда и как это произойдет? А битва, свидетелем которой вы можете стать, что это — пограничная перестрелка или настоящая война? Если последнее, то победит ли Вавилон? Если же он потерпит поражение, то каковы будут условия мирного договора? Едва ли сегодня найдется хотя бы двадцать человек, которые ответили бы на эти вопросы, не заглянув предварительно в книгу по истории. А вы к ним не относитесь, да у вас и не будет с собой такой книги.

— Мне кажется,— медленно произнес я,— что, достаточно ознакомившись с языком, я пошел бы в расположенный поблизости храм и сказал бы жрецу, что могу устроить... мм... фейерверк...

Он невольно рассмеялся.

— А как? Не забываете, что вы находитесь в Вавилоне. Где вы возьмете серу и селитру? Если даже вам удастся растолковать жрецу, что именно вам нужно, и умолить его достать для вас эти компоненты, сумеете ли вы приготовить порошок, который взорвется, а не будет только тихо шипеть? К вашему сведению, это своего рода искусство. Ведь вы, черт возьми, даже не сможете наняться простым матросом.

Вам очень повезет, если вас кто-нибудь возьмет в уборщики. А скорее всего, на вашу долю достанется рабский труд на полях. Разве не так?

Огонь в камине медленно угасал.

— Да, пожалуй,— сдался я.

— Как вы понимаете, они тщательно все взвешивают, прежде чем выбрать место и время.

Он оглянулся на окно. Оттуда, где мы сидели, был виден лишь ночной мрак — блики на стекле мешали нам разглядеть звезды.

— Когда человека приговаривают к изгнанию,— продолжал он,— все специалисты-эпохovedы собираются на совещание и высказывают свои соображения по поводу того, какой исторический период наиболее подходит для данного конкретного индивида. Вам, разумеется, понятно, что если человека с высокоразвитым интеллектом, да еще и брезгливого, отправить в Грецию времен Гомера, жизнь покажется ему сплошным кошмаром, а какой-нибудь головорез может там отлично прижиться и даже стать уважаемым воином. Если этот головорез не совершил самого тяжкого преступления, они и в правду могут оставить его вблизи дворца Агамемнона, обрекая всего лишь на некоторые неудобства и тоску по родине. О, господи,— прошептал он.— На тоску по родине!

Под конец своей речи он впал в такое уныние, что я счел нужным как-то подбодрить его и сухо заметил:

— Это же усложненная смертная казнь.

Его глаза вновь остановились на мне.

— Правильно,— проговорил он.— И в его организме, конечно, продолжает действовать сыворотка долголетия. Но это все. С наступлением темноты его высаживают в каком-нибудь безлюдном месте, доставивший его туда аппарат исчезает, и этот человек до конца жизни отрезан от своего времени. Он знает только то, что для него выбрали эпоху... с такими особенностями... благодаря которым, по мнению тех, кто его выслал, наказание будет соответствовать характеру совершенного им преступления.

На нас снова обрушилась тишина, и мало-помалу тиканье каминных часов превратилось в самый громкий звук на свете, словно вне дома навсегда умолкли скованные морозом все остальные голоса мира. Я взглянул на циферблат. Была глубокая ночь; близился час, когда начнет светлеть на востоке небо.

Посмотрев на Майклса, я увидел, что он не спускает с меня пристального смущенного взгляда.

— Какое вы совершили преступление? — спросил я.

Видно, этот вопрос не застиг его врасплох. Он устало сказал:

— Не все ли равно? Ведь я уже говорил вам, что одни и те же поступки в одну эпоху оцениваются как преступления, а в другую — как героические подвиги. Если б моя попытка увенчалась успехом, граду-

щие поколения преклонялись бы перед моим именем. Но я потерпел неудачу.

— Должно быть, пострадало множество людей,— сказал я,— и все человечество возненавидело вас.

— Да, так оно и было,— согласился он. И через минуту добавил:

— Разумеется, я все это выдумал. Чтобы скоротать время.

— А я вам подыгрываю,— улыбнулся я.

Он несколько расслабился и, откинувшись в кресло, вытянул ноги на своем роскошном ковре.

— Так... Однако каким образом, выслушав эту фантастическую историю, вы угадали степень моей предполагаемой вины?

— Я вспомнил ваше недавнее прошлое. Где и когда вас оставили?

И тоном, холоднее которого мне до этого в жизни не приходилось слышать, он произнес:

— Под Варшавой, в августе 1939 года.

— Вам, верно, не очень хочется говорить о годах войны.

— Вы правы.— Однако, сделав над собой усилие, он с вызовом продолжал:— Мои враги просчитались. Из-за всеобщей неразберихи, которая возникла сразу же после нападения Германии, меня посадили в концентрационный лагерь без предварительного расследования. Постепенно обстановка для меня прояснилась. Конечно, я не мог тогда ничего предсказать, как не могу этого сделать сейчас. О том, что происходило в двадцатом веке, знают только специалисты. Но когда меня мобилизовали в немецкую армию, я уже понимал, что Германия потерпит поражение. Поэтому я перешел к американцам, рассказал им все, что мне удалось узнать, и стал их разведчиком. Это было рискованно. Впрочем, если б даже я наткнулся на пулю, что с того. Однако эта участь меня миновала, и к концу войны у меня оказалось множество покровителей, которые помогли мне приехать сюда. Последовавшие за этим события ничем не примечательны.

Моя сигара погасла. Я ее зажег снова, ведь сигары Майклса требовали особого к себе уважения. Их по специальному заказу доставляли ему самолетом из Амстердама.

— Чужое семя,— промолвил я.

— Что вы сказали?

— Да вы же знаете, о чем я. Руфь в изгнании. К ней относились неплохо, но она выплакала глаза от тоски по родине.

— Нет, я о ней слышу впервые.

— Это из Библии.

— Ах, да. Надо обязательно как-нибудь прочесть Библию.

Его настроение постепенно улучшалось, и он обретал свое привычное спокойствие. Жестом, почти беспечным, он поднес ко рту стакан с виски и залпом выпил его. Сейчас в выражении лица Майклса напряженность начала сменяться самоуверенностью.

— Да,— сказал он,— это было мучительно. И главное тут не в перемене обстановки. Вам, конечно, случалось выезжать за город и жить в палатке, и вы не могли не заметить, как быстро отвыкаешь от крана с горячей водой, электрического освещения, от всех тех бытовых приборов, которые, как уверяют нас владельцы выпускающих их предприятий, являются предметами первой необходимости. Я был бы непрочь иметь гравитационный индуктор или клеточный стимулятор, но я прекрасно обхожусь без них. Тоска по родине — вот что вас пожирает. Мелочи, которых вы раньше даже не замечали: какая-нибудь определенная пища, то, как люди ходят, в какие играют игры, на какие темы разговаривают. Даже созвездия и те в будущем выглядят по-иному. Такой длинный путь прошло к тому времени солнце по своей галактической орбите.

Но всегда были и есть люди, которые добровольно или вынужденно покидают родные края. Все мы — потомки тех, кто сумел пережить это. Я приспособился.

Он угрюмо насупил брови.

— Я не вернулся бы обратно, даже если бы меня помиловали,— произнес он.— Из-за того, что там творится по милости этих предателей.

Я допил свое виски, смакуя языком и нёбом каждую каплю этого восхитительного напитка и лишь краем уха прислушиваясь к его словам.

— Вам здесь нравится?

— Да,— ответил он.— Теперь да. Я уже преодолел эмоциональный барьер. Мне помогло, что первые несколько лет все мои усилия были направлены только на то, чтобы выжить, а потом, приехав сюда, я был слишком занят устройством на новом месте. Не хватало у меня времени на самооплакивание. Теперь же меня все больше увлекает мой бизнес — игра захватывающая и особенно приятная тем, что ошибочные ходы в ней не влекут за собой высшую меру наказания. Я открыл в этой эпохе качества, которые утратило будущее... Держу пари, что вы не имеете ни малейшего представления о том, насколько экзотичен этот город. Ведь в эту самую минуту в каких-нибудь пяти милях от нас стоит у атомной лаборатории солдат-охранник, мерзнет в подворотне бродяга, идет оргия в особняке миллионера, готовится к ранней службе священник, спит купец из Аравии, стоит в порту корабль из Индии...

Его возбуждение несколько улеглось. Он отвел взгляд от темного окна и посмотрел в сторону спален.

— И здесь моя жена и дети,— с какой-то особенной теплотой добавил он.— Нет, что бы ни произошло, я не вернулся бы обратно.

Я в последний раз затянулся сигарой.

— Да, вы и впрямь неплохо устроились.

Окончательно стряхнув с себя грусть, он улыбнулся мне.

— А знаете, мне кажется, вы верили этой сказке.

— О, безусловно.— Я погасил окурок сигары, встал и потянулся.— Час поздний. Нам, пожалуй, пора идти.

Он понял не сразу. А когда до него наконец дошло, он медленно, точно огромный кот, поднялся с кресла.

— Нам?!

Я вытащил из кармана пистолет-парализатор. Он замер.

— Дела такого рода не оставляют на волю случая. Мы всегда про-
веряем. А теперь в путь.

Кровь отхлынула от его лица.

— Нет,— беззвучно, одними губами, произнес он,— нет, нет, нет, вы этого не сделаете, это ужасно... А Эмили, дети...

— Это,— сказал я ему,— входит в наказание.

Я оставил его в Дамаске за год до того, как город был разграблен
Тамерланом.

Перевела с английского Светлана ВАСИЛЬЕВА

ГЕНРИ КАТТНЕР

Железный стандарт

Вовсе не обязательно, чтобы инопланетяне были настроены по отношению к пришельцам либо дружелюбно, либо враждебно; они могут доставить им немало неприятностей, заняв строго нейтральную позицию.

— А денежки-то нам отсыпят только через год,— произнес Тиркелл, с отарашением зачерпнув ложкой холодные бобы.

Капитан Руфус Мэн на минуту отвлекся от выуживания из супа бобов, которые смахивали на тараканов.

— По-моему, для нас это сейчас не так уж важно. Кстати, год плюс четыре недели, Стив. Ведь полет с Венеры на Землю займет не меньше месяца.

Круглое пухлое лицо Тиркелла помрачнело.

— А до тех пор что? Будем жить впроголодь, питаюсь холодными бобами?

Мэн вздохнул, переведя взгляд на затянутый прозрачной пленкой открытый люк космолета «Гудвилл». И промолчал. Бертон Андерхилл, который был включен в состав экипажа благодаря несметному богатству своего папашки и выполнял на корабле обязанности подручного, натянуто улыбнулся и сказал:

— А на что ты, собственно, претендуешь? Мы ведь не можем тратить горячее. Его только и хватает, чтобы доставить нас на Землю. Поэтому — или холодные бобы, или ничего.

— Скоро будет одно «ничего», — угрожающе произнес Тиркелл. — Мы промотались. Ухлопали свое состояние на разгульную жизнь.

— На разгульную жизнь? — прорычал Мэн. — Мы же отдали почти все наши харчи венерианам.

— Так они же кормили нас... один месяц, — напомнил Андерхилл. — Увы, все в прошлом. Теперь у них и кусочка не выманишь. Чем же мы им не угодили, а?

Он умолк — снаружи кто-то расстегнул клапан прозрачного экрана. Вошел приземистый широкоскулый мужчина с крючковатым носом на бронзово-красном лице.

— Что-нибудь нашел, Краснокожий? — спросил Андерхилл.

Майк Парящий Орел швырнул на стол полиэтиленовый мешок.

— Шесть грибов. Не удивительно, что венериане используют гидроронику. У них ведь нет другого выхода. Только грибы могут расти в этой проклятой сырости, да и те в большинстве ядовитые.

Мэн сжал губы.

— Ясно. Где Бронсон?

— Просит милостыню. Но ему не подадут ни одного фала. — Навахо кивнул в сторону входа. — А вот и он сам.

Спустя минуту послышались медленные шаги Бронсона. Лицо вошедшего инженера своим багровым цветом не уступало его шевелюре.

— Ни о чем не спрашивайте, — прошептал он. — Никто ни слова. Подумать только! Я, ирландец из Керри, выкалываю вонючий фал у какого-то шагренового кожного ублюдка с железным кольцом в носу. Позор на всю жизнь!

— Сочувствую, — сказал Тиркелл. — Но тебе все-таки удалось раздобыть хоть два-три фала?

Бронсон испепелил его взглядом.

— Неужели я взял бы его поганые деньги, даже если б он мне их предложил! — взревел инженер, и глаза его налились кровью.

Тиркелл переглянулся с Андерхиллом.

— Он не принес ни фала, — заметил последний.

Бронсон передернулся и фыркнул.

— Он спросил, принадлежу ли я к Гильдии Нищих! На этой планете даже бродяги обязаны состоять в профсоюзе!

— Нет, Бронсон, это не профсоюзы и тем более не организации типа средневековых гильдий. Местные таркомары гораздо могущественней и куда менее принципиальны.

— Верно, — согласился Тиркелл. — И если мы не состоим в каком-нибудь таркомаре, нас никто не наймет на работу. А членами таркома-

ра мы можем стать, только уплатив вступительный взнос — тысячу софалов.

— Не очень-то налегайте на бобы,— предупредил Андерхилл.— У нас осталось всего десять банок.

— Нам позарез нужно что-то предпринять,— сказал Мэн, раздав сигареты.— Венериане не хотят снабжать нас пищевыми продуктами. Одно в нашу пользу: они не имеют права отказаться эти продукты продать. Это же незаконно — не принять от покупателя законное средство платежа.

Майк Парящий Орел с унылым видом перебирал свои шесть грибов.

— Да-а. Остается только раздобыть это законное средство платежа. Мы же здесь хуже нищих. Эх, придумать бы что-нибудь...

«Гудвилл» был на Венере первым посланцем Земли. Перед отлетом на корабль погрузили запас продовольствия на год с лишним, но, как оказалось, у венериан пищи было предостаточно. Продуктами питания их обеспечивали гидропонные установки, размещенные под городами. Но на поверхности планеты не росло ни одного съедобного растения. Животных и птиц было крайне мало, поэтому, даже если б у землян не отобрали оружие, на охоту рассчитывать не приходилось. Вдобавок после трудного космического полета жизнь здесь вначале показалась настоящим праздником в условиях чужой цивилизации, которая на первых порах землян очаровала.

Чужой она была, это точно. Венериане отличались крайней консервативностью. Их вполне устраивало то, что годилось для их отдаленных предков. У людей создалось впечатление, что венериане упрямо противятся любым переменам.

А из-за прилета землян что-то могло измениться.

Поэтому землянам был объявлен бойкот в форме пассивного неприятия. Впрочем, первый месяц все шло без сучка и задоринки. Капитану Мэну вручили ключи от столичного города Вайринга, вблизи которого сейчас стоял «Гудвилл», и венериане щедро снабжали их пищей — непривычными, но вкусными кушаньями из растений, произрастающих в гидропонных садах. В обмен на эти деликатесы земляне бездумно раздавали собственные продукты, угрожающе истощив свои запасы.

Но пищевые продукты венериан быстро портились, и дело кончилось тем, что в распоряжении людей оказался запас продовольствия всего на несколько недель (жалкие остатки того, что они привезли с Земли) да гора гниющих экзотических блюд, от аромата которых еще недавно текли слюнки.

А венериане перестали приносить свои скоропортящиеся фрукты, овощи и грибы, по вкусу напоминающие мясо. Теперь они действова-

ли по принципу «деньги на бочку — и никакого кредита». Большой мясной гриб, который мог насытить четырех голодных мужчин, стоил десять фалов. Но поскольку у землян не было никаких фалов, мясные грибы были для них недоступны, как, впрочем, и все остальное.

Сперва земляне не придавали этому особого значения — пока не спустились с заоблачных высот и всерьез не призадумались над тем, как раздобыть пищу.

Положение оказалось безвыходным.

Проблема была проста и примитивна. Они, представители могущественной земной цивилизации, хотели есть. Скоро они проголодаются еще больше.

И у них не было никаких ценностей, кроме золота, серебра и бумажных денег. А здесь все это ничего не стоило. На корабле имелся нужный металл, но не в чистом виде, а как составная часть сплавов.

Денежным стандартом Венеры было железо.

— ...Обязательно должен быть какой-то выход, — упрямо заявил Мэн, и его лицо с твердыми резкими чертами потемнело. — Я намерен снова обратиться к Главе Совета. Джораст — баба неглупая.

— А что это даст? — поинтересовался Тиркелл. — Тут выручат только деньги.

Мэн смерил его взглядом, кивком поманил Майка Парящего Орла и направился к выходному клапану. Андерхилл живо вскочил.

— Можно мне с вами?

— Пойдем, если тебе так уж нейдет. Только пошевеливайся.

Трое землян вошли в клубящийся туман, погрузившись по щиколотку в липкую грязь, и молча потащились к городу.

— А я-то думал, что индейцы умеют использовать дары природы, — чуть погодя сказал Андерхилл, обращаясь к навахо.

Майк Парящий Орел с усмешкой взглянул на него.

— Я же не венерианский индеец, — возразил он. — Допустим, я сумел бы сделать лук и стрелу и подстрелить какого-нибудь венерианина. Нам ведь не станет от этого легче — разве что его кошелек будет набит софалами.

— Мы могли бы его съесть, — мечтательно прошептал Андерхилл. — Любопытно, какой вкус у жареного венерианина.

— Выясни это и, вернувшись домой, напиши бестселлер, — посоветовал Мэн. — При том условии, конечно, что ты домой вернешься. В Вайринге есть полиция, приятель.

Андерхилл переменял тему:

— А вот и Водяные Ворота. Черт возьми, запахло чьим-то ужином!

— Верно, — проворчал навахо, — но я надеялся, что у тебя хватит ума промолчать. Заткнись, и пошли дальше.

Вайринг окружала стена типа каменной ограды. Вместо улиц в нем

были каналы, а вдоль каналов тянулись скользкие от слякоти тропинки, но тот, кто имел хоть один фал, никогда не ходил пешком.

Яростно чертыхаясь, земляне шлепали по грязи. Никто не обращал на них внимания.

Вдруг к берегу подплыло водяное такси и водитель, к одежде которого был приколот голубой значок его таркомара, окликнул их.

Андерхилл показал ему серебряный доллар.

Земляне, обладавшие большими лингвистическими способностями, быстро выучили язык венериан. Впрочем, понять, что таксист им отказал, было проще простого.

— Так это же серебро, — небрежно произнес тот и указал на вычурную серебряную филигрань, которая украшала нос его суденышка. — Хлам!

— Отличное местечко для Бенджамина Франклина, — заметил Майк Парящий Орел. — Его вставные зубы были сделаны из железа, не так ли?

— Если это правда, то, по представлениям венериан, у него во рту был целый капитал, — проговорил Андерхилл.

Тем временем таксист, презрительно хмыкнув, отчалил от берега и отправился искать пассажиров побогаче. Мэн, продолжая упрямо шагать вдоль канала, вытер со лба пот. «Отличное местечко этот Вайринг, — подумал он. — Отличное местечко для голодной смерти».

Полчаса тяжелой ходьбы постепенно довели Мэна до тупого озлобления. И если еще Джораст откажется их принять!.. Ему казалось, что сейчас он способен разорвать Вайринг зубами. И проглотить его самые съедобные куски.

К счастью, Джораст их приняла, и землян провели в ее кабинет. Джораст передвигалась по комнате в высоком кресле на колесиках, которое приводилось в движение мотором. Вдоль стен тянулась наклонная полка, похожая на конторку и, видимо, того же назначения.

Джораст была стройной седовласой венерианкой с живыми черными глазами, которые сейчас смотрели настороженно. Она сошла с кресла, указала мужчинам на стулья и на один из них опустилась сама.

— Будьте достойны имен ваших отцов, — вежливо сказала она, в знак приветствия вытянув в их сторону свою шестипалую руку. — Что вас привело ко мне?

— Голод, — резко ответил Мэн. — Я думаю, что пора поговорить откровенно.

Джораст наблюдала за ним с непроницаемым выражением лица.

— Я вас слушаю.

— Нам не нравится, когда нас берут за горло.

— Разве мы причинили вам какое-нибудь зло?

Мэн в упор посмотрел на нее.

— Давайте играть в открытую. Нам созданы невыносимые

условия. Вы здесь занимаете высокий пост, значит, либо мы страдаем из-за вас, либо вы знаете, в чем причина. Так или нет?

— Нет,— после недолгого молчания произнесла Джораст.— Я не столь могущественна, как вам, видимо, кажется. Я ведь не издаю законы. Я только слежу за точностью их исполнения. Поверьте, мы вам не враги.

— Это еще нужно доказать,— мрачно сказал Мэн.— А если с Земли прилетит другая экспедиция и найдет наши трупы...

— Мы вас не убьем. Это у нас не принято.

— Но вы можете уморить нас голодом.

Джораст прищурилась.

— Так покупайте себе пищу. На это имеет право каждый.

— Но чем мы будем платить? Какими деньгами? Вы же отказываетесь от нашей валюты. А вашей у нас нет.

— Ваша валюта не имеет никакой ценности,— сказала Джораст.— Мы добываем золото и серебро в большом количестве — у нас это самые заурядные металлы. А за один дифал — двенадцать фалов — можно купить много еды. За софал — еще больше.

Еще бы! Софал был равен тысяче семистам двадцати восьми фалам.

— А где, по-вашему, мы возьмем эти железные деньги? — рявкнул Мэн.

— Там же, где и мы,— заработайте их. Тот факт, что вы — пришельцы с другой планеты, не избавляет вас от обязанности трудиться.

— Прекрасно,— не сдавался Мэн.— Мы горим желанием трудиться. Дайте нам работу.

— Какую?

— Ну, хотя бы по расчистке и углублению каналов! Любую!

— А вы состоите в таркомаре чистильщиков каналов?

— Нет,— сказал Мэн.— Как это я забыл в него вступить?

Сарказм последней фразы не произвел на Джораст никакого впечатления.

— У нас каждая профессия имеет свой таркомар...

— Одолжите мне тысячу софалов, и я стану членом таркомара.

— Вы уже пытались занять деньги,— сказала Джораст.— Наши ростовщики сообщили, что имущество, которое вы предлагаете в обеспечение долга, не стоит ни фала.

— Вы хотите сказать, что на нашем корабле нет ничего, за что ваши соплеменники могли бы выложить тысячу софалов? Да ведь один только наш водоочиститель стоит для вас в шесть раз больше.

Джораст явно оскорбилась.

— Вот уже целое тысячелетие мы очищаем воду с помощью древесного угля. Сменив этот метод на другой, мы поставим под сомнение уровень интеллекта наших предков. А их образ жизни и принци-

пы с честью выдержали испытание временем. Зачем же их менять? Будьте достойны имен ваших отцов.

— Послушайте...— начал было Мэн.

Но Джораст уже сидела в своем высоком кресле, давая этим понять, что аудиенция окончена.

— Дело дохлое,— сказал Мэн, когда они спускались в лифте.— Ясно, что Джораст приговорила нас к голодной смерти.

Андерхилл с ним не согласился.

— Она тут ни при чем. Джораст всего лишь исполнитель приказов свыше. Политику здесь делают таркомары, которые пользуются огромным влиянием.

— И фактически правят планетой.— Мэн скривил губы.— По всему видно, что венериане — ярые противники каких бы то ни было перемен. А мы для них как бы олицетворяем эти самые перемены. Поэтому-то они решили сделать вид, будто нас вообще не существует. Нет такого закона, который обязывал бы венериан поддерживать отношения с землянами. Венера не расстилает перед гостями ковровые дорожки.

Когда они вышли на берег канала, Майк Парящий Орел нарушил затнувшееся молчание:

— Если мы не придумаем какой-нибудь способ заработать деньги, нам крышка — подохнем от голода. Что касается наших профессий, то при таких обстоятельствах толку от них, как от козла молока.— Он запустил камень в канал.— Ты, капитан,— физик, я — естествоиспытатель, Бронсон — инженер, а Стив Тиркелл — костоправ. Ты же, мой юный бесполезный друг Бертон,— сын миллионера.

Андерхилл смущенно улыбнулся.

— Уж отец-то знал, как делать деньги. А нас сейчас интересует именно это, верно?

— Каким же способом он ухитрился набить карман?

— Биржевые операции.

— Это как раз для нас,— связил Мэн.— Мне кажется, самое подходящее — это разработать какой-нибудь технологический процесс, в котором они остро нуждаются, и продать им идею.

— По-моему, венериане слабовато разбираются в генетике,— сказал Майк Парящий Орел.— А что, если б мне удалось путем скрещивания вывести некое новое съедобное растение?..

— Посмотрим,— сказал Мэн.— Там видно будет.

Пухлое лицо Стива Тиркелла было обращено ко входу в корабль. Остальные сидели за столом и, прихлебывая жидкий кофе, делали записи в блокнотах.

— У меня идея,— сказал Тиркелл.

Мэн хмыкнул.

— Знаю я твои идеи. Что ты нам преподнесешь на этот раз?

— Все очень просто. Предположим, у венериан вспыхивает какая-нибудь эпидемия, а я нахожу антивирус, который спасает их жизнь. Они преисполнены благодарности...

— ... а ты женишься на Джораст и правишь планетой, — докончил Мэн. — Ха!

— Не совсем так, — ничуть не обидевшись, возразил Тиркелл. — Если они окажутся неблагодарными, мы придержим этот антитоксин до тех пор, пока они за него не заплатят.

— В твоей гениальной идее есть одно-единственное слабое место — что-то не похоже, чтобы венериане страдали от какой-нибудь эпидемии, — заметил Майк Парящий Орел. — В остальном она совершенна.

— Я боялся, что вы к этому придеретесь, — вздохнул Тиркелл. — А как бы она нас выручила, такая эпидемия.

— Моя идея — это использование гидроэнергии, — сказал Бронсон. — Или плотины. Здесь что ни дождь, то наводнение.

— Пожалуй, это мысль, — признал Мэн.

— А я займусь скрещиванием в гидропонных садах, — сказал Майк Парящий Орел. — Попробую вывести грибы-бифштексы с привкусом вурчестерского сыра или каким-нибудь еще в том же роде. Ставка на чревоугодников...

— Годится. Стив?

Тиркелл взъерошил себе волосы.

— Я еще помозгую. Не торопи меня.

Мэн взглянул на Андерхилла.

— А у тебя, приятель, есть что предложить?

Андерхилл поморщился.

— Пока нет. Мне в голову лезут одни только биржевые махинации.

— Без денег?

— В том-то и беда.

Мэн кивнул.

— Лично я подумываю о рекламе. Поскольку я физик, это по моей части. Как ни странно, здесь не знают рекламы, хотя торгуют всем. Надеюсь подцепить на этот крючок розничных торговцев. Местное телевидение прямо создано для броской рекламы. Для той трюковой аппаратуры, которую я мог бы изобрести. Чем плохо?

— Построю-ка я рентгеновский аппарат, — внезапно объявил Тиркелл. — Ты мне поможешь, командир?

Мэн согласился.

— У нас есть все необходимое для этого и чертежи. Завтра же приступим. Сейчас, пожалуй, уже поздновато.

И квинтет отправился спать. Всем им приснился обед из трех блюд.

всем, кроме Тиркелла, который во сне ел жареного цыпленка, а тот вдруг превратился в венерианина и начал пожирать самого Тиркелла. Он проснулся весь в поту, выругался, принял снотворное и заснул снова.

На следующее утро они разбрелись кто куда. Майк Парящий Орел, прихватив с собой микроскоп, отправился в ближайший гидропонный центр и принялся за работу. Венериане запретили ему уносить споры на «Гудвилл», но против его экспериментов в самом Вайринге не возражали. Он выращивал культуры, применяя ускоряющие рост комплексные препараты, и пока не терял надежды на успех.

Пэт Бронсон нанес визит Скоттери, старшему гидроэнергетику. Скоттери, высокий, унылого вида венерианин хорошо разбирался в техниках.

— Сколько у вас электростанций? — спросил Бронсон.

— Четыре дюжины на двенадцать в третьей степени. Сорок две дюжины в этом районе.

— А сколько из них сейчас действует? — продолжал допытываться Бронсон.

— Дюжин семнадцать.

— Стало быть, триста, то есть двадцать пять дюжин — на простое. А расходы на содержание и ремонт?

— Это весьма существенный фактор, — признал Скоттери. — Рельеф быстро меняется. Сами знаете, эрозия почвы. Стоит нам построить электростанцию в ущелье, как на следующий год река меняет русло.

И тут Бронсона озарило.

— Предположим, вы строите плотины, чтобы создать водохранилища. У вас тогда будет постоянный источник энергии и вам понадобится всего лишь несколько больших электростанций, которые будут работать бесперебойно. А горы засадите вывезенными с Земли деревьями.

Скоттери поразмыслил над его предложением.

— Количество энергии, которое мы получаем, полностью удовлетворяет наши потребности.

— Но во сколько эта энергия вам обходится?

— Этот расход покрывается прибылью, которая, как и сумма чистого дохода, не меняется вот уже триста лет. А раз у нас есть все необходимое, нам не нужно больше ни одного фала.

— А вдруг мой план интересует ваших конкурентов?

— Их всего трое, и он интересует их не больше, чем меня. Рад, что вы посетили меня. Будьте достойны имени вашего отца.

— Ах, ты бездушная рыба! — вскричал Бронсон, потеряв самообладание. Он с силой ударил кулаком по ладони. — Да я посрамлю имя старого Сеймаса Бронсона, если сейчас не вмажу в твоё мерзкое рыло...

Скоттери нажал кнопку. Вошли два высоченных венерианина. Старший гидроэнергетик указал на Бронсона.

— Выведите его, — приказал он.

Капитан Руфус Мэн и Берт Андерхилл находились в одной из телестудий. Рядом с ними сидел Хэккапай, владелец предприятий «Витси», что в вольном переводе означало «Колючая влага». Их взоры были устремлены вверх на висевший почти под потолком экран. Шла коммерческая телепередача — реклама продукции предприятий Хэккапая.

На экране возникло изображение венерианина — руки в боки, ноги широко расставлены. Он поднял руку с шестью растопыренными пальцами.

— Все пьют воду. Вода полезна. Вода необходима для жизни. Напиток «Витси» тоже полезен. Бутылка «Витси» стоит четыре фала. Все.

Изображение исчезло. По экрану побежала пестрая рябь и зазвучала своеобразного ритма музыка. Мэн повернулся к Хэккапая.

— Это же не реклама. Так не привлекают покупателей.

— У нас так принято испокон веков, — неуверенно возразил Хэккапай.

Из лежавшего у его ног свертка Мэн вытащил высокий стеклянный бокал и попросил бутылку «Витси». Получив ее, он вылил в бокал зеленую жидкость, бросил в него с полдюжины разноцветных шариков и кусок искусственного льда, который опустился на дно. Шарик быстро запылал.

Хэккапая это явно заинтересовало, но тут вошел толстый венерианин и произнес:

— Да будете вы достойны имен ваших предков.

Хэккапай представил его, назвав Лоришем.

— Я решил, что это нужно показать Лоришу. Вас не затруднит проделать все снова?

— Нисколько, — сказал Мэн.

Когда он кончил, Хэккапай взглянул на Лориша.

— Нет, — произнес тот.

Хэккапай выпятил губы.

— С такой рекламой можно продать больше «Витси».

— И тем самым нарушить экономический баланс. Нет. Как представитель таркомаара рекламодателей я это не разрешаю. Хэккапай доволен суммой получаемой им прибыли. Не так ли, Хэккапай?

— Пожалуй...

— Уж не ставите ли вы под сомнение мотивы, которыми руководствуются таркомары?

Хэккапай судорожно глотнул.

— Нет, нет! — поспешно сказал он. — Вы абсолютно правы.

Лориш пристально посмотрел на него.

— То-то же. А вам, землянам, впредь лучше не тратить время на осуществление своей... программы.

Мэн побагровел.

— Это угроза?

— Что вы! Я просто хочу поставить вас в известность, что ни один рекламодатель не примет ваши предложения без предварительной консультации с моим таркомаром. А мы наложим на это запрет.

— Понятно,— сказал Мэн.— Вставай, Берт. Пошли отсюда.

Обмениваясь впечатлениями, они побрели по берегу канала.

— Так мы ничего не добьемся,— заявил Андерхилл.— Впрочем, кое-что нам на руку.

— Что именно?

— Их законы.

— Так они же направлены против нас,— возразил Мэн.

— В принципе — да, но они основаны на традициях и поэтому лишены гибкости и не поддаются свободному толкованию. Если б нам удалось найти в их законодательстве какую-нибудь лазейку, оно перестало бы быть для нас помехой.

— Вот и ищи эту лазейку,— раздраженно сказал Мэн.— А я пойду на корабль и помогу Стиву смонтировать рентгеновский аппарат.

Через неделю рентгеновский аппарат был готов. Мэн и Тиркелл ознакомились с законами Вайринга и почерпнули из них, что с некоторыми незначительными ограничениями имеют право продать сконструированный ими механизм, не состоя в таркомаре. Были отпечатаны и разбросаны по городу рекламные листовки, и венериане пришли поглазеть, как Мэн и Тиркелл демонстрируют свое детище.

Майк Парящий Орел прервал на день работу и от волнения выкурил одну за другой дюжину сигарет из своего скудного запаса. Его опыты с гидропонными культурами потерпели неудачу.

— Идиотизм какой-то! — пожаловался он Бронсону.— Будь на моем месте Лютер Бербанк, у него от этого ум за разум зашел бы. Каким образом, черт возьми, я могу опылять эти не поддающиеся классификации образчики венерианской флоры?

— Выходит, ты так ничего и не добился? — спросил Бронсон.

— О, я добился многого,— с гордостью сказал Майк Парящий Орел.— Я вывожу самые разнообразные гибриды. Но, к сожалению, они нестойки. Я получаю гриб с запахом рома, а из его спор вырастает нечто непонятное, отдающее скипидаром. Такие вот дела.

Бронсон был само сочувствие.

— А ты не можешь за их спиной стащить немного харчей? Будет хоть какой-то толк от твоей работы.

— Они меня обыскивают,— сказал навахо.

— Грязные вонючки! — взвизгнул Бронсон. — За кого они нас принимают? За жуликов?..

— М-м... Там что-то происходит. Давай-ка посмотрим.

Они вышли из «Гудвилла» и увидели, что Мэи отчаянно спорит с Джораст, которая собственной персоной явилась взглянуть на рентгеновский аппарат. Толпа венериан с жадным любопытством наблюдала за ними. Лицо Мэи было цвета спелой малины.

— Я ознакомился с вашими законами, — говорил он. — На этот раз, Джораст, вам не удастся мне помешать. Строительство какого-нибудь механизма и продажа его за пределами городской черты — действия совершенно правомерные.

Женщина сделала знак рукой и из толпы аперевалку вышел жирный венерианин.

— Патент на светочувствительную пленку за номером тридцать шесть дюжин в квадрате, — забубнил он. — Выдан Метси-Стангу из Ми-лоша в двенадцатом в четвертой степени году.

— Это еще что такое? — спросил Мэи.

— Патент, — объяснила Джораст. — Не так давно он был выдан одному нашему изобретателю по имени Метси-Станг. Таркомар купил патент и приостановил производство, однако этот патент остается в силе.

— Вы хотите сказать, что у вас кто-то уже изобрел такой вот аппарат?

— Нет. Всего лишь светочувствительную пленку. Но поскольку она является частью вашего аппарата, вы не имеете права его продать...

Тиркелл круто повернулся и ушел на корабль, где налил себе виски с содовой и погрузился в сладострастные мечты о какой-нибудь эпидемии. Вскоре с огорченными лицами ввалились остальные.

— А все они — таркомары, — сказал Андерхилл. — Стоит им про-нюхать про какой-нибудь новый технологический процесс или изобретение, которое, по их мнению, может повлечь за собой хоть малейшие перемены, как они тут же покупают авторские права на них и закрывают производство.

— Они действуют в рамках своего закона, — произнес Мэи. — Поэтому спорить с ними бесполезно. Мы подчиняемся их законодательству.

— Бобы уже на исходе, — грубовым голосом объявил Тиркелл.

— Как и все остальное, — заметил капитан. — Есть какие-нибудь предложения?

— Должно же у них быть хоть одно уязвимое место! — в сердцах воскликнул Андерхилл. — Рунаюсь, что оно есть. — И прикрыл глаза. — Нашел! Человеко-часы! Это ведь постоянная величина. Стоимость продукции, которую человек может выработать за один час, представляет собой произвольную постоянную — два доллара, дюжина ди-

фалов и так далее. По ней мы и должны нанести удар. Культ предков, власть таркомаров — явления чисто внешние, поверхностные. Стоит пошатнуть основу системы, и их как не бывало.

— А нам-то что с того? — спросил Тиркелл.

— Нужно добиться, чтобы человеко-часы стали переменной величиной, — объяснил Андерхилл. — Тогда может произойти все что угодно.

— Не мешало бы, чтобы наконец что-то произошло, — сказал Бронсон. — И поскорее. У нас еды кот наплакал.

— Хватит ныть, — произнес Мэн. — По-моему, Берт подал интересную мысль. А каким образом можно изменить постоянную величину человеко-часов?

— Вот если б удалось заставить их работать быстрее, — задумчиво проговорил Андерхилл.

— Из хорошей дозы кофенна и комплекса витаминов я берусь состряпать отличный стимулятор, — предложил Тиркелл.

Мэн медленно кивнул.

— Только не для инъекций, а в виде таблеток. Если это себя оправдает, мы втихую займемся их изготовлением.

— А что мы выгадаем, черт побери, если венериане будут работать быстрее? — спросил Бронсон.

Андерхилл прищелкнул пальцами.

— Неужели непонятно? Венериане ультраконсервативны. Тут такое начнется!..

— Чтобы заинтересовать венериан, прежде всего нужна реклама, — сказал Мэн. — Он остановил взгляд на Майке Парящем Орле. — Пожалуй, ты, Краснокожий, подходишь для этого больше всех. По результатам тестов ты у нас самый выносливый.

— Ладно, — согласился навахо. — А что я должен делать?

— Работать! — ответил Мэн. — Работать, пока не свалишься.

Это началось ранним утром следующего дня на главной площади Вайринга. Чтобы избежать неприятностей, Мэн предварительно навел справки и выяснил, что на этой площади венериане со временем намереваются выстроить нечто вроде клуба.

— Строительство начнется еще не скоро, — сказала ему Джораст. — А в чем дело?

— Мы хотим вырыть на этом месте яму, — ответил Мэн. — Мы не нарушим никакой закон?

Венерианка улыбнулась.

— Нет, конечно. Только вряд ли вам поможет публичная демонстрация вашей физической силы. Это же неквалифицированный труд.

— Реклама всегда себя окупает.

— Дело ваше. По закону вы имеете на это право. Однако вы не можете растянуть эту работу надолго, не состоя в таркомаре.

— Иногда мне кажется, что без таркомаров на вашей планете жилось бы куда лучше,— резко сказал Мэн.

Джораст повела плечами.

— Между нами, мне самой это не раз приходило в голову. Но я ведь всего-навсего администратор. Я поступаю так, как мне указывают. Если б мне разрешили, я бы с радостью одолжила вам деньги, в которых вы так нуждаетесь... Однако это запрещено. Традиции не всегда исполнены мудрости, но тут я бессильна. Мне очень жаль...

После этого разговора Мэну как-то стало легче на душе: оказывается, не все венериане были врагами.

На площади его уже ждали остальные члены экипажа «Гудвилла». Бронсон смонтировал табло для текстов на венерианском языке и привез сюда на тачке мотыгу, кирку, лопату и доски. Это зрелище привлекло внимание, и у берега канала остановилось несколько лодок.

Мэн взглянул на часы.

— Все готово, Краснокожий. Поехали. Стив может начинать...

Андерхилл забил в барабан. Бронсон укрепил на табло цифры 4:03:00 по вайрингскому времени. Тиркелл подошел к стоявшему неподалеку легкому складному столику, сплошь заставленному какими-то пузырьками и медицинскими инструментами, вытряс из бутылочки то-низирующую таблетку и вручил ее Майку Парящему Орлу. Индеец проглотил таблетку, взял мотыгу и принялся за работу. Число остановившихся лодок росло.

Прошел час. Другой. Майк Парящий Орел все рыл и рыл. Сперва он рыхлил землю мотыгой, потом лопатой набрасывал ее на тачку, по дощатому настилу отвозил тачку в сторону и вываливал свой груз на растущую кучу земли. Три часа. Четыре... Майк сделал перерыв и быстро перекусил. Бронсон продолжал отмечать на табло время.

Андерхилл сидел за пишущей машинкой. Он уже отпечатал целую гору листов, так как начал работать одновременно с Майком Парящим Орлом. Бронсон вспомнил свой давно забытый талант и жонглировал каким-то подобием индейских дубинок и разноцветными шариками. Он тоже трудился уже не один час.

Капитан Руфус Мэн строчил на швейной машине. Работа требовала большой точности и потому значила немало для успеха их замысла. Только Тиркелл не был занят физическим трудом — он с важным видом разносил таблетки, добросовестно изображая из себя алхимика.

Время от времени он подходил к Мэну и Андерхиллу, подбирал листы бумаги и аккуратно сшитые кусочки материи и складывал это в стоявшие на берегу канала ящики с надписью: «Возьмите одну штуку». На каждом квадратике ткани была вышита машинной фразой «Сувенир с Земли». Толпа росла.

А земляне все работали. Бронсон жонглировал, иногда останавливаясь, чтобы подкрепиться. Майк Парящий Орел копал яму. Мэн стро-

чил на швейной машине. Андерхилл продолжал стучать по клавишам, и венериане читали текст, отпечатанный его порхающими пальцами.

«Бесплатно! Бесплатно! Бесплатно! — стояло в листовках. — Вышитые наволочки с Земли — на память! Бесплатное представление! Понаблюдайте за четырьмя землянами — каждый из них, выполняя свою трудовую операцию, демонстрирует исключительную выносливость, ловкость и точность. Долго ли они продержатся в такой форме? «ПИЛЮЛИ СИЛЫ» неограниченно расширяют их возможности! «ПИЛЮЛИ СИЛЫ» удваивают производительность труда и вдвое повышают его качества! Это земной медицинский препарат. Каждый, кто его принимает, ценится на вес железа!»

Венериане не устояли. Содержание листовки передавалось из уст в уста. Толла густела. Долго ли земляне выдержат этот темп?

А земляне не сдавались. Тонизирующие таблетки и комбинированные инъекции, которые этим утром Тиркелл вкатил своим товарищам, по всей видимости, оказывали свое действие. Майк Парящий Орел рыл землю, как крот. Пот ручьями стекал по его блестящему бронзово-красному туловищу. Он невероятно много пил и глотал таблетки соли.

Мэн все шил, не пропуская ни одного стежка. Он знал, что его изделия изучают самым тщательным образом. Бронсон, ни разу не сбившись, жонглировал. Андерхилл ноющими от боли пальцами стучал по клавишам пишущей машинки.

Пять часов. Шесть. Труд изнурительный, даже с перерывами для отдыха. Семь часов. Восемь. Тьма лодок запрудила каналы, и на них приостановилось движение. Откуда-то вынырнул полицейский и устроил скандал Тиркеллу, который отослал его к Джораст. Должно быть, она как следует прочистила полицейскому мозги, потому что, вернувшись, он присоединился к зрителям и больше ни во что не вмешивался.

Девять часов. Десять. Люди были вымотаны до предела, но продолжали работать. Десять часов геркулесова труда.

Однако к этому времени они уже добились своего: к Тиркеллу подошли несколько венериан и стали расспрашивать про «Пилюли Силы». Что это такое? Правда ли, что, принимая их, работаешь быстрее? Можно ли купить?..

Рядом с Тиркеллом возник полицейский.

— Я получил распоряжение от таркомара фармакологов, — объявил он. — Если вы продадите хоть одну пилюлю, сидите в тюрьму.

— А мы ими не торгуем, — возразил Тиркелл. — Мы раздаем пилюли бесплатно. — Бери, друг. — Он запустил руку в мешок и бросил «Пилюлю Силы» венерианину, который стоял к нему ближе других. — С ней ты удвоишь свою дневную норму выработки. Приходи завтра, получишь еще. И тебе, приятель? Пожалуйста. Тебе тоже? Лови!

— Пойдите... — начал полицейский.

— Сперва получи ордер на арест,— прервал его Тиркелл.— Закон не запрещает делать подарки.

Появилась Джораст в обществе дородного венерианина, которого она представила как главу всех таркомаров Вайринга.

— Прошу прекратить это безобразие,— потребовал венерианин.

Тиркелл знал, что на это ответить. Его товарищи продолжали делать свое дело, но он чувствовал, что они краем глаза наблюдают за этой сценой и невострили уши.

— Что вы хотите нам пришить?

— Э... э, торговлю в разнос.

— Так ведь я ничего не продаю. Эта площадь общественное владение, и мы устроили на ней бесплатное представление.

— А эти... как их... «Пилюли Силы»?

— Подарки,— объяснил Тиркелл.— По закону мы имеем полное право делать подарки. Есть возражения?

В глазах Джораст блеснул огонек, но она поспешно опустила веки.

— Боюсь, он прав. Закон на его стороне. В их действиях нет вреда.

Глава таркомаров густо позеленел, в нерешительности потоптался на месте и, круто повернувшись, зашагал прочь. Джораст бросила на землян загадочный взгляд, повела плечами и отправилась вслед за ним.

— До сих пор никак не приду в себя — мышцы точно свинцом налиты,— сказал через неделю Майк Парящий Орел, сидя в «Гудвилле». — И встать хочется до чертиков. Когда у нас наконец появится еда?

Тиркелл у входа выдал какому-то венерианину «Пилюлю Силы» и подошел к остальным, с улыбкой потирая руки.

— Терпение. Только терпение. Как дела, командир?

Мэн кивнул на Андерхилла.

— Спроси у этого парня. Он только что вернулся из Вайринга. Андержилл хихикнул.

— Там такое делается! За неделю все пошло вверх тормашками. Сейчас каждый венерианин, который вырабатывает штучные изделия, прямо-таки жаждет получить наши таблетки, чтобы ускорить процесс производства и заработать побольше фалов.

— А как на это смотрят их заправилы? — спросил Бронсон.

— Да у них просто глаза на лоб лезут. К примеру, до настоящего времени один венерианин зарабатывал в неделю десять софалов, штампуя пять тысяч крышек для бутылок. Принимая таблетки Стива, он изготавливает восемь, а то и десять тысяч и соответственно зарабатывает больше. Работяга, сидящий рядом, не может с этим смириться и бежит к нам за «Пилюлей Силы» для себя. Цепная реакция. И самое пикантное, что принцип сдельщины, естественно, применим не ко всем

видам труда. Скажем, работа синоптиков измеряется часами, а не количеством выпавших за день дождевых капель.

Мэн кивнул.

— Ты к тому, что это порождает зависть?

— Вот послушай,— продолжал Андерхилл.— Предположим, синоптик получает в неделю десять софалов — столько же, сколько рабочий, штампующий крышечки для бутылок. И вдруг этот рабочий начинает зарабатывать двадцать софалов. Синоптик в недоумении. Он тоже решает попринимать «Пилюли Силы», но это не сказывается на производительности его труда. Тогда он просит повысить ему зарплату. Если ему идут навстречу, это еще больше нарушает экономический баланс. Если же ему отказывают, он обсуждает это с другими синоптиками, и все они приходят к выводу, что с ними обошлись несправедливо.

— Таркомары запретили работать всем венерианам, принимающим «Пилюли Силы»,— сказал Майк Парящий Орел.

— Однако аборигены по-прежнему за ними приходят. Подумаешь, запретили! Интересно, как можно определить, кто их принимает? Понятно, что этот рабочий дает больше продукции, но не могут же таркомары уволить каждого, у кого повышается производительность труда.

— Великолепная идея — это наше показательное выступление,— проговорил Тиркелл.— Оно их просто загипнотизировало. Последнее время я вынужден был снизить тонизирующее действие таблеток: мои запасы на исходе. Но это компенсируется силой внушения.

Андерхилл ухмыльнулся.

— Итак, человеко-час начал выписывать вензеля. Маленькая палочка, вставленная в самое важное колесо. И это не только в Вайринге. Слухи расползаются по всей планете, и рабочие других городов уже интересуются, с какой это стати труд половины рабочих Вайринга оплачивается выше, чем их. Сейчас валютный стандарт — единая для всей Венеры денежная система — работает на нас. Номинальная стоимость товаров ни разу не менялась здесь уже несколько веков. А теперь...

— Теперь все пойдет кувырком,— сказал Мэн.— Таркомары разучились приспосабливаться к переменам.

— Это только начало,— уверенно сказал Андерхилл.— Стив, к тебе еще один клиент.

Андерхилл ошибся. Вошли Джораст и глава таркомаров Вайринга.

— Будьте достойны имен ваших предков,— вежливо сказал Мэн.— Присаживайтесь и угощайтесь. У нас еще осталось несколько банок пива.

Джораст приняла приглашение, а венерианин остался стоять, переминаясь с ноги на ногу и сердито глядя исподлобья.

— Мэлси очень огорчен,— сказала венерианка.— Из-за этих «Пилюль Силы» возникли неприятности.

— Но почему? — удивился Мэн.— Ведь они повышают производительность труда.

У Мэлси перекопилось лицо.

— Это обман! Хитрый ход! Вы злоупотребляете нашим гостеприимством!

— Каким таким гостеприимством? — полюбопытствовала Бронсон.

— Вы поставили под угрозу всю нашу систему! — не унимался Мэлси.— На Венере не должно происходить никаких перемен. Так должно быть и впредь.

— Это почему? — спросил Андерхилл.— Впрочем, на то есть одна единственная причина и вам она хорошо известна. Прогресс в любой области может расстроить планы таркомаров — он грозит им потерей власти. Вы, мошенники и вымогатели, веками правили планетой. Вы клали под сукно изобретения, культивировали застой, пытались задуть инициативу народа — и все для того, чтобы удержаться наверху. Зря старались. Перемены неотвратимы.

Мэлси вперил в него злобный взгляд.

— Вы должны прекратить раздачу этих «Пилюль Силы».

— Приведите закон,— тихо сказал Тиркелл.— Укажите прецедент.

— Закон, дающий право делать подарки,— один из самых древних наших законов,— произнесла Джораст.— В него можно внести изменения, Мэлси, но народ вряд ли это одобрит.

Мэн усмехнулся.

— Безусловно. Это вызовет недовольство, и главы таркомаров утратят репутацию правителей, желающих добра своему народу.

Мэлси позеленел еще гуще.

— Мы можем применить силу...

— Джораст, вы представляете исполнительную власть. Скажите, находимся ли мы под защитой ваших законов? — спросил Андерхилл.

Джораст шевельнула плечами.

— Да, конечно. Законы священны.

Мэлси бросился к ней.

— Вы что, на стороне землян?

— Ах, Мэлси, разумеется нет. Просто я слежу за точным исполнением законов. В чем я присягнула при вступлении на должность.

— Если вам так хочется, мы перестанем раздавать «Пилюли Силы»,— сказал Мэн.— Но уверяю вас, что это только отсрочит события. Вы не в силах остановить прогресс.

— Значит, вы прекратите раздачу этих пилюль?

— Да, при условии, что вы нам за это заплатите.

— Мы не можем вам заплатить ни фала,— заупрямился Мэлси.— Вы же не состоите ни в одном таркомаре.

Джораст прошептала:

— Вы могли бы подарить им, ну, тысяч десять софалов.

— Десять тысяч! — вскричал Мэлси.— Да вы что, смеетесь?

— Только так,— сказал Андерхилл.— Впрочем, нас больше устроит пятьдесят тысяч. На эти деньги мы сможем беззаботно прожить год.

— Нет!

Снаружи к входу в корабль подошел какой-то венерианин, просу-нул голову в отверстие клапана и сказал:

— Сегодня я заработал вдвое больше, чем прежде. Не дадите ли вы мне еще одну «Пилюлю Силы»?

Тут он увидел Мэлси и, охнув, исчез.

Мэн пожал плечами.

— Выбирайте. Или вы нам заплатите, или мы по-прежнему будем раздавать «Пилюли Силы».

Джораст прикоснулась к руке Мэлси.

— У нас нет другого выхода.

— Я...— К этому времени глава таркомаров уже почти почернел от бессильной злобы.— Ладно,— сдался он.— Я вам этого не забуду, Джораст,— процедил он сквозь зубы.

— Но ведь мой долг — блюсти закон,— сказала венерианка.

Мэлси промолчал. Он быстро нацарапал чек на пятьдесят тысяч софалов, подписал его и сунул листок Мэну. Потом он с ненавистью оглядел внутренность кабины космолета и двинулся к выходу.

— Живем! — воскликнул Бронсон.— Пятьдесят косых! Уж сегодня-то мы наедемся до отвала!..

— Да будете вы достойны имен ваших отцов,— тихо сказала Джораст. У выходного клапана она задержалась.— Боюсь, вы очень огорчили Мэлси. А Мэлси — глава всех таркомаров...

— Чем он может нам напакостить? — спросил Андерхилл.

— Ничем. Ему не позволят законы. Однако... приятно сознавать, что у таркомаров есть свое слабое место.

Джораст многозначительно подмигнула Мэну и удалилась.

— Ну и ну! — воскликнул Мэн.— Как это понимать? Не значит ли это, что правлению таркомаров приходит конец?

— Все может быть,— сказал Бронсон.— Только мне на это наплевать. Я голоден и хочу гриб-бифштекс. Где здесь можно обратить в наличность чек на пятьдесят косых?

Перевела с английского Светлана ВАСИЛЬЕВА

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

Реализм фантастики

Несмотря на работы Е. Брандиса, А. Бритикова, Г. Гуревича, Ю. Кагарлицкого, Т. Чернышевой и некоторых других исследователей, теория научной фантастики еще туманна. Настолько, что до сих пор бытуют определения типа «литература о будущем», «литература мечты», хотя всякий читатель НФ без труда припомнит произведения отнюдь не о будущем (В. Обручева, например) и такие, в которых мечта не присутствует (все антиутопии). Спорят даже о том, что важнее в НФ идеи или художественность, хотя это похоже на выяснение, какая нога главнее — левая или правая. Дошло до того, что в солидной дискуссии на страницах «Литературной газеты» один автор фактически потребовал подчинения НФ законам науки, хотя это настоящие столь же правомочно, как идея подчинить научное исследование законам искусства.

Правда, причину такого сумбура можно понять. Известно, что если хотя бы один факт не укладывается в сложившиеся представления и концепции, то это означает их недостаточность и требует теоретических новаций, что сложно. А научная фантастика преподносит подобные факты. Как, например, объяснить ситуацию, что уже лет десять — пятнадцать Жюль Верн опережает по числу изданий и переводов всех писателей Франции за всю историю ее литературы? Действительно, как? Жюль Верн вроде бы не сопоставим с Бальзаком, Флобером или Мопассаном. Может быть, перевес ему создает детская аудитория? Сомнительно, так как взрослая аудитория обширней, но предположим. Что же, спрашивается, так прельщает в Жюле Верне современных подростков? Во многом устаревшие фантазии? Или, быть может, приключенческая динамика? Но тогда почему не Дюма? Да и какая по нынешним меркам у Жюль Верна динамика; тут десятки современных сочинителей забьют старика по всем статьям... Словом, все настолько малопонятно, что литературоведение предпочло проигнорировать возникшую ситуацию.

А ведь это далеко не все, что таранит сложившиеся представления и концепции. Зададим себе необычный вопрос. Как великая литература девятнадцатого и начала двадцатого века отразила, осмыслила надвиг технического прогресса и возрастающую роль науки? Насколько она предвосхитила обусловленные этим перемены грядущего? В каких произведениях крупно предстал новый герой времени — ученый с его

взрывоносными исследованиями и творящий небывалую машинерию изобретатель, инженер, конструктор?

Увы, обзор литературы, скажем, от Бальзака до Голсуорси оказывается в этом смысле разочаровывающим. Мало что она здесь уловила, запечатлела, еще менее превосхитила. Что же получается? Великая, могучая и правдивая литература прошлого оказалась подслеповатой, слона-то, выходит, она не заметила?..

Нет. Мировая литература недавнего прошлого и тут продемонстрировала свою зоркость. Если, конечно, не вычленять из нее, как это нередко делается, линию Жюль Верна — Уэллса. При этом и только при этом условии все встает на свои места. Ничего литература не пропустила! Просто каждый делал свое дело. Силу одних писателей составляло одно, силу других — другое, и то, что в линии Бальзака — Голсуорси представало опосредованным, едва уловимым, в линии Жюль Верна — Уэллса главенствовало. Именно в произведениях тогдашней научной фантастики художественный сейсмограф бил бурю, прямо указывал на научно-технический прогресс как на возбудитель грядущих сдвигов, именно в этой литературе возникал образ творца невиданных перемен жизни!

Почему именно фантастика потянула новую тему?

Легко заметить, что реалистические и фантастические элементы взаимодополнительны в литературе. Наглядный тому пример дает история отечественной литературы. Широко известна мысль Достоевского, что «все мы вышли из «Шинели» Гоголя». А ведь «Шинель» не только пролог и шедевр критического реализма, но и примечательный образец фантастики: шинель-то с генерала сдирает мертвец!

В этой частности отразилось общее: полное вычленение фантастики сокрушило бы стовые хребты всемирной литературы, включая такие ее вершины, как «Одиссея» и «Фауст».

Упомянутая взаимодополнительность существует в литературе потому, что она наличествует в жизни. Во-первых, в природе, как и в социуме, всегда было, есть и будет непознанное, а оно неизбежно порождает фантастические образы и представления. Во-вторых, фантастические образы подчас произвольно создает сама наша психика (наиболее очевидный тому пример — сновидения). Фантастика не могла не возникнуть в искусстве! И она возникла с наидревнейших времен, о чем ясно свидетельствуют хотя бы сказки.

Сказанное уже подводит к ответу на вопрос, почему именно фантастика, как это ни парадоксально, резче всего отразила коренную особенность нового времени и стала действенным инструментом художественного постижения реальности в эпоху ускорившегося прогресса. Действенным, а при загляде в даль завтрашнего и вовсе не заменимым. Ведь именно фантастика более всего имеет дело с непознанным, загадочным и таинственным, а прогресс как раз устремлен в

неведомое, прежде не бывшее, не постигнутое и соответственно до поры до времени туманное и загадочное.

Тут фантастике, как говорится, и карты в руки. Но не всякой. Даже не понимая, в чем дело, мы улавливаем ощутимую разницу между фантастикой Гофмана — Гоголя — Булгакова и фантастикой Жюль Верна — Уэллса — Ефремова. Это разные виды фантастики, и термин «научная фантастика» возник неспроста. При всей своей неточности он нужен для классификации и анализа, и за ним стоит непустяковое содержание.

Какое?

Вынужден разочаровать любителей простых и коротких ответов: их не будет. Мало того, теперь нам придется вникнуть в проблемы куда более общего характера. Это продиктовано необходимостью, иной путь неплодотворен. Ведь если физика имеет дело с природой, то литература — с человеком и миром. А чем сложнее объект, тем сложнее система средств его выражения и раскрытия, неважно, научная ли это система или художественная. Соответственно, вопреки распространенному убеждению, «всем понятная» литература в сути своей едва ли проще квантовой механики или теории относительности, и тут ничего не поделаешь. Поэтому легкого чтения далее не обещаю.

Начнем с литературной тематики. Тема в литературе — это нацеленность искусства на тот или иной объект действительности. А поскольку таких объектов невероятное множество, то соответственно велико и количество литературных тем.

Но если получше приглядеться к тематике традиционных видов литературы (и не столь давно возникшего детектива), то можно выявить и обнаружить, что все тут имеющееся как будто необозримое многообразие укладывается в рамки всего трех метатем.

Вот как выглядит эта триада. Первая метатема: духовный, личностный, сокровенный мир человека. Вторая: человек в своей деятельности и взаимосвязи с другими людьми (деловые и межличностные отношения). Третья: человек и общество, шире — человек и окружающий его мир.

И все, других метатем вроде быть не должно, ибо наша триада, похоже, обеспечивает настолько полное перекрытие всех объектов действительности, что любая конкретная тема любого конкретного произведения, что бы ни изображалось в нем, оказывается подчленом данной триады.

Ясно, что все метатемы взаимообусловлены, ибо нельзя абстрагировать, допустим, духовный мир человека от межличностных отношений, хотя, понятно, одно не тождественно другому. Тем не менее правомочен вопрос о доминантности той или иной метатемы как в отдельном произведении, так и в отдельных видах литературы. Действительно, не так уж сложно выделить произведения, где доминирует одна из метатем (или две сразу), тогда как третья, если и присутствует, то за-

нимает скромное, подчиненное место. Так, метатемы «Духовный мир человека» и «Межличностные отношения» главенствуют в психологической прозе (например, у Марселя Пруста). А, скажем, у Вольтера, наоборот, явно доминирует метатема «Человек и мир», тогда как остальные, в особенности первая, окраинны и подчиненны. Немало, разумеется, и таких писателей, в творчестве которых мощно звучат все три метатемы (например, Лев Толстой, Достоевский). Словом, в литературе возможны — и реализуются — все варианты метатемных сочетаний, соподчинения и доминирования.

Необходимо отметить, что упомянутые метатемы не сразу возникли и сформировались в теперешнем виде. В древней и средневековой литературе метатема «Духовный, личностный мир человека» еще слабо развита, как правило, едва проступает, и понятно, почему так: человеку тогда было свойственно роевое, общинное, сословное самосознание; стяг личной особицы, сугубой индивидуальности был поднят лишь Возрождением, хотя, заметим, отчасти эта манифестация произошла еще в античности. Не удивительно, что психологическая проза стала поздним завоеванием литературы и обрела значительные, если не сказать господствующие, позиции сравнительно недавно. Наоборот, метатема «Человек и мир» сильно, хотя и по-разному звучала в литературе с давних времен (вспомним мифологию!). А вот ее сочлен «Человек и общество» в прошлом едва уловим, тогда как в литературе нового времени он-то и вышел на передний план.

Этот краткий экскурс в историю подводит нас сразу к двум выводам. Первый и главный: не всякий, даже масштабный объект действительности немедленно становится предметом литературы. Личностный мир человека существовал всегда, но потребовались тысячелетия общественного развития, прежде чем литература сосредоточила на нем свое внимание, по существу, открыла его для себя. Примерно то же самое произошло и с таким объектом, как «общество».

Второй и побочный вывод сводится вот к чему. Приоритеты и достижения современной литературы могут породить и нередко порождают стойкие литературоведческие абберации. В частности, представление, будто психологизм и углубленная разработка характеров есть неотъемлемый и чуть ли не главный признак настоящей, большой литературы. Меж тем стоит приложить эту мерку к литературе прошлого, как результат окажется пагубным, опустошительным как для цикла «Тысяча и одна ночь», так и для «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта. Да и в наше время достоинство, скажем, «Земли людей» Экзюпери отнюдь не в психологизме и глубине характеров.

Ранее было сказано, что литература поконит на «трех китах». Однако внимательный читатель наверняка заметил оговорку насчет ее традиционных видов. Дело в том, что не вся современная литература ба-

зируется на трех перечисленных метатемах. Как раз научная фантастика, и только она, зиждется на четвертой по счету метатеме, которую можно сформулировать так: «Человек и человечество перед лицом грядущего; человек и человечество перед лицом невероятного, фантастического, но, быть может, тающегося за горизонтом прогресса или в природе».

Не станем пока расшифровывать формулировку, лишь отметим, что она, как и в случае третьей, да и второй метатемы, двучленна. Сейчас перед нами более насущный вопрос. Откуда взялась четвертая метатема, если совокупность других как будто охватывает собой всю действительность? Не мнимость ли это, а если нет, то почему?

Как уже говорилось, становление любой метатемы есть результат глубоких жизненных перемен, возникновения новых общественных, а стало быть, и читательских потребностей. Могла ли четвертая метатема прозвучать в литературе, когда само понятие прогресса было неведомо людям? Когда будущее виделось вариацией прошлого или его упадком (миф об утраченном «золотом веке»), или осуществлением божьего промысла? Меж тем эпоха, о которой идет речь, — это вся история человечества до недавнего времени. Вспомним кредо былых веков: «Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем». Сама идея прогресса, было мелькнувшая в античности, даже в философии прочно утвердилась лишь к концу восемнадцатого века...

Похоже на ситуацию с метатемой «Личностный мир человека», не правда ли? Читательское восприятие — вот та среда, в которой существует и развивается литература; что не воспринимается аудиторией, то и у пишущего может возникнуть только в зародыше. Положение философской литературы в этом смысле более выигрышно: тут немногие пишут для немногих. Не удивительно, почему наш основной объект (творимое людьми будущее) впервые обозначился в философских трудах. Первое утопическое сочинение принадлежит Платону; прошло два тысячелетия, прежде чем эстафета была подхвачена. При этом Томас Мор ввел в утопию новый существенный момент: свершения науки, которые во многом предопределяют облик желанного состояния общества. Собственно художественная литература оставалась пока в стороне (можно, конечно, припомнить Луккиана Самосского, который дерзнул послать человека на Луну, но у него это был скорее литературно-философский прием). Тем не менее ближе к нашему времени положение стало меняться и в литературе. Тема иного, непохожего на действительность будущего, притом созданного не богами, а человеком, отчасти дает о себе знать у Рабле («Телемская обитель»). Свифт, хотя и иронично, обращает внимание уже на науку, которая в его время обрела такое значение, что размышления о человечестве стали без нее невозможны; и вот Гулливер сталкивается в своих странствиях с Лапутой и лапутянами. Здесь краешек новой, четвертой метатемы

уже выдвинулся из-за горизонта, и наше литературоведение это подметило: Ю. Кагарлицкий прямо связал творчество Свифта с зарождением научной фантастики. Действительно, ее истоки прослеживаются и там.

Все же научная фантастика как таковая возникает лишь в девятнадцатом веке. Первые ее проявления, как это обычно бывает, остались незамеченными, и поражает дальновидность Гонкуров, которые после чтения Эдгара По не только отметили в своем «Дневнике» зачин новой литературы «научного фантазирования», как они ее назвали, но и предрекли ей огромное будущее в литературе двадцатого столетия.

Неизбежно возникает вопрос, почему именно середина прошлого века стала колыбелью научной фантастики. Почему это не произошло раньше, ведь идея прогресса утвердилась к концу предыдущего столетия? Да, но массовое ее осознание наступило позже. Вдобавок идея не обрела зримого воплощения, жизнь не подтверждала ее наглядно для всех. Обстоятельство крайне существенное и для читателя, и для писателя, ибо литература, по определению, есть «мышление (стоило бы добавить: «...и чувствование») в образах». В образах! А «образ прогресса» еще ускользал от внимания, будничность не сталкивала с ним воочию и повсеместно. Конечно, немаловажный толчок массовому сознанию дала Французская революция. Иное будущее, казалось, готово было осуществиться тотчас и по воле людей! Но, увы, обещанный мир «свободы, равенства, братства» обернулся иллюзией, на смену королю вскоре пришел император, за ним последовал король прежней династии. Многое вернулось на круги своя, породило разочарование в самом прогрессе, который виделся тогда лишь в социальной и духовной своей ипостаси. Горечь несбывшихся надежд, естественно, сказалась и на отношении литературы к прогрессу.

Зато в последующие десятилетия новое, не бывшее в прежних веках, ранее, казалось бы, фантастическое, но созданное людьми явилось в наглядном образе. Наглядном и для писателей, и для читателей: железные дороги, пароходы, телеграф, паровые машины фабрик — не заметить столь революционных перемен в транспорте, связи и производстве было нельзя. Это уже не техническая экзотика конца восемнадцатого века, машинерия прочно входила в быт. И производила сильное впечатление. Вызывала бурные эмоции, начиная с паники (одна английская газета даже писала, что из-за грохота и скорости паровозов женщины перестанут рожать), и кончая восторгом (недаром в известном романе Глинки о пуске железной дороги пелось: «И ликует весь народ!»). Словом, на двигался шумный, огнедышащий машинный прогресс. Порожденный человеком, все более очевидный, будоражащий, не всегда понятный. Невольно побуждающий задуматься: а что это такое? а что он несет? как пойдет дело дальше?

Новое, прежде, казалось бы, невероятное, фантастическое становилось реальностью. Сбывалось по воле человека и, что немаловажно, при жизни одного поколения, чего прежде тоже никогда не бывало. Соответственно возникли новые читательские запросы, и творчество первых научных фантастов более всего и прежде всего сосредоточилось на перспективах техники. А поскольку в это время завершалось еще и открытие Земли, то данная тема сопряглась с темой освоения новых пространств. Все закономерно: каков запрос жизни — таков и ответ литературы. Человек и техника грядущего; человек, посредством науки и техники покоряющий недоступные пространства земли, океана, воздуха и даже космоса, — таков лейтмотив творчества Жюль Верна и других научных фантастов того времени. Не всех, разумеется, иные темы проступали в творчестве Эдгара По и Мэри Шелли, и все же на авансцену вышла, так сказать, научно-техническая фантастика приключений, путешествий, а заодно и популяризации научных знаний. Тут еще многов, как это неизбежно бывает при становлении, слитно, недифференцировано. В нашей поздно возникшей НФ этот уклон сохранился до пятидесятых годов. Что, кстати, породило стойкое представление, будто научная фантастика — это преимущественно детско-юношеская литература о перспективах науки и техники с неизбежным элементом популяризации и ярко выраженным приключенческим началом.

Однако менялось время, менялись общественные потребности и читательские запросы, соответственно менялась и научная фантастика. Второй этап ее развития неразрывно связан с Уэллсом. В его творчестве метатема «Человек и человечество перед лицом грядущего; человек и человечество перед лицом невероятного, фантастического, но, быть может, таящегося за горизонтом прогресса или в природе» развернулась вполне. Уэллс ясно увидел взаимосвязь научно-технического прогресса с социальным. Понял, что человек столь же централен в научной фантастике, как и в других видах литературы (поэтому всякая машинерия и в ней должна «знать свое место»). Уяснил, что на смену настоящему неизбежно придет качественно иное будущее, и задумался о человеке, каков он есть, как выглядит «при свете будущего», что оно ему несет, что может произойти с людьми в даях грядущего. «Научно-техническая» линия фантастики окончательно сошлась в его творчестве как с общелитературной, социально-психологической, так и с философской. Нелишне отметить, что огромное влияние на Уэллса оказали идеи социализма; воспринял он их с реформистских позиций, тем не менее его творчество прошло под их знаком, что в немалой мере способствовало выходу фантастики на новые орбиты.

История научной фантастики, конечно, гораздо богаче и шире сказанного, но это особая тема, которой мы коснулись лишь постольку, поскольку это было необходимо. Главное, надеюсь, прояснено. Чет-

вертую метатему литература обрела тогда, когда ускорение прогресса стало бросаться в глаза и, так сказать, «материализовалось в натуре». Если все же остались сомнения в том, что эта метатема столь же правомочна, значима и самостоятельна, как остальные, до нее утвердившиеся в литературе, то приглядимся, что с ней связано ныне.

Не более и не менее как судьба человечества. Неоспоримо, что будущее стало для нас наиважнейшим предметом ожиданий, размышлений, надежд и тревог. Вероятностное по своей природе, оно сулит невиданные перспективы расцвета жизни, и в нем же таится страшная угроза ядерного всеуничтожения либо экологической катастрофы. Никогда варианты будущего не были представлены в столь яркой противоположности! И мы все отчетливей чувствуем, понимаем, что будущее грядет быстро, очень быстро. Что осуществление того или иного варианта грядущего — это вопрос жизни и смерти. Что в отправной точке речь идет о **выживании** человечества. Если не это главное для людей, стало быть, для читателей и писателей, то что же тогда считать главным? Все, связанное с «Человеком и человечеством перед лицом грядущего», приобрело исключительное, небывалое прежде значение. А если так в жизни, то и значение соответствующей метатемы в литературе больше не требует разъяснений.

Можно ли при этом расторгнуть связь будущего с фантастичностью, обойтись лишь первой частью формулировки названной нами метатемы? Мысленно переместим в наши дни человека прошлого века. Могут ли быть сомнения, что наша современность поразит его своей фантастичностью? Ведь сбылось и то, что не снилось! То, что в девятнадцатом веке казалось заведомо невероятным, безусловно фантастическим, — и это осуществилось! Всплыло из-за горизонта прогресса, стало явью. Фантастическое все быстрее преобразуется в реальное, и без учета этого процесса ныне непостижима сама действительность.

Вот что вызвало к жизни, а затем развило новый вид литературы, который зиждется на четвертой, исторически недавно возникшей метатеме «Человек и человечество перед лицом грядущего и всего фантастического, что, быть может, таится за горизонтом прогресса». Это не значит, что прочие метатемы в научной фантастике не присутствуют. В той или иной, иногда значительной мере они, конечно, присутствуют, никакая литература не может уйти от них. Но **доминанта** научной фантастики — четвертая метатема. Тут водораздел, отличающий этот вид литературы от всех других, даже от обычной фантастики. Не столь существенно, присутствует ли в НФ «наука» или отсутствует, есть там небывалая машинерия или ее начисто нет, — все это производные, не строго обязательные признаки НФ. Какая метатема доминирует в том или ином произведении — вот главный критерий различия.

Ту же самую мысль писатель-фантаст Г. Гуревич выразил иначе: есть фантастика-тема и есть фантастика-прием. Это верно, но требует существенного уточнения. Действительно, в «Носе» Гоголя или в «Мастере и Маргарите» Булгакова (ряд можно продолжить) фантастика именно прием, эффективный способ остранения действительности; четвертой метатемы здесь практически нет. Наоборот, в фантастике Уэллса, Стругацких (ряд можно продолжить) она главенствует. Однако «тема» здесь обычно еще и прием, допустим, показа человека и современности «в свете будущего», в чем легко убедиться, анализируя хотя бы романы Уэллса. Это причина, почему я не следую формулировке Г. Гуревича, а даю, как мне кажется, более сложную.

Упрощению, редуцированию до краткого «Человек и человечество перед лицом грядущего» наша формулировка не поддается еще и потому, что, как уже отмечалось, есть произведения научной фантастики, где будущее никак не затрагивается, не изображается. Зато неизменно присутствует человек, столкнувшийся с чем-то невероятным, фантастическим. И не просто невероятным (тогда бы стерлось важное отличие научной фантастики от всякой иной). Нет, речь, повторяю, идет о невероятном, часто, казалось бы, невозможном, и тем не менее, кто знает, быть может, тащемся за горизонтом прогресса или в природе. Прежде всего за горизонтом прогресса!

Это один из ключевых моментов понимания сути научной фантастики. Ни гоголевского Носа, ни гётевского Мефистофеля заведомо нет в природе, не сыщутся они и за горизонтом прогресса, все это прием и только прием. А например, столь нередкие в НФ дикий и инопланетные могут быть. А могут и не быть. Заранее неизвестно, что может открыться в природе и проявиться в будущем. Неизвестно, и это одна из причин, почему научная фантастика ведет свой поиск отнюдь не в «рамках науки» и часто не в соответствии с ее постулатами. Право художественной литературы привлекать для решения той или иной идейно-художественной задачи хоть демона, хоть «машину времени». Это главное. Но что касается НФ, то дело не только в этом. Исторический опыт нам показал, что сбывается не только прогнозируемое, но и непредвиденное, подчас даже, казалось бы, антинаучное. За примером недалеко ходить. Как бы еще в тридцатых годах было воспринято утверждение, что призраки людей и предметов возможны как физические субстанции? Клеймо антинаучности, а то и мистики было бы наложено тут же. А сегодня подобные призраки созданы, существуют, ибо что такое голографический, лишь на ощупь отличный от вещной реальности образ, как не тот самый призрак? И кстати, впервые эти образы-призраки (приведения то ж) возникли как возможные в будущем физические доподлинности именно в научной фантастике. Призраки и раньше разгуливали по литературе, но прежде они были либо явлениями потустороннего мира, либо сюжетно необходимыми

персонажами, вроде «тени отца Гамлета». Лишь научная фантастика сказала: быть может... Сказала и как могла (см. «Тень Минувшего» И. Ефремова) обосновала, почему это возможно.

Между прочим, по свидетельству самих ученых, это оказало влияние на научный поиск. Ничего странного в этом нет. Научная фантастика порождена ускорением прогресса, но по закону обратной связи она, в свою очередь, должна воздействовать на него. Заметим в этой связи, что и самолеты, и телевидение, и роботы, и лазеры, и космические корабли, и многое другое впервые объявились в научной фантастике. Нередко до того, как были разработаны научные теории, показывающие, что и такое возможно.

Это доказывает прогностическую силу научной фантастики. Но отнюдь не делает ее какой-то литературой предвидения. Если бы ее смысл заключался только в предвосхищении, читали бы мы сегодня «20 000 лье под водой» Жюль Верна или «Аэлиту» А. Толстого? Едва ли, ибо там «все устарело». Читаемыми эти произведения делает художественное, человеческое, никак не сводимое к прогностике содержание. А оно, как во всякой иной литературе, многозначно. Настолько, что почти всю научную фантастику с тем же успехом можно назвать литературой о... современности.

Эта двойственность НФ, ее обращенность как к будущему, так и к настоящему давно подмечены исследователями. Установлено, что она столь же отражает современность, как и другие виды литературы, только иначе ее воспроизводит и преломляет. Научная фантастика, как правило, весьма обобщенно, порой даже абстрагированно схватывает состояние действительности, ее сиюминутную данность. И в этом она сильно уступает обычной прозе. Зато она неплохо улавливает динамику современности и, пожалуй, как никакая другая литература, замечает не всегда очевидные тенденции развития.

Как раз поэтому научная фантастика становится панорамным зеркалом чаяний, тревог, надежд, стремлений и упований своего времени. И одновременно магическим кристаллом, позволяющим кое-что различить в завтрашнем, а то и послезавтрашнем дне. Обратимся к тому же Жюль Верну. Прогностическое значение его творчества велико. Вместе с тем в его ранних произведениях отразились восторг общества перед раскрывшимся могуществом человеческого интеллекта, мечта о покорении новых пространств, вера, что победы науки и техники несут грядущему свет, оптимистическое восприятие прогресса. Все это было весьма свойственно тому времени. И спросим себя, в каких еще произведениях того периода эти мечты и надежды отразились столь мажорно и явно? Заглядывая в будущее, Жюль Верн, как никакой другой писатель, выразил существенную черту своей современности.

Позже на его произведения легла сгущающаяся тень сомнения, разубеждения в однозначной благостности технического прогресса. А в

произведениях Уэллса уже контрастно обозначилась та полярность вариантов будущего, о которой пишут сегодняшние газеты. И ведь когда обозначилась! Еще не кончилась «прекрасная эпоха» расцвета буржуазной цивилизации, катастрофы первой, тем более второй мировой войны абсолютному большинству людей казались немислимыми, невозможными, а в одном тогдашнем произведении Уэллса уже проглянул злобещий образ Хиросимы и Нагасаки!

Опять же: наметившийся кризис буржуазной цивилизации выявили и превосходно запечатлели многие писатели того времени. Кто, однако, подметил зарождение таких потрясений и катастроф? Столь зоркое проникновение в современность, столь точное отражение и предвосхищение ее наиважнейших тенденций оказалось возможным именно потому, что научный фантаст, наблюдая современность, не ограничивается ею. «Здесь и сейчас», преобладающее в других видах литературы, для него неразрывно с «тем и тогда»; настоящее тесно связано с дальним, загоризонтным, вероятностным, еще не возникшим, до поры до времени туманным и фантастическим. Тут взаимообусловленность и дополнительность: один лик НФ обращен к настоящему, другой — к будущему. Иначе, понятно, и быть не может: загляд в будущее немислим без проникновения в прошлое и внимания к сегодняшнему. Отсюда прогнозируемость этой литературы и отсюда же ее современность, подчас злободневность.

Разумеется, все только что сказанное — генерализация. Иначе нельзя выделить главное, хотя при этом приходится поступаться деталями. Но есть такая, которую опускать нельзя.

Как уже отмечалось, четвертая метатема есть доминанта научной фантастики. Но в конкретных произведениях — это следует подчеркнуть — может главенствовать либо первое, либо второе ее слагаемое. Они тесно сцеплены (все, что, быть может, грядет из-за горизонта прогресса, уже является признаком будущего), но, само собой, не тождественны. Соответственно есть произведения «о будущем» как утопического, так и антиутопического характера. И есть такие, где действие разворачивается в настоящем, где наш современник лишь сталкивается с чем-либо «фантастическим, но, быть может, тящимся за горизонтом прогресса». Тут спектр со множеством оттенков и линий. Научная фантастика столь же многообразна и несхематична, как любой другой род литературы. Формулировки типа «литература мечты», «литература о будущем», «литература идей и прогнозов» возникают прежде всего потому, что берется, абсолютизируется один частный признак НФ, а прочие игнорируются.

Доминирование четвертой метатемы художественной литературы — вот единственное, что объединяет подчас очень несхожие произведения научной фантастики. И отличает их от всех прочих.

Отличает, но не обособляет и, вопреки некоторым критическим высказываниям, не выделяет НФ в некую автономную область, где будто бы действуют иные, чем в обычной литературе, законы. В литературе, как уже отмечалось, возможны все варианты метатемного соподчинения и доминирования. Соответственно четвертая метатема может присутствовать в обычной прозе на правах субдоминанты. Это мы наблюдаем, скажем, в «Бурном полустанке» Ч. Айтматова, где она, бесспорно, наличествует. Но не доминирует, по какой причине данный роман никак нельзя назвать произведением НФ.

Точно так же отмечалось, что для литературы обычны полидоминантные произведения. Следовательно, надо искать и такие, где четвертая метатема главенствует наряду с прочими. Действительно, такие произведения есть. Например, о произведениях К. Воннегута, отчасти Р. Брэдли, как и о некоторых романах Уэллса порой трудно сказать, НФ это или не НФ. Трудно по той простой причине, что они полидоминантны, причем чаще всего четвертая метатема главенствует в них наряду с третьей. Иначе говоря, по признаку доминирования выделяются как «чистые линии» НФ, так и «гибридные»; явление, свойственное всем видам литературы. Как видим, метатемный подход — это средство анализа, а не очередная жесткая схема. Более того, данный подход обладает прогнозной силой, ибо позволяет предсказать, какой еще несбывшийся вариант может осуществиться и даже оказаться событием: роман, в котором одинаково мощно прозвучали бы все без исключения метатемы. Такого произведения пока нет, это задача наивысшей сложности. Но, думается, лишь при удачном ее разрешении возможен всесторонний охват теперешней современности. Ведь как уже было показано, преобразование недавно, казалось бы, фантастического в реальное стало существенной чертой действительности, а значит, вне и помимо четвертой метатемы ее художественное постижение будет неполным.

Коснемся теперь морфологии НФ. Здесь много слов не потребуется, поскольку она уже выявлена исследователями, а кто незнаком с соответствующими работами, хорошо знает НФ, тот сам может выделить ее формы. Что тут обращает на себя внимание, так это разнообразие научной фантастики. Рассказ, повесть, роман — представлены решительно все прозаические жанры. Ограничений нет и в драматургии («Мафусаил» Б. Шоу, «Клоп» Маяковского и т. д.), в поэзии (сходная картина, между прочим, наблюдается в кино, а теперь и в живописи). Если же выделять формы НФ по иным признакам, то снова окажется, что представлено едва ли не все и вся. Так, есть приключенческая и детективная НФ, героико-романтическая, социально-философская, политическая, нравственно-психологическая, сатирико-юмористическая, даже сказочная или, наоборот, научно-художественная. Недаром о

НФ порой говорят, что это не вид, а род искусства. Действительно, коль скоро есть своя метатема, то следует ждать большего разнообразия средств подхода к ней и способов изображения, а стало быть, и многообразия форм НФ в разных сферах искусства. Что и наблюдается.

Отметим это и двинемся дальше. Пора наконец проанализировать поэтику НФ, выявить особенность художественных средств, которыми она оперирует.

Тут мы сразу сталкиваемся со странным пассажем критико-литературоведческой мысли. У психологической прозы своя типологическая специфика, у юмористической своя и так далее, иначе и быть не может. Нонсенс, если бы «Золотой теленок» был написан в стиле «Хождения по мукам», или наоборот! Не меньшее своеобразие должно быть присуще НФ, все это вроде бы ясно, как дважды два, и не должно вызывать никаких нареканий. Но почему-то специфика НФ, и только НФ, на некоторых критиков действует раздражающе; один выступивший на страницах «Литературной газеты» писатель даже усомнился, литература ли она. Правда, для этого ему пришлось исключить из научной фантастики Уэллса и Лема...

Тем более надо разобраться в пресловутой «специфике НФ».

Хорошо известно, что писатель использует те художественные средства, которые наиболее отвечают складу его дарования и той идейно-художественной задаче, которую он перед собой поставил. Но есть и другая сторона дела: сам объект изображения влияет на выбор художественных средств, способов и приемов. Никто не отвинчивает гайки дрелью и не сверлит стену при помощи гаечного ключа, не помещает бактерию под телескоп и не наблюдает галактики в микроскоп. А научная фантастика как раз тем характерна, что у нее свой объект изображения, своя метатема. И этот объект тем принципиально отличается от всех прочих, что существует самое большее в потенции, тогда как другие существуют в действительности. Нет же еще никакого будущего, как нет еще тех вещей и явлений, которые, быть может, таятся за горизонтом прогресса! А приходится ими оперировать, как математик оперирует мнимыми числами, без которых, кстати сказать, немислима современная математика.

Вот это-то обстоятельство и предопределяет поэтику научной фантастики, а отчасти и всей фантастики в целом. К четвертой метатеме нельзя подходить с точно такими же средствами художественного изображения, как к трем другим. Научные фантасты пишут не так, как их коллеги, потому что иначе нельзя разрешить взятую метатему.

Остановимся на этом подробнее.

В отличие от всех других прозаиков фантаст вводит в свои произведения нечто несуществующее. И стало быть, незнакомое читателю. Дать образ несуществующего, столь же наглядный и достоверный, как

изображение трамвая, магазинного прилавка или лунной ночи,— вот первая задача, с которой сталкивается фантаст и на которую он расходует свою творческую энергию. Не будет эта задача решена успешно — провал! Фантастическое окажется муляжом, не произведет впечатления, разрушит художественную ткань, всему придаст оттенок неправдоподобия. Чтобы этого не произошло, нужна особая художественная алхимия, излишняя в обычной прозе и ей несвойственная.

Таково первое своеобразие поэтики НФ да, в общем, и всей фантастики. К чему приводит недоучет этого обстоятельства, красноречиво свидетельствует пример «Бураниного полустанка» Ч. Айтматова. Блестящий мастер, незаурядный талант, а меж тем вся научно-фантастическая часть романа не только слабее всех остальных, она явно не дотягивает до имеющихся, даже не самых лучших образцов НФ. Здесь автор столкнулся с теми самыми трудностями, для преодоления которых давно разработаны специфические художественные средства, но не использовал их в полной мере.

Неведомые обычным прозаикам трудности нарастают в квадрате или в кубе, когда писатель обращается к изображению далекого будущего. Тут ни много ни мало надо создать несуществующий мир, где почти все реалии иные, чем в сегодняшнем дне. Где почти все незнакомо не только читателю, но и писателю. А в идеале все должно восприниматься столь же зримо, как сегодняшняя действительность, выглядеть столь же убедительным и достоверным, как, например, в «деревенской прозе». Таково, ничего не поделаешь, требование искусства! И критики, вольно или невольно сравнивающие, скажем, «Туманность Андромеды» И. Ефремова с талантливыми произведениями о современности, совершенно правы в своих претензиях, что этот роман уступает в психологичности и художественности даже не самым замечательным образцам обычной прозы. Все верно, но есть одно обстоятельство, которое не учитывается. Сложность художественного изображения несуществующего и незнакомого мира меркнет по сравнению с куда большей трудностью: надо еще и изобразить человека другой эпохи, наверняка приобретшего иной психологический склад и даже не так говорящего, как мы говорим... А это, видимо, в принципе невозможно. Хотя бы по причине, указанной Л. Н. Толстым: можно выдумать все, кроме психологии. И та же «Туманность Андромеды» несет следы титанической борьбы с этим постулатом, не всегда, заметим, безрезультатной... Все же «аксиома Л. Н. Толстого» осталась неопровергнутой. Поняв это, Стругацкие пошли по другому пути, их герои далекого будущего — это наши современники, только лучшие из нас. Это обернулось художественным выигрышем, но вызвало законный упрек: неужели люди двадцать второго века будут так похожи на нас?

Словом, всякий фантаст, взявшийся за изображение далекого будущего, каким бы ни был его талант, обязательно проиграет соревнова-

ние в художественной достоверности со своим столь же талантливым коллегой, пишущим о сегодняшнем дне. И тут, видимо, ничего не поделаешь. Но ведь кто-то должен писать о столь важном предмете? И достижения, скажем, сатирико-юмористической литературы не проверяют критериями психологической или философской прозы, не так ли?

Научная фантастика всегда кое в чем уступала и, думаю, будет уступать обычной прозе. Зато она может кое-что из того, чего не может такая проза. В частности, изображение будущего как было, так и останется в ведении НФ. Более того, ее средства позволили литературе решить некоторые новые общехудожественные задачи, о чем я скажу далее. А пока остановлюсь на той самой «научности», которая так раздражает некоторых критиков (между прочим, тут еще вопрос, что именно их так раздражает: «научность» ли фантастики или сама наука...).

О том, как и почему «научность» возникла в фантастике, уже говорилось в первой части статьи. Прежде всего то был ответ на читательский, стало быть, общественный запрос своего времени. Волновала сама новизна научно-технических свершений, отсюда повышенный, у того же Жюль Верна и его последователей, интерес к машинерии будущего. У эпигонов он возобладал над интересом к человеку, поскольку технику писать проще, а своего читателя до поры до времени находили и такие «безлюдные» сочинения. Художественность в них умахалась, по этой причине они быстро забылись, но пользу обществу они тем не менее приносили. И подчас огромную. Ведь авторами «безлюдной» НФ стали прежде всего ученые, инженеры, изобретатели. Некоторые из них поняли, что научная фантастика предоставляет исключительные возможности для пропаганды и популяризации собственных смелых и новых идей. А это уже не эпигонство. Тут, в частности, мы получили «Вне Земли» К. Э. Циолковского, произведение, которое серьезно повлияло на становление космонавтики. Думаю, литература должна гордиться, что на ее стыке с наукой возник столь масштабный и значимый труд. Конечно, в теории можно оградить искусство от всего остального и даже поставить себе это в заслугу. Но кому и какая от этого польза? Культура по сути своей неделима, ее раскол — бедствие, а не благо. Не следует называть литературой то, что ею не является, но надо отдавать должное всему, чему она способствовала появиться, что оказалось гибридной формой ее сращения с наукой или философией и способствовало победам грядущего. Иная позиция представляется мне сектантской.

Впрочем, даже если исходить из чисто литературных критериев, то обретенная фантастикой «научность» обогатила саму художественность, если, конечно, иметь в виду талантливые образцы НФ, а не поделки. Трудно найти читателя, который бы не помнил капитана Немо. Прошло столетие — и какое! — забыты многие художественные произведения

того времени, а этот образ живет. Но можно ли отделить капитана Немо от «Наутилуса»? Это никак невозможно, ведь данная «машинерия» — плод его ума, чувств, устремлений! Здесь именно «научность» помогла созданию долгоживущего образа...

Еще пример. Говорят, Жюль Верн был неважным психологом. Это смотря что понимать под психологией... Обратимся к роману «Вверх дном». В нем действуют те самые отважные и талантливые герои, которые в более раннем романе Жюль Верна «Из пушки на Луну» совершили триумфальный космический полет и заслужили оvationи всего человечества. Теперь же с помощью новой сверхтехники они в целях личного обогащения пытаются подправить земную ось. При этом их ничуть не смущает, что затеянная ими пертурбация губительна для русских, китайцев и многих других народов, что она вызывает гневный протест всего мира, в том числе самих американцев. Впрочем, послушаем Жюль Верна:

«Да, приходится признать, что пушки все время вертелись на уме у Барбикена и его друзей. Недаром же они всю жизнь посвятили баллистике. Сначала они соорудили во Флориде свою «Колумбиаду», чтобы лететь на Луну, теперь, где-то в точке X, они сооружали пушку еще более чудовищную.

Вот они уже объявляют громогласно:

«Наводи на Луну! Первое орудие... Огонь!»

«Переставляй земную ось! Второе орудие... Огонь!»

И слушая, как они командуют, всему миру не терпится крикнуть:

«Сажай в сумасшедший дом! Третье орудие... Огонь!»

Трудно поверить, что это было написано почти за столетие до появления военно-промышленного комплекса США. Да так, что хоть выноси в передовицу сегодняшней газеты! Кто еще из писателей девятнадцатого века так вник в психологию будущих пентагоновцев и выявил основной мотив их поступков? Под чьим пером возник научно-технический гений, равно служащий как освоению космоса, так и планам опустошения мира?

Как видим, НФ предугадывает не только грядущие свершения науки и техники...

Но, между прочим, столь прозорливое и глубокое проникновение в психологию тех же ученых-милитаристов было бы невозможно без «научности» НФ. Она-то и оказалась необходимым и сильным инструментом художественно-психологического анализа.

«Научность» НФ — это важное составляющее ее поэтики.

Иногда она выражена ярко, иногда слабо, это уже другой вопрос. В отдельных произведениях преимущественно «гибридной линии» ее вообще может не быть (например, ее нет в двудоминантном романе С. Льюиса «У нас это невозможно»). Она слабеет, даже вообще исчезает там, где фантастика используется как прием. И наоборот, фан-

тастика-тема требует научности. Нельзя писать о будущем, не изображая его, а поскольку его облик весьма зависит как от развития науки и техники, так и от их использования, то без научности тут обойтись невозможно. И добавим, без философичности, поскольку иначе нельзя всерьез ни представить, ни обосновать никакой вариант будущего. В минимуме то и другое необходимо, чтобы не было «развесистой клюквы». В максимуме тщательная научно-философская проработка играет роль несущей конструкции произведения. Значение такой проработки очевидно не только в «Туманности Андромеды» И. Ефремова или в «Железной плите» Джека Лондона, но и в «Гиперболоиде инженера Гарина» А. Толстого. Где это правило нарушается, там начинается пустопорожнее фантазирование, сюсюкающее или, наоборот, нагнетающее страсти-мордасти, все то, до чего так охочи не утруждающие себя трудом и ответственностью ремесленники.

Научный фантаст, как никакой другой писатель, вынужден знать науку и представлять себе ее реальные перспективы даже в том случае, когда он ограничивается введением некоей фантастической, но, кто знает, быть может, осуществимой в грядущем частности. Сам по себе здесь не выручит даже могучий талант, что прекрасно понял далекий от науки и техники А. Толстой, занявшийся перед написанием «Гиперболоида инженера Гарина» да и «Аэлиты» основательной проработкой соответствующих данных науки. В сущности, он следовал общелитературному требованию: надо знать то, о чем пишешь. Но как постичь то, чего нет в природе и вообще неизвестно, появится ли оно? Необходим компенсирующий материал, в частности, надо знать достижения современной науки, быть в курсе ее теорий, прогнозов и перспектив. Не для того, чтобы излагать их содержание,— это дело научно-популярной литературы. Просто это тот фактический материал, без которого научный фантаст обойтись не может, как «деревенщик» не может обойтись без знания, чем удобряют поля, когда доят коров и какой отпечаток сельский труд накладывает на людей. Перерабатывается этот материал, как и в других видах литературы, по законам художественности, о чем ясно свидетельствует пример того же А. Толстого.

Поскольку и в НФ речь идет прежде всего о человеке, фантасту необходимо свое, в принципе точно такое же знание жизни, как и любому другому писателю. «Научность» дополняет и расширяет личный опыт, обогащает талант, но не может заменить ни «ума холодных наблюдений», ни «сердца горестных замет». А когда личности в произведении не оказывается, талант ничтожен и художественного преображения жизни не происходит, то возникают худосочные поделки, столь же редкие в НФ, как и в других видах литературы, но особо приметные своей наукообразностью. Либо самоцельным фантазированием, в лучшем случае выглядящим как «интеллектуальный кроссворд». Все это броские признаки плохой НФ, делающие ее особо заметной по

сравнению со столь же дурными произведениями обычной прозы, что облегчает труд критикам.

Что еще характерно для поэтики НФ, так это масштабность изображаемого.

Эта ее черта особо наглядна в тех случаях, когда произведение сталкивает с будущим или с чем-то, быть может, грядущим оттуда не отдельного человека, а все человечество.

Снова не мешает приглядеться, что тут НФ проигрывает в сравнении с обычной прозой, а что, наоборот, выигрывает.

Общепризнано, что Уэллс и Чапек стоят в ряду талантливейших писателей двадцатого века. Однако попытайтесь припомнить характеры в чапековской пьесе «Р. У. Р.», едва ли это удастся. А как насчет глубокого психологизма в «Войне миров» Уэллса? В «Войне с саламандрами» того же Чапека? Думаю, каждый согласится, что с характерами и психологизмом у столь замечательных писателей дело хуже, чем у других крупных прозаиков того времени.

О слабости художественного дарования тут не будешь говорить. Причина в ином. Перед нами классический пример того случая, когда объект изображения диктует выбор художественных средств. Ведь в названных произведениях Чапека и Уэллса главный герой — не индивидуальность, а совокупность, не личность, а **человечество**. Человечество, оказавшееся перед лицом невероятного, но, быть может, таящегося там, за чертой горизонта...

Как писать такого героя? Он нов, необычен, литература, кроме Жюль Верна, отчасти Вольтера, Свифта, за него еще не бралась. И тут нет зримого образа, а где его нет, там литературе столь же трудно, как винтомоторному самолету в стратосферной разреженности. Но время выдвинуло такого героя, уклониться от него литература не может, новую, крайне сложную художественную задачу надо решать.

Ее-то и решали как Уэллс, так и Чапек. Каждый по-своему, но схожими средствами. Где более удачно, где менее, но в целом научная фантастика добилась успеха. И тем самым внесла новаторский вклад в развитие всей художественной литературы. То, как была решена задача, какие художественные новоизобретения здесь потребовались, — это особая, литературоведением почти нетронутая тема. Оставим ее будущим диссертантам, для себя отметим, что здесь литературе пришлось взять новый масштаб видения и изображения. Личность при этом несколько стусевалась, ослаб психологизм, более схематичным стал рисунок характеров. Зато каков выигрыш!

Ладно, возразит оппонент. Но когда героем НФ оказывается человек, наш современник, уж тут-то возможен психологизм высочайшего, такого же, как в обычной литературе, класса? А где же он, покажите!

Отвечу: показать не могу, поскольку обычный психологизм едва ли возможен в НФ. Иной наблюдается, есть он, как было показано у «непсихологичного» Жюль Верна, тем более у современных мастеров (одна «Маска» Лема чего стоит!). Но это не такой психологизм, как у классиков обычной прозы. И то же самое относится к разработке характеров.

Причина в следующем. «Человек перед лицом невероятного...» — так? Теперь представим себя на его месте. Вы столкнулись с невероятным, потрясающим, фантастическим: каков спектр ваших эмоций? Что происходит с вашим сознанием? Как насчет глубины рефлексии и самоанализа? Весь ваш характер тут проявляется или какая-то решающая в данной ситуации его сторона?

В том-то и дело! Нельзя описывать героя так, будто в невероятной ситуации он раскрывается точно так же, как в обычных обстоятельствах. И тут есть богатейшие возможности для психологического анализа и выявления характера. Но есть ограничения, с которыми обычная проза не сталкивается. Прежде всего по этой причине в научной фантастике редко возникает тема любви, а если и возникает, то почти никогда не становится ведущей. То, как и почему эта тема никнет, можно пронаблюдать на примере, скажем, лемовского «Соляриса»; здесь хорошо видно, что ее забивает. Доминирует-то четвертая метатема, а не первая, не вторая!

Исдержки очевидны: при доминировании четвертой метатемы едва ли возможен образ, адекватный Наташе Ростовой. Зато возникает Азлит! Нет Пьера Безухова, но есть капитан Немо.

И тут, кроме потерь, есть обретения. Сужая поле психологического анализа, четвертая метатема одновременно позволяет его расширять в сторону своего рода «художественного ультрафиолета». Вот как это происходит. Обычный прозаик работает в пределах реальных условий и ситуаций. Фантастика же позволяет создать в принципе любые условия и ситуации. Например, можно свести современного человека с Платоном. Или влюбить в инопланетянку. Сдружить с разумным кибером. Все, что угодно! Но это, понятно, условный опыт, некий интеллектуально-художественный эксперимент. В нем есть искусственность, порой ощутимая даже не в бесталанных произведениях НФ, что плохо. Зато есть надежда выявить таким способом какие-то черты современного человека, которые слабо проявляются или вовсе не проявляются в реальной действительности. Отнюдь не безосновательная надежда. Именно так Жюль Верну удалось высветить те особенности психики Барбикена и К^о, которые зловеще и явно предстали перед людьми спустя столетие. Не менее примечателен Гриффин, уэллсовский человек-невидимка; это едва ли не прототип современного и вполне реального Эдварда Теллера, ядерного маньяка, агрессивного честолюбца, злого гения американской науки. Многое в этом роде еще можно припомнить, многое.

Здесь мы сталкиваемся с очередной особенностью научной фантастики: подмеченное ею в людях и обществе часто не сразу предстает в своей истинной значимости. Это мы сейчас обнаруживаем и говорим: а ведь было, литература предупреждала, что в человеке есть и такое! А тогда те же барбилены казались гротескным преувеличением, Гриффин выглядел одиноким и жалким монстром...

Такова научная фантастика, таковы основные особенности ее поэтики. Осталось сказать немногое.

Нравится нам это или нет, мы живем в быстро изменяемом мире, где сбывается или может сбыться самое фантастическое. В пору столь резкого ускорения прогресса вопросом вопросов становится духовное предуготовление человека к небывалым новациям грядущего. Всякое изменение требует адаптации, и коль скоро будущее несет изобилие перемен, то проблема психологической адаптации к будущему, никогда не встававшая перед обществом, приобретает исключительное значение. Здесь неподготовленность психики чревата дезориентацией, растерянностью, бегством от действительности, порой она оборачивается духовным параличом или ненавистью к прогрессу как таковому. Без воспитания гибкой интеллектуальной и эмоциональной восприимчивости, без выработки должного адаптационного настроения личности ныне не обойтись. А требуемый настрой психики, ее эмоционального состояния невозможен без усилий литературы и искусства. Эта потребность все более ощутима. Симптоматично, что в странах, идущих в авангарде научно-технического прогресса, спонтанно и повсеместно возникают десятки, сотни клубов любителей фантастики. Это сопутствующее НФ явление беспрецедентно в истории литературы. Примечательно, что столь же популярный детектив не породил ничего подобного.

И последнее. Я уже говорил, что термин «научная фантастика» неточен и даже обманчив. Для литературы, зиждящейся на четвертой метатеме искусства, более подошло бы определение «реалистическая фантастика». Но не беда, если оно не приживется, важно, что мы здесь подразумеваем, каково наполнение формулировки. А содержание НФ — надеюсь, мне это отчасти удалось показать — гораздо шире, значительней, глубже, чем принято думать.

■ МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ

Хроника событий

Июль 1986 г.— июль 1987 г.

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

С 11 по 20 ноября 1986 г. в Доме творчества кинематографистов «Репино» под Ленинградом проходил ставший традиционным семинар по приключенческому и фантастическому кино, организованный Советом по приключенческому и фантастическому жанрам Союза кинематографистов СССР и Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР. Данный семинар, названный «Фантастика и приключения — 85», был посвящен итогам 1985 г. Со стороны Союза писателей СССР в работе семинара приняли участие А. Н. и Б. Н. Стругацкие, Н. М. Беркова, В. Т. Бабенко, Э. В. Геворкян, Ф. Я. Дымов, В. М. Рыбаков и другие.

С 3 по 16 декабря в Доме творчества писателей «Дубулты» в Юрмале проходил V Всесоюзный семинар молодых литераторов, работающих в жанре приключений и научной фантастики. Руководителями секций в этот раз были В. Д. Михайлов, С. А. Снегов, Л. Т. Исарова, П. А. Шестаков. Общее руководство семинаром осуществляла заместитель председателя Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР Н. М. Беркова. Функции старосты семинара, как и в прошлом, выполнял В. Т. Бабенко. Интересные, яркие работы представили молодые фантасты О. Азарьев (Симферополь), Н. Н. Дашкиев (Киев), В. Кричевский (Рига), Е. Панаско (Ставрополь), В. Панов (Тула), А. Пасман (Новосибирск), Д. Трускиновская (Рига), С. Трусов (Минск), М. Успенский (Красноярск), В. Хлумов (Москва). Впервые на семинаре работала секция критики, для участия в которой были приглашены Р. Арбитман (Саратов), Д. Бак (Кемерово), А. Мельников (Ташкент), В. Гопман (Москва), К. Рублев (Семипалатинск).

2—3 марта 1987 г. состоялся пленум Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР на тему «Роль приключенческой и научно-фантастической литературы в борьбе против реакционной пропаганды». Заседание открыл секретарь Союза писателей СССР Ю. Н. Верченко. В прениях выступили: Е. И. Парнов, С. А. Снегов, А. П. Казанцев, А. И. Шалимов, А. Н. Стругацкий, А. П. Кулешов, К. А. Симонян, Х. Диванкулиев, Д. А. Биленкин, В. К. Пеунов, Г. И. Гуревич, О. Н. Ларимонова, А. Я. Громов, Е. Л. Войскупский, С. Шермухамедов, Т. К. Гладков, В. Т. Бабенко, В. А. Ревич, И. М. Росохватский, В. Л. Гопман, А. В. Кацура.

Выступления упомянутых ораторов были посвящены анализу состояния научной фантастики в стране. Пленум выдвинул более двух десятков предложений, направленных на расширение и улучшение

издания научно-фантастической, приключенческой и детективной литературы. Было избрано Бюро Совета в составе: А. П. Кулешов (председатель), Е. И. Парнов (председатель), Н. М. Беркова (зам. председателя), Г. А. Анджапаридзе, В. Т. Бабенко, А. А. Безуглов, Д. А. Биленкин, Т. К. Гладков, Л. Т. Исарова, В. Д. Михайлов, А. Н. Стругацкий, А. И. Шалимов, П. А. Шестаков.

30 марта 1987 г. состоялось заседание Комиссии по научно-фантастической и научно-художественной литературе Московского отделения Союза писателей СССР, посвященное 90-летию юбилею известного писателя-фантаста Ю. А. Долгушина, автора романа «ГЧ» («Генератор чудес»). На заседании Комиссии, состоявшемся 29 мая, был отмечен еще один юбилей — 70-летие писателя-фантаста Г. И. Гуревича.

24—26 апреля в Свердловске прошел традиционный праздник фантастики «Азлит», на котором в шестой раз был вручен приз «Азлит» за лучшее научно-фантастическое произведение года, учрежденный Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей РСФСР и редакцией журнала «Уральский следопыт». Впервые приз получила женщина — ленинградская писательница О. Н. Ларионова. Нового приза журнала «Уральский следопыт» — приза читательских симпатий — удостоился известный писатель-фантаст Г. И. Гуревич.

22 мая отметил свой 10-летний юбилей Ростовский клуб любителей фантастики «Отражение» — один из старейших в стране (председатель М. А. Якубовский).

С 29 мая по 1 июня в Москве проходил VII конгресс международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Впервые в рамках конгресса состоялся colloquium «Научная фантастика и ядерная реальность», который вел критик Вл. Гаков (СССР). В colloquium приняли участие фантасты Йозеф Несвадба (ЧССР), Р. С. Йерсилд (Швеция), Пол Брайанс (США), а также советские писатели А. Н. Стругацкий, В. Д. Михайлов, В. Т. Бабенко, Э. В. Геворкян, В. А. Заяц, В. М. Рыбаков.

1987 год — год 80-летия крупнейшего советского писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова (1907—1972). В апреле торжества, посвященные юбилею, прошли в Москве и Ленинграде. Секретариат Союза писателей СССР принял решение о проведении ежегодных Ефремовских чтений и о присуждении имени И. А. Ефремова ежегодному Всесоюзному семинару молодых литераторов, работающих в жанре приключений и научной фантастики.

Юбилей 1987 года

90 лет со дня рождения Валентина Петровича Катаева (1897 — 1986), выдающегося русского советского писателя, автора фантастических романов «Остров Эрендорф» (1924) и «Повелитель железа» (1924).

80 лет со дня рождения Геннадия Самойловича Гора (1907—1981), фантаста философского плана, автора научно-фантастических повестей и рассказов, вошедших в сборники «Докушливый собеседник» (1962), «Кумби» (1963), «Глиняный папуас» (1966), «Скиталец Ларвиф» (1966), «Фантастические повести и рассказы» (1970), «Геометрический лес» (1975), «Изваяние» (1972), «Волшебная дорога» (1978).

80 лет со дня рождения классика советской фантастики, лауреата Государственной премии СССР (1952) Ивана Антоновича Ефремова, соединявшего в себе выдающегося писателя-фантаста и крупного ученого-палеонтолога, основателя новой науки — тафономии. И. А. Ефремов — автор научно-фантастических рассказов, вошедших в сборники «Встреча над Тускаророй» (1944), «Пять румбов» (1944), «Белый рог» (1945), «Алмазная труба» (1946), «Бухта Радужных Струй» (1959), «Юрта Ворона» (1960), повести «Звездные корабли» (1948), историко-фантастических повестей «На краю Ойкумены» (1949), «Путешествие Баурджеда» (1953), «Таис Афинская» (1972), романов «Туманность Андромеды» (1957, первая в советской литературе попытка нарисовать всеобъемлющую картину жизни высокоразвитого коммунистического общества), «Лезвие бритвы» (1963), «Час быка» (1970).

80 лет Владимиру Ивановичу Немцову, автору научно-фантастических книг «Незримые пути» (1945), «Шестое чувство» (1946), «Три желания» (1948), «Золотое дно» (1949), «Семь цветов радуги» (1950), «Альтаир» (1955), «Осколок Солнца» (1955), «Последний полустанок» (1959), двухтомника «Избранные произведения» (1982).

75 лет чувашскому писателю-фантасту Георгию Осиповичу Ефремову, автору фантастической повести «Из железного плена» (1985).

70 лет Георгию Иосифовичу Гуревичу, автору многочисленных научно-фантастических произведений и историко-литературоведческих исследований, посвященных научной фантастике. Первый рассказ вышел в 1946 г. Основные книги: «Иней на пальмах» (1951), «Подземная непогода» (1959), «На прозрачной планете» (1963), «Прохождение Немезиды» (1961), «Рождение шестого океана» (1961), «Пленники астероида» (1962), «Мы из Солнечной системы» (1965), «Карта страны фантазии» (1967), «Месторождение времени» (1972), «Нелинейная фантастика» (1978), «Темпоград» (1980), «Беседы о научной фантастике» (1983), «Только обгон» (1985), «В зените» (1985).

70 лет Борису Захаровичу Фрадкину, автору научно-фантастических повестей «История одной записной книжки» (1954), «Тайна астероида 117-03» (1956), «Пленники пылающей бездны» (1959).

70 лет Александру Ивановичу Шалимову, автору научно-фантастических повестей и рассказов, вошедших в сборники «Тайна Гремящей расщелины» (1962), «Когда молчат экраны» (1965), «Тайна Тускароры» (1967), «Охотники за динозаврами» (1968), «Цена бессмертия» (1970), «Станный мир» (1972), «Окно в бесконечность» (1980), «Возвращение последнего атланта» (1983).

60 лет Сергею Александровичу Другалю, автору многих научно-фантастических повестей и рассказов. Первая книга — «Тигр проводит вас до гаража» (1984).

60 лет со дня рождения Игоря Михайловича Забелина (1927—1986), автора научно-фантастического романа «Пояс жизни» (1960), повестей и рассказов, вошедших в сборники «Загадки Хаирхана» (1961) и «Записки хроноскописта» (1969).

60 лет Александру Исааковичу Миреру, детскому писателю-фантасту, автору повестей «Субмарина «Голубой кит» (1968), «У меня девять жизней» (1969), романа «Дом скитальцев» (1976).

60 лет Анатолию Алексеевичу Стасю, украинскому писателю-фантасту, автору книг «Подземный факел» (1960), «Зеленая западня» (1972), «Серебристое марево» (1974), «Улица алых роз» (1977).

60 лет со дня рождения Аскольда Павловича Якубовского (1927—1983), автора ряда научно-фантастических повестей и рассказов, вошедших в книги «Аргус-12» (1972), «Купол Галактики» (1976), «Прозрачники» (1987).

Советскую научно-фантастическую литературу постигла горькая утрата. В апреле 1987 г. скончался Владимир Николаевич Фирсов (1930). Его перу принадлежали такие научно-фантастические произведения, как «Бессмертие для рыжих» (1969), «Браконьеры» (1971), «Ангелы неба» (1974), «Твои руки, как ветер» (1975), «Конец агрессора» (1976), остросюжетная повесть «Срубить крест» (1983). В издательстве «Знание» в 1987 г. вышел первый сборник произведений В. Н. Фирсова.

Материал подготовили В. БАБЕНКО и В. ГОПМАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Повести и рассказы	10
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Волны гасят ветер	10
Арк. Бегов. Скакалка	127
Даниил Корещкий. Логика выбора	135
Михаил Орлов. Долина голубоглазых фей	147
Зарубежная фантастика	156
Пол Андерсон. Цель высшая моя — чтоб наказание преступленью стало равным... Перевела с английского Светлана Васильева	156
Генри Каттнер. Железный стандарт. Перевела с английского Светлана Васильева	165
Публицистика	184
Дмитрий Биленкин. Реализм фантастики	184
Меридяны фантастики	204

Литературно-художественное издание

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 32

Составитель Б. Г. КЛЮЕВА

Главный отраслевой редактор В. П. Демьянов

Редактор В. М. Климачева

Мл. редактор Н. П. Терехина

Худож. редактор М. А. Гусева

Художник П. Л. Храмцов

Техн. редактор Н. В. Калюжная

Корректор С. П. Ткаченко

ИБ № 8598

Сдано в набор 24.07.87. Подписано к печати 04.12.87. А. 12442. Формат бумаги 84X X108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура журнально-рублиная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отг. 11,34. Уч.-изд. л. 14,29. Тираж 100 000 экз. Заказ 7—2342. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 867705. Головное предприятие республиканского производственного объединения «Политграфинга», 252057, Киев-57, ул. Довжанко, 3.

1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО •ЗНАНИЕ•

